

Академия наук Абхазии
Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа
Абхазский государственный университет

Евгения Борисовна
РАФАЛЬСКАЯ

из О́кна вагона
вспомина́ния

Сухум – 2021

УДК 82-94
ББК 63.3 (5 Абх) 6-8
Р26

Е.Б.РАФАЛЬСКАЯ. Из окна вагона. Воспоминания./

Сост.: С.З.Лакоба. – Сухум: 2021. – 188 с.

Г/р 978-5-166-07-02021

Воспоминания Евгении Борисовны Рафальской (1893–1988) «Из окна вагона» представляют собой не полную версию, а фрагменты, связанные с ее жизнью в Сухуме в разные годы, в том числе в периоды бурных революционных событий и войн. Они были завершены автором в возрасте почти 90 лет.

Рафальская была дочерью известного сухумского адвоката, активного участника революционного движения в Абхазии в 1905 г. Бориса Николаевича Захарова - племянника легендарного Германа Лопатина. В разное время Е.Б.Захарова-Рафальская жила, училась и работала в Швейцарии, Германии, России. После окончания Высшего литературно-художественного института в Москве в 1925 г. занималась переводческой деятельностью.

Предлагаемые воспоминания написаны талантливым литератором, журналистом, и читатели найдут в них немало интересного. Они хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства.

СЕРИЯ: Неизвестная Абхазия. XX век. № 2.

Предисловие, краткие комментарии и отдельные биографические сведения подготовлены С.З.Лакоба. Фрагменты воспоминаний Е.Б. Рафальской (в 2-х частях) публикуются по машинописи с авторской правкой. В скобках [...] даются уточнения и пояснения от составителя.

©АБИГИ, 2021

© Станислав Лакоба, 2021

♦ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Более тридцати лет назад вышла моя книга историко-культурных очерков «Крылились дни в Сухум-Кале...» (Сухуми.1988). В ней приводятся редкие архивные документы, письма и воспоминания ярких представителей русской интеллигенции, которые жили и работали в Абхазии в первой трети XX столетия. Среди этих личностей был известный сухумский адвокат Борис Николаевич Захаров (1876 - 1938), дочь которого Евгения Борисовна Захарова-Рафальская (1897–1988) рассказала мне много интересного о «сухумцах» и сухумской жизни того времени. Благодаря доктору филологических наук, профессору Маргарите Глебовне Ладария, в 1983 г. у меня завязалась переписка с Е.Б. Рафальской, из которой стало известно, что она пишет воспоминания. («Ваши воспоминания представляют для меня большой интерес и хотелось бы воспользоваться любезностью ознакомиться с ними». Из письма от 3 октября 1983 г.). В дальнейшем, когда Евгения Борисовна уже находилась в московском пансионате для престарелых, я несколько раз ее навещал, и она очень подробно рассказывала о жизни в старом Су-

хуме. Подборка ее писем в конце 1990-х гг. была передана мною известному исследователю нашего города Анзору Семеновичу Агумаа, который издал о Сухуме несколько замечательных книг и фотоальбомов.

Кто же такая Е.Б.Захарова-Рафальская и что из себя представляла ее семья?

Евгении Борисовне было четыре года, когда она в 1901 г. вместе с родителями переехала в город Сухум-Кале. Отец – Борис Николаевич Захаров, юрист, присяжный поверенный, быстро стал здесь известным человеком. Мама – Евгения Васильевна Владимирова (окончила Петербургский медицинский институт) занималась общественной и педагогической деятельностью, но в 1912 г. умерла от туберкулеза.

Во время революции 1905 г. Б.Н. Захаров был избран председателем Комиссии Народного суда в Сухуме, за что его осудили и приговорили к тюремному заключению. Он принимал активное участие в местных революционных событиях, но в то же время был беспартийным и не примыкал ни к одной из партий, в том числе к РСДРП¹. В кавказской администрации хорошо знали, что адвокат Б.Захаров - племянник легендарного революционера, на-

¹ См.: Лакоба С.З. Боевики Абхазии в революции 1905–1907 годов. Сухуми. 1984. С.29; Лакоба С.З. Абхазия в годы Первой российской революции. Тбилиси. 1985. С. 47, 57 - 58.

родовольца Германа Лопатина, что он отбывал свой срок заключения вместе с Серго Орджоникидзе...

В советское время Борис Николаевич работал юри-сконсультантом, пользовался большим авторитетом в Аб-хазии. На одно из писем Евгения Борисовна ответила мне: «Неверно, что отец был в «дружбе» с Н.Лакоба. Я бы определила так: они оба знали цену друг другу. Лакоба был очень властный, умный. С Лакобой вероятно было нелегко, но он ценил ум и эрудицию отца. Недаром его привлекли к составлению Конституции [1925 г.] и Зе-мельного кодекса Абхазии».¹

В годы НЭПа, в 1923 г. Захаров, будучи юристом Со-внаркома Абхазии, по заданию Лакоба выезжал в Кон-стантинополь для правового урегулирования некоторых торгово-экономических вопросов...

Обо всем этом, о своей интереснейшей жизни Евгения Борисовна подробно рассказала в своих мемуарах «Из окна вагона»² (другой вариант – «Из окна поезда жизни»). Прекрасная память, великолепная эрудиция и литератур-ный талант позволили ей создать колоритные мемуары. Отдельные же эпизоды, личности, события не вошли в воспоминания. Поэтому, когда в 1983 г. началась наша пе-

¹ Лакоба Станислав. «Крылились дни в Сухум-Кале...». Историко-культурные очерки. Сухуми. 1988. С.116 - 117.

² Российский государственный архив литературы и искус-ства (РГАЛИ). Фонд 1329 (Г.А.Лопатин). ОП. 2. Д.15; Д.16. [Вос-поминания Е.Б.Рафальской. В 2-х ч. 1983 - 1985].

реписка, мы договорились, что Евгения Борисовна будет писать мне о «разных мелочах», дополняющих ее мемуары.

...После окончания сухумской гимназии она жила и училась в 1913–1914 гг. в Женеве, а Первая мировая война застала ее в Германии. Потом снова Сухум. Учеба в Петрограде (1915–1916) на Бестужевских курсах, служба в Красной Армии, Высший литературно-художественный институт (1925), переводческая деятельность, в 1931–1933 гг. вместе со вторым мужем В.А.Рафальским работала в Берлинском торгпредстве. Была инициатором и одним из организаторов журнала «Здоровье»¹.

В тринадцать лет она впервые опубликовала стихи в газете «Сухумский вестник» (1910). Позднее Евгения Борисовна написала прекрасное стихотворение «Певец», основанное «на полудетских воспоминаниях», когда отец брал ее с собой в поездки по Абхазии.

*...Беимет от зимнего тумана влажен,
В грязи дорог пройденных ноговицы.
Но гордый профиль стариковский важен.
Как профиль хищной и свободной птицы.*

¹ Лакоба Станислав. «Крылились дни...». С.118–121; Евстигнеева А.Л. Из воспоминаний Е.Б.Рафальской о Высшем литературно-художественном институте имени В.Я.Брюсова. Источник: [http:// www. literary. ru/ literary.ru/](http://www.literary.ru/literary.ru/)

*И ту же птицу он напомнил блеском
Прозрачных глаз, пронзительных и острых.
А песня душу затопляла плеском,
Как волны в бурю затопляют остров.*

Старик «пел о днях полузабытых, о многолетней упорной брани». В небольшом комментарии к стихотворению Захарова отмечает, что «это было где-то недалеко от храма Илорской Божьей матери – кажется так называлась эта церковь, которую мы осматривали».

*...Перед глазами битвы их вставали:
Как за свободу просто умиралось!
И смерть под свисты пуль и скрежет стали
Будила гнев иль радость, – но не жалость.*

*Умолк. Но песня точно ветер с моря:
Казалось, все мы сделали моложе.
Старик спросил: «Далеко ль до Илори»,
И встал с ковра и посох взял дорожный.*

*И мы увидели, когда он вышел,
Что поступь важная и все движенья
Исполнены особого значенья,
И он казался головою выше,
Чем юноши из нашего селенья.*

Евгения Борисовна входила в 20-х годах в литературную группу «Перевал», руководимую А.К. Воронским. Печаталась она тогда («Сухумские сонеты», «Сентябрь») под фамилией Турская (Владислав Марианович Турский – ее первый муж), занималась переводами. В «Новом мире» был напечатан ее перевод рассказа Ж.Жироду «Святая Эстелла» с предисловием А.В.Луначарского.

В письмах Евгении Борисовны содержатся интересные факты. Например, о пребывании в Абхазии Германа Лопатина. «Лопатин после Шлиссельбурга приезжал к нам в 1906 г., – вспоминает она, – в октябре или ноябре... Встречали дедушку много лодок, но красных флагов не было (учтите – полиция)... Приходили депутации от общественных и партийных организаций и просто сухумские интеллигенты (в том числе и М.Л.Томара¹). Второй раз Г.А. приезжал весной 1914 г. (я была за границей), потом в 1915, 1916, 1917 гг. – всегда весной, по дороге в Тифлис». Евгения Борисовна сообщает, как весной 1915 г. Лопатин несколько дней провел в Цебельде, в усадьбе Вороновых. Там «находился какой-то студент из Петрограда, который был страшно изумлен, встретив в горной глуши Германа Лопатина»².

¹ Томара Михаил Львович, в 1904–1905 гг. Сухумский городской голова, известный меценат.

² Лакоба Станислав. «Крылились дни...». С.117 - 119.

Предлагаемые читателям воспоминания Е.Б. Рафальской – это не полная версия, а лишь те фрагменты, которые связаны с Абхазией, с жизнью ее семьи, известными общественными, политическими деятелями и представителями творческой интеллигенции. Необходимо отметить, что автору в период работы над текстом было около 90 лет, но, несмотря на столь солидный возраст, она сохранила в своей памяти и передала нам многие подробности событий пережитых десятилетий, с яркими, порой трагическими, людскими судьбами.

Станислав Лакоба,
кандидат исторических наук,
профессор

МЫ ПЕРЕЕХАЛИ В СУХУМ

*П*оезд подходит к Новороссийску.

– Смотри – вон видишь синее? – это море!

Весь вагон у окон: Море, море...

А я ничего не понимаю. Вот это синяя стена на горизонте – это и есть море? В Новороссийске мы ждём парохода: здесь железнодорожный путь кончается. Мать лежит в номере гостиницы. Мы с отцом в порту. В зеленоватой воде отражаются лодки и баркасы. Блики света на крашенных бортах. Я вижу все это – а моря не вижу. И даже уже на пароходе, когда отец за руку водит меня по палубе, я, хоть и смотрю на море, но никак его не воспринимаю. Я вижу воду, рассыпающуюся пеной под носом парохода, дельфинов, обгоняющих пароход, играющих, прыгающих в воде, то исчезающих, то снова появляющихся.

Я вижу их округлые блестящие тела, скользящие движения – моря не замечаю. Говорят, что маленькие дети видят в зоопарке уточек и не замечают слонов. Ночью, сонную, отец несет меня на руках по трапу в лодку. Тогда пароходы не могли пристать к маленькой пристани, да и

бухта была недостаточно глубока для них. Они останавливались на рейде, а пассажиров перевозили на шлюпках. Это было не очень-то удобно, а порой и опасно. Поэтому в сильный шторм пароходы часто проходили мимо маленьких портов вроде Сухумского.

Сквозь сон я, тогда четырехлетняя [1901 г.] смутно видела только золотые веретена огней на чёрной шёлковой воде залива.

СУХУМ

Утром я проснулась в номере гостиницы. Не помню, как туда попала. Усталые родители спят. А мне не терпится узнать, какой он – этот Сухум. Ещё в поезде я допытывалась: Сухум – от слова «сухой»? Кале от слова «раскаленный» – (Сухум тогда на всех картах назывался «Сухум-Кале». Кале по-турецки «крепость»)?

Очень трудно в первый раз в жизни надевать чулки. Они не лезут на ноги, но нет терпения ждать, пока проснуты родители. Наконец я в коридоре. Он упирается в балкон, обрамленный синими с красным выюнками. (До сих пор люблю эти цветы за воспоминание, связанное с ними. Они называются ипомея). И вот в рамке этих цветов я впервые увидела море! Синее-синее, безбрежное: нет другого берега, как у Волги! Первое понятие о бесконечности. Море тихое, всё в солнечных искрах. А перед домом – деревья, совсем не похожие на наши, саратов-

ские. У одних листья, как маленькие серпы. У других листья огромные, как веера и они не шелестят, а постукивают ими. Третьи цветут огромными белыми восковыми цветами.

А потом мы на линейке объезжаем город в поисках квартиры. Мать ещё не в силах ходить пешком. Ей очень понравилась квартира в большом белом доме. Но – дорого. И родители с грустью отказываются.

Наконец квартира найдена и мы переезжаем из гостиницы. Это небольшой домик недалеко от Красного моста – он действительно красный. Перед домом длинная пыльная улица, которая ведёт к центру городка. Вокруг домика большой сад и по изгороди из колючей проволоки выются бледно-розовые розы. А в саду невиданные растения – акация, которая цветёт благоуханными и сладкими на вкус цветами. Дерево с грубыми мохнатыми с изнанки листьями. На нём жёлтые цветочки, похожие на пчелок, собранные в кисти. Это мушмула. Я пью капельки дождя прямо с лепестков роз. Совсем недалеко, за Красным мостом размещаются казармы Сухумского полка и оттуда в осеннем прозрачном воздухе каждое утро доносится звонкое пение трубы – всегда один и тот же мелодичный сигнал.

Через дом от нас, на углу, перс, по имени Али, продает фрукты. Каждый день мать даёт мне пятак и я иду за виноградом. Он синий, почти черный, сказочно пахнущий, слегка припудренный. Я уже знаю, что его зовут «изабел-

ла». Виноград стоит 5 копеек «око», т.е. три фунта – у нас в Саратове такой меры нет. Али вручает мне виноград в рожке, свернутом из грубой шершавой бумаги – такой уже давно не вырабатывают.

В саду я играю с мальчиком по имени Жора. Такое имя я слышу впервые. Мы играем дружно, но я замечаю, что эта дружба чем-то не нравится родителям. Они о чем-то совещаются, а потом запрещают мне ходить в гости к Жоре. А дом его, как и наш (только намного лучше нашего) выходит в тот же сад. Мне всё это непонятно. Только много позже я узнаю, что отец Жоры – жандармский офицер.

Сухум моего детства! Улицы пыльные летом, непролазно грязные зимой, когда по многу дней подряд льёт дождь. Маленькие лавчонки, где торгуют всякой всячиной: чувяками, украшенными галуном, дешёвой галантереей, разложенными прямо на земле перед лавочкой. В других лавчонках туши мяса висят прямо на крюках. В мешках кукуруза в зернах или кукурузная мука, фасоль. Вязанки чесноку и красного перца, который из-за своего яркого цвета долгое время казался мне лакомством. Прямо на улице на мангалах (тоже новое слово!) жарят шашлыки. На базаре горы фруктов, золотые дыни, тыквы, помидоры, синие, словно лакированные баклажаны.

По утрам можно наблюдать удивительное зрелище. Через Красный мост двигаются вереницы светловолосых

и светлоглазых всадниц. Они едут верхом в дамских седлах на лошадях, окруженные бидонами, мешками, узлами. Это эстонки и немки из ближних колоний¹. Каждое утро они привозят в город великолепные молочные продукты – молоко, сметану, творог. На базаре таких продуктов нет – местное население не умеет их готовить. Миновав Красный мост, всадницы разъезжаются в разные стороны: у каждой своя клиентура.

Эти колонии существовали очень долго. После установления Советской власти они организовывались в колхозы (или в совхозы?). Во время Великой Отечественной войны немецкие колонии перестали существовать, т.к. немцы были высланы, а эстонские остались. Они резко отличались от окружающих абхазских хозяйств. Мне довелось побывать в одном из эстонских совхозов. Там был великолепный парк сельскохозяйственных машин, прекрасно возделанные земли (кстати, это было едва ли не единственное место, где возделывали картофель – культура не такая уж частая в Абхазии с её тяжёлыми землями). Чистенькие домики, рядом ухоженные сады с фруктовыми деревьями и цветами. Не знаю, сохранились ли до настоящего времени эти прекрасные хозяйства.

¹ В конце XIX в. около Сухума возникли колонии немецких и эстонских переселенцев Гнаденберг, Найдорф, Линдау (Линдава, в селе Абжаква). С началом войны немецкие поселенцы были высланы в 1941 г. в Казахстан.

Из улиц Сухума одна лишь набережная была в то время усыпана мелким гравием. Её же первую залили потом асфальтом. На остальных улицах вообще не было никакого покрытия, если не считать пыли и грязи. Вдоль набережной стояли маленькие двухэтажные здания: наверху гостиница, внизу – кофейня или кондитерская. В кофейнях не только и не столько пили кофе, сколько играли в нарды или в «телефон» особый вид игры в домино. Если какой-нибудь наивный приезжий, зайдя в кофейню, спрашивал, есть ли телефон – ему сейчас предлагали домино.

За пределами города тянулись болота. Они доходили до самого маяка на низкой песчаной косе, выступающей в море. Вопли миллионов лягушек оглушали по вечерам город. Вились тучи комаров. Они мешали спать. Малярией болел чуть ли не каждый.

При выезде из города в сторону Очемчир тоже лежало огромное непросыхающее болото. Когда мы проезжали мимо, то видели торчащие из воды изогнутые рога и чёрные блаженные глаза: это буйволы, которые по самую голову погружались в грязную жижу-то ли искали прохлады, то ли спасались от комаров. По ночам в городе слышались какие-то странные звуки – не то хохот, не то плач. Это – шакалы, забежавшие в черту города. Их называли «чикалки».

И надо всем трехгорбая Чернявская гора. На одном из горбов неизвестно кем, когда и зачем посажены в кружок кипарисы. В городе они видны отовсюду. И очень много

солнца, а зимой дождя. Он может идти неделю, две, три то утихая, то усиливаясь. А потом вдруг выглянет солнце и вы можете идти гулять без пальто. И можете смотреть на море – оно всегда разное и никогда не повторяет себя.

Но пока была жива мать – а Сухум продлил ей жизнь на одиннадцать лет – мы на лето не оставались в Сухуме. Ей была вредна жара, да и малярии боялись. Мы уезжали то в Бакуриани, которое в то время было маленьким горным селением и ему еще далеко было до теперешней спортивной славы, то в Цеми или Цагвери или в Цебельду¹. А порой ездили на родину – на дачу под Саратовом.

Я уже писала, что у матери почти не было родственников. Но оставалась жива её бабка. В одну из поездок под Саратов мы её навестили. Она жила на даче в какой-то деревне. Это была высокая худая старуха с прекрасными нерусскими глазами. Дело в том, что она была итальянка по происхождению, фамилия её была Сартори. Она получила приличное по тем временам образование, знала какие-то иностранные языки. Но была ужасно ленива и беспечна. Когда умер её муж – мой прадед – она дошла до нищеты, но ни за какую работу не бралось. Дочь ее, моя бабушка со стороны матери, кончила институт «для благородных девиц» (среднее учебное заведение) и тоже не была приспособлена для борьбы за существование. Обе они оказались без средств к жизни без умения и жела-

¹ Бакуриани, Цагвери, Цеми горные курорты в Грузии; Цебельда – древняя столица Апсилии в Абхазии.

ния работать. Жили впроголодь в подвале. Однажды мой дед – выходец из крестьянской среды, очень энергичный, предприимчивый и трудолюбивый, пробившийся в то время уже в чиновники, встретил где-то бабушку, влюбился и сделал предложение. Оно было принято. Няня, жившая в нашей семье ещё со времен рождения моей матери, рассказывала, что даже, когда в семье появились дети, то и тогда от моей прабабки нельзя было добиться помощи. Она целыми днями или занималась своей внешностью или была один пасьянс за другим.

Естественно, когда моя мать и её сестра вышли замуж, зятья не захотели жить со вздорной и ленивой старухой. Она поселилась, если не ошибаюсь в Вольске, а внушки посылали ей деньги на жизнь. Спустя некоторое время соседи её прислали моей матери письмо с упреками: старуха голодает, почему вы, внушки, не помогаете! Мать удивилась и выехала в Вольск. Что ж оказалось? Все деньги эта восьмидесятилетняя старуха отправляла в Париж, в какую-то шарлатанскую фирму, которая высылала ей «эликсир молодости»! Мать моя тут же устроила свою бабу в какую-то семью на полный пансион и денег на руки ей уже не высылали.

В НАШЕМ ДОМЕ

В Сухуме довольно быстро у отца появилась хорошая адвокатская практика. Каждый год, возвраща-

ясь в Сухум, мы переезжали на новую лучшую квартиру. Мать понемногу окрепла. Ее мечта – стать врачом не осуществилась. Но она не хотела быть, просто домашней хозяйкой. К тому же пришла пора мне учиться. Она стала подбирать мне товарищей для ученья. И так постепенно стала учительницей. Увлечлась педагогикой, выписывала много педагогической литературы. Получали мы и так называемые «толстые» журналы: «Русское богатство», «Мир божий», «Вестник Европы» и другие. Понемногу отец собрал хорошую библиотеку, уж не говоря о юридической литературе. Родители стали одними из организаторов литературно-музыкального кружка.

Дух мещанства был совершенно чужд моим родителям. Мебель у нас в доме была самая простая. Мать одевалась очень скромно: белые блузки, черная юбка, выходное черное платье – шерстяное или шелковое.

Помню, когда родители немного устроились и отец стал прилично зарабатывать, он поехал в Саратов и в Москву – повидаться со старыми друзьями. Приехав, стал делиться с матерью впечатлениями. «А Петр Иванович? Его ты видел?» Отец махнул рукой. «Видел. Я пришел к нему, а он стал показывать хрусталь в буфете! О чем мне было с ним разговаривать! Я повернулся и ушел.»

На что родители не жалели денег – так это на наше образование, нас учили языкам, а позже я стала брать уроки музыки.

Естественно, вскоре после приезда, у нас появились знакомые и друзья. По вечерам у нас постоянно собирались гости, за чайным столом шли долгие и непонятные мне разговоры. Слышались слова «правительство», «стачка», «революция». Говорили о войне с Японией, негодовали по поводу бездарности командования и сокрушались о жертвах–войны, о гибели нашего флота под Цусимой, о смерти адмирала Макарова. О художнике Верещагине я впервые узнала не по его картинам, а по рассказам о его гибели. Кстати следует сказать, что музеев в Сухуме, конечно не было, но в те времена были широко распространены открытки, с репродукциями произведений изобразительного искусства и мы, дети, коллекционировали их. У меня было несколько альбомов с такими открытками и по ним я знала основные произведения Репина, Крамского, Сурикова, Врубеля, Бенуа, Беклина (тогда очень модного) и других. А когда я попала в музеи, все они казались уже старыми знакомыми.

Очень мне запомнилось, как дошла до нашей семьи весть о гибели Баумана¹. Печаль и негодование были тем сильнее, что родители были в дружбе с женой Баумана, имя «Надя Бауман» часто повторялось в нашем доме, кстати ее настоящее имя было какое-то другое.

В доме у нас встречались люди разных убеждений: меньшевики, большевики, эсеры. Тогда была единая орга-

¹ Бауман Николай Эрнестович (1873–1905), российский революционер, большевик, убит 18 октября 1905 в Москве.

низация – Российская социал–демократическая рабочая партия. Отец играл в ней большую роль, не вступая ни в какую партию («не хочу связывать себя дисциплиной»). Называл себя «плехановцем». Помню в доме ожесточенные споры, но не помню злобы и вражды: всех объединяло стремление – свергнуть царское правительство. Размежевание пришло много позже.

В дореволюционное время в Сухуме скрывались многие, находившиеся на нелегальном положении. Нравы там тогда были идиллические. Можно было годами – жить без прописки, возможно, дело было в том, что в городе всегда было очень много приезжих, больных туберкулезом. Ведь Сухум был зимней климатической станцией. Может быть и климат и южная лень способствовали благодушию.

Спасаясь от преследований Саратовской полиции, у нас дома целый год жила гимназическая подруга моей матери – Елена Яковлевна Архангельская, бежавшая из Саратова вместе с сыном, мальчиком лет семи. На следующий год она устроилась преподавательницей истории (она окончила исторический факультет Бестужевских курсов в Петербурге) в нашу гимназию, была утверждена в Учебном округе, сняла квартиру и прожила так непрописанной в Сухуме 7 лет.

С ее пребыванием в нашем доме связано такое воспоминание. Елена Яковлевна была очень экспансивной, любила природу и стихи и шумно эту любовь выражала. Часто она расхаживала по нашему большому балко-

ну с книгой в руках: это были стихи Гейне, которые она читала вслух по немецки – по происхождению она была немкой. Однажды на закате солнца, когда она по своему обыкновению расхаживала по балкону, мы вдруг услышали ее отчаянный крик. Все бросились на балкон, но она не в состоянии была и слова сказать, только кричала и рукой показывала на небо и мы увидели над оранжевым закатным заревом яркую звезду с огромным лунного цвета хвостом, раскинувшимся в небе. Это была комета Галлея, она как бы устремлялась вслед за ушедшим за горизонт солнцем. [1910 г.]

В 1916 году Елена Яковлевна решила, что ее забыли, идет мировая война и полиции не до нее. Она вернулась в Саратов, но как только, стала оформляться на работу, ее арестовали. В тюрьме она заболела брюшным тифом, но невзирая на это, ее, больную, отправили по этапу в ссылку в г. Тотьму Вологодской губ. Но это уже был конец 1916 г. и в марте 1917 года она, вместе со всеми другими ссыльными, была освобождена революцией. Вскоре после этого мы в связи с разрухой потеряли друг друга из виду. А в 1923 году, приехав в Москву, я узнала, что она заведывала лекторским отделом МОНО, но за два месяца до моего приезда умерла.

Скрывался в Сухуме и такой известный большевик, как М.И. Васильев-Южин¹. Это был хороший знакомый

¹ Васильев – Южин Михаил Иванович (1878–1937) – видный большевик, участвовал в подготовке Московского во-

моих родителей и они часто встречались, тем более, что жил он очень близко от нас. Возможно, что именно по его рекомендации у нас время от времени появлялись какие-то люди, которых надо было спрятать. Иногда они ночевали у нас, а потом отец их куда-то отводил. Некоторые, в том числе и сам Васильев-Южин, какое-то время жили в Цебельде, в имении Вороновых.

Один из таких гостей был окружен особой таинственностью. Отец куда-то уезжал, принимала его мать. Даже прислугу куда-то услали. Жил он в самой дальней комнате и выходил только к столу. Мне кажется, что фамилия его была Дубровинский, во всяком случае похожая. Он был очень мрачным и молчаливым человеком, хотя мать, угнетенная молчанием, всячески пыталась поддерживать разговор. Жил он у нас, помнится всего два дня, потом приехал отец и куда-то его отвел.

ЭЛЕОНОРА МИХАЙЛОВНА

Постепенно мы особенно сблизились с семьей Махвиладзе. Глава семьи, Владимир Михайлович, был врачом. Политика его мало интересовала, у него была довольно

оруженного восстания в декабре 1905. Неоднократно бывал и скрывался в Абхазии. С 1925 по 1937 – заместитель председателя Верховного Суда СССР. В 1937 арестован и расстрелян.

большая медицинская практика, основной его специальностью было лечение малярии. Душой семьи была жена – Элеонора Михайловна¹, женщина с очень красивым и добрым лицом, армянка по происхождению. Не помню, знала ли она армянский и грузинский языки, но по русски она говорила безукоризненно, как на родном языке. Были две девочки, Лида и Таня, мои подруги. Элеонора Михайловна была яркой меньшевичкой. В их доме (как и в нашем) бывали многие видные революционные деятели Абхазии, в том числе и грузинские меньшевики (например Володя Джугели) и большевики (Готошия, Кухалейшвили). Забегая вперед, скажу, что когда организовалась Грузинская меньшевистская республика, Э.М. была избрана в ее Учредительное собрание, Володя Джугели стал военным министром, а позже кончил свои дни в эмиграции.

Э.М. была необычайно предана своим убеждениям и занята партийной работой. Даже прислуга в доме была из числа ее партийных товарищей и весьма вольно относилась к своим обязанностям. Владимир Михайлович

¹ Махвиладзе (девичья фамилия Тер-Парсегова) Элеонора Михайловна (1875–1943?) – активный участник революции 1905 в Сухуме, член меньшевистской партии, была осуждена. В 1919–1921 – депутат Учредительного собрания Грузии. В феврале 1919 избрана в городской совет Тифлиса. После советизации Грузии занималась подпольной работой, принимала участие в меньшевистском восстании 1924. Была арестована и выслана. После возвращения в Тифлис занималась педагогической деятельностью.

жаловался: «придешь с практики домой усталый – обеда нет. Хочешь прилечь – на твоей кровати уже спит какой-то нелегальный. Идешь в кабинет – там на кушетке тоже уже кто-то лежит».

Один раз ребенком я случайно попала в дом Махвиладзе, когда там шел обыск. В детской комнате жандармы вытащили из под кровати чемодан: – «Что здесь?» «Посмотрите!» – сказала Э.М. В чемодане оказались детские игрушки. Жандармы задвинули чемодан обратно. А позже Лида сказала мне: «А ведь на дне, под игрушками, у мамы были бумаги спрятаны!»

В сумерки дети любят секретничать. Сидим, бывало, на тахте с Лидой и Таней.

– «Я тебе по секрету скажу, только ты никому на рассказывай: вон за тем дедушкиным портретом на стене мама прячет свои бумаги».

Э.М. никогда не упускала, случая, чтобы не поговорить с молодежью.

Сядет в городском парке на скамейку, будто отдыхает. А в это время ученики старших классов идут домой. Знакомых мальчиков у нее было, естественно, много ведь город маленький, все друг друга знали. Мальчики подходят к ней с товарищами и Э.М. заводит всякие разговоры, которые должны толкнуть их мысли в нужном ей направлении. Как-то мы все – дети и Э.М. – сидели на траве в саду при квартире Махвиладзе. Хозяйская дочка закричала мальчику – слуге:

«Эй, бичо, принеси мне воды напиться!» Э. М. нахмурилась и повела издали разговор об отношении к прислуге, к чужому труду, о барстве, о рабочих людях вообще.

С необычайной революционной убежденностью Э. М. соединяла и женственность и музыкальность. Она прекрасно играла на рояле и именно в ее исполнении я впервые услышала «Лунную сонату» Бетховена. Она любила и нас детей, устраивала увлекательные детские праздники, разучивала с нами маленькие детские оперы, учила нас петь, читать стихи.

В годы Первой мировой войны Э.М., невзирая на оборонческую позицию большинства своей партии, встала на пораженческую точку зрения, что возмущало ее мужа и дочерей. Помню не только их споры, но и ссоры. А когда в доме появилась собака, то дочери язвительно называли ее «Вильгельм», над чем Э. М. очень смеялась.

Я уже писала, что Э. М. была избрана в Грузинское учредительное собрание. Вся семья переехала в Тифлис. В 1921 г. республика прекратила свое существование, ее правительство эмигрировало. Семья Махвиладзе осталась Тифлисе.

Осенью 1924 г. в Грузии вспыхнуло восстание против Советской власти. Спустя какое-то время мы узнали, что Э.М. была одним из организаторов этого восстания. Ее арестовали.

В 1932 г., находясь в Германии, я прочла мемуары какого-то чекиста по фамилии Думбадзе, бежавшего из Советского Союза. В своей книге он описал арест Э.М.,

который производил именно он. Оказывается, обыск ничего не дал, но когда чекисты уже собирались уходить, до их слуха донесся стук захлопываемой печной дверцы. Они бросились назад и увидели, что Э.М. подожгла в печке такие-то бумаги. Видно, нервы сдали, ведь она была уже немолодой женщиной. Бумаги вытащили и потушили, а Э.М. арестовали. Ее судили и сослали в Сызранский изолятор. Через некоторое время оттуда пришло письмо одной нашей общей знакомой – большевичке Адель Бумбуриди. У них с Э.М. всегда раньше велись горячие споры при взаимном уважении. Это письмо я читала. Содержание его было таково: всю жизнь я была, в гуще революционной борьбы и мало занималась вопросами теории. Находясь в тюрьме, я прочла все, что здесь было, об Октябре. И я пришла к выводу, что я была на неправильном пути. Об этом я и написала Правительству.

Э.М. была, освобождена, вернулась в Тифлис и вскоре была назначена преподавателем марксизма-ленинизма в Совпартшколе. Во время Великой Отечественной войны она была еще жива.

1905 год

Примерно в 1903 г. моя мать получила небольшое наследство и родители решили построить дом, чтобы не скитаться по квартирам. Участок купили очень хороший,

но деньги рассчитать не сумела. Начали строить дом и за неимением средств прекратили.

А тут наступил 1905 год. Революция. Отец принимал в ней самое активное участие, сражался в отрядах рабочих, стремившихся захватить правительственные учреждения. Помню рассказы о бое при захвате казначейства, об активности рабочих Кодорского завода Максимова. Отца почти не бывало дома. Мать жила в постоянном страхе, но никогда отца не удерживала, я не помню никаких споров с ним на эту тему, наоборот, она разделяла его взгляды и понимала его поступки.

Жили мы тогда в большой квартире: спальня, детская, столовая, кабинет отца и большой зал, где мать устроила школу по подготовке детей в гимназию. Преподавала она вместе с одной единомышленницей В. Огороковой. А позже с Э. М. Махвиладзе. Это последнее обстоятельство привело к тому, что школу власти закрыли.

И вот все изменилось. Из большой квартиры мы переехали в две маленькие комнаты, снятые у Екатерины Авксентьевны Мансуровой – человека тоже связанного с революционерами.

Меня это переселение несколько не огорчило. Что ж из того, что тесно! Зато двор пересекает речка Сухумка, а за домом большой сад, где много всяких цветов, главные клумбы обсажены какой-то травкой которая цветет голубыми шариками. До того я могла только через забор любоваться этим чудом.

Чем было вызвано наше переселение, я тогда, конечно, не знала. А дело было в том: что революция 1905 г. была подавлена, началась полоса расправ и репрессий. Отец ждал ареста.

ОТЕЦ В ТЮРЬМЕ

Он не заставил себя ждать. Как-то я была в гостях у своей подруги Тани Марецкой, дочери врача, лечившего мою мать. Неожиданно, раньше положенного времени за мной пришла домработница. Когда мы подошли к своему дому, то увидели у входа линейку и двух верховых. В дом вошли почему-то с черного входа. Я увидела, что отец поспешно укладывает чемодан, мать в черном выходном платье (ее тоже вызвали из гостей) помогает ему. Тут же подруга матери, Ольга Владимировна Воинкова. А у входной двери стоит, опираясь на шашку, какой-то военный. Все было непонятно. Мать сказала: «отец уезжает, попрощайся с ним». Отец поцеловал мать и нас, детей, в сопровождении военного вышел, сел на линейку и все уехали. Мать выбежала за отцом на крыльцо, а когда линейка отъехала, вернулась в комнату и разрыдалась.

– Мама, разве ему грозит опасность? – как, сейчас помню, спросила я. Мать отвечала сквозь рыдания:

– Его увезли в тюрьму!

На меня напало какое-то бешенство. Моего отца, самого умного, доброго, справедливого, смелого – и вдруг,

в тюрьму! Моего отца, который всегда был для меня образцом человека! С громким плачем я стала хватать вещи вокруг себя и швырять на пол. Оля взяла меня за руки и стала успокаивать.

Отца поместили в Сухумскую тюрьму. Она была обнесена высокой стеной, сложенной из камня. Это были остатки старинной крепости Сухум-Кале. Местами эта стена от старости обрушилась. Вход в тюрьму был с противоположной от моря стороны, из города. Посетители сначала попадали в палисадник с пальмами, потом в контору, а оттуда на территорию тюрьмы. Посреди большого двора стояло длинное приземистое одноэтажное здание, а в нем камеры для арестантов. Политические и уголовники помещались врозь, но во дворе гуляли все вместе.

Отец попал в ту же камеру, где сидел Григорий Константинович Орджоникидзе, которого все звали «Серго». До ареста он работал фельдшером при участковой больнице в Гудаутах. Серго был тогда еще совсем молодым человеком – стройным, с черными кудрями, очень приветливым.

Там в тюрьме и начались дружеские отношения т. Серго с отцом. После тюрьмы дороги их разошлись: Серго уехал за границу, учился в Лонжюмо. Но до конца жизни у него осталось теплое отношение к отцу. В годы Советской власти, приезжая в Сухум, т. Серго всегда присылал за отцом, а когда отец бывал у меня в Москве, Орджони-

кидзе приглашал его к обеду – другого времени для разговора у него, видно, не было.

В те годы, пока отец сидел в тюрьме, мы навещали его ежедневно, носили ему обед из дому, т.к. в тюрьме кормили очень плохо. Мать усиленно давала уроки.

Собственный дом наш, конечно, так и стоял недостроенный.

Как-то, когда несколько учеников, в том числе и я, сидели за партами, к дому подъехал фаэтон. Из него вышли нарядная дама, мужчина и девочка с няней. Урок был прерван. Меня вместе с девочкой-гостьей, усадили в сад. Через некоторое время гости уехали, а у матери остался какой-то растерянный вид.

Я спросила: «Кто это? Зачем приезжали?» – «Предлагают деньга в долг, чтобы могли достроить дом».

В тот же день мать пошла в тюрьму, чтобы посоветоваться с отцом. Как видно, отец дал согласие. Вскоре он сам был отпущен на поруки до суда, это было только предварительное заключение.

Стройка возобновилась. Скоро мы переехали в свой дом – в нижний этаж, наверху поселилась семья Алферовых, тех самых ростовщиков, которые дали нам в долг, деньги. Они жили там в счет процентов за одолженные деньги.

Соседство оказалось не из приятных. Алферова, красивая женщина, как тогда говорили, «львица», стала преследовать своим вниманием отца. Делала это очень открыто и бесцеремонно, например в отсутствие сво-

его мужа присылала прислугу за моим отцом – якобы ей страшно сидеть одной наверху. Судя по всему, отец устоял перед ее чарами, но мать нервничала. Отец был вынужден занять деньги у одного богатого торговца табаком и расплатился с Алферовыми. Они выехали, а мы сами переехали на 2-й этаж.

Потом отец несколько лет отрабатывал этот долг, выполняя обязанности юрисконсульта у этого богача – грека.

Прошло несколько лет и настал день суда над отцом и другими участниками революции 1905 года. Защищать отца приехал его университетский товарищ Александров из Петербурга. Отец, благодаря его умелой защите отделался одним годом тюрьмы и лишением всех гражданских прав.

Отбывал наказание он в той же сухумской тюрьме. Все так же мы носили ему еду из дому. Почти всегда делала это я, т.к. уже стала старше. На лето отца, как и других политических заключенных, перевели в так называемый «арестный дом». Находился он на окраине Сухума, за территорией военного городка, недалеко от Очемчирского шоссе. Стоял он на самом берегу моря, но вокруг расстилалось непросыхающее болото с его бессонными лягушками и комарами. Участок арестного дома был обнесен высокой каменной стеной, но за ней было нечто вроде сада с виноградной беседкой. Там стоял стол и скамьи. Здесь заключенные ели, пили чай, читали, вели споры. У отца была малюсенькая камера, в которой помещалась

только кровать и тумбочка перед окном. Я тогда перешла в 5-й класс, с осени предстояли впервые уроки алгебры и геометрии. Хотя я училась хорошо, но отец почему-то боялся, что мне будет трудно. Поэтому, после того, как принесенный мною обед бывал съеден, начинались занятия математикой, причем оба мы сидели на кровати, другого места не было.

Одновременно с отцом в арестном доме сидела и Э. М. Махвиладзе. Ее дочери, как и я, носили ей еду из дому.

По вечерам (а м.б. и по утрам) заключенных выводили на пляж и они купались в море (это заменяло баню). Стражник тем временем сидел на берегу, караулил. Но побегов, насколько мне известно, не было.

Так заключенные жили летом. А зимой их снова перевели в городскую тюрьму. Бани там тоже не было. От времени до времени отца в сопровождении стражника водили в городскую баню. Если этим стражником был пожилой и добродушный «папаша», то вместо (или м.б. после) бани они приходили к нам домой. В такие дни к нам сбегались друзья, желавшие повидать отца. Накрывался стол, «папашу» поили и угощали. Потом арестант и его страж возвращались в тюрьму.

Конечно, Сухумская тюрьма была исключением. Вряд ли еще где-нибудь были такие человеческие условия содержания заключенных. И тем не менее и там было две смертных казни за то время, что сидел отец. Отец очень тяжело перенес это, ведь вся тюрьма знала о времени казни.

Осенью стало известно, что отца собираются перевести в Кутаисскую тюрьму, которая славилась своим жестоким режимом. Мы все были в панике. Но тут наш большой друг, Надежда Евгеньевна Беклемишева, поехала в Тифлис, где у нее были большие связи и возможность попасть к наместнику Кавказа Воронцову-Дашкову. Она и выхлопотала разрешение отцу остаться в Сухумской тюрьме, где он и досидел до конца своего срока.

У меня сохранилось несколько фотографий отца, сделанных в тюрьме. Но мне хочется здесь сделать отступление и рассказать о семье Беклемишевых.

БЕКЛЕМИШЕВЫ

Я – еще маленькая, мне лет восемь. С отцом и матерью идем по улице. Нас обгоняет линейка, которою правит молодая девушка. Я успеваю заметить только розовую блузку и короткие темные кудри.

– Вот, это и есть Надя Беклемишева – говорит отец. Из дальнейшего разговора и из последующих я понемногу узнала историю Нади.

Она происходила из старой дворянской семьи, жившей в Петербурге. В семье было три сестры: Вера, Надя и Люба. Выростила их мачеха, заменившая им мать: Лариса Аполлоновна. Став курсисткой, Надя приняла участие в студенческой демонстрации. Во время стычки с поли-

цией, Надя ударила офицера и была арестована. Отец ее имевший большие связи, добился того, что Наде вынесли мягкий приговор: ее приговорили к ссылке на Кавказ под надзор отца.

У Беклемишевых было маленькое имение в 2–3 км от Нового Афона. Там и вынуждена была поселиться Надя.

Зима на Черноморском побережье дождливая. Дождь порой идет неделями – мелкий, нудный, упорный. В городе, хоть и маленьком, есть работа, разные развлечения и занятия, есть знакомые. А что делать на глухой одиноко стоящей даче? Кругом грязь, размокшая липкая глина, итти некуда, близких соседей нет. За продуктами ездят в Афон. Там в лавке тихий благостный отец Яков, а больше, пожалуй, никого и не встретишь.

Сначала Надя тешила себя надеждой, что и на Кавказе будет продолжать вести какую-то работу, например заниматься революционной пропагандой среди местного населения. Но какая могла быть пропаганда? Вокруг живут главным образом мингрельцы, они не знают русского языка, Надя не знает мингрельского. До Сухума далеко, да и отец её неохотно отпускает, ему отвечать за неё, она под его надзором.

И вдруг Надя неожиданно объявляет, что она выходит замуж. За кого? За их работника Андроника Эджибия. Это почти неграмотный, ничтожный человек, плохо говорящий по русски, некрасивый, невзрачный. В нём нет даже того щегольства, с каким кавказцы умеют носить

одежду. Что толкнуло Надю на этот шаг – связать свою судьбу с совершенно чуждым ей человеком? Скука? Вызов семье, своему классу? Желание освободиться от опеки отца?

Отец швырнул в Надю тяжелым пресс-папье, грозил, мать уговаривала. Ничто не помогло.

И в это же время Надина старшая сестра, Вера, тоже совершила по понятиям отца мезальянс – она сошлась – подумать только, не вышла замуж, а сошлась с евреем! И в силу различия религий по тогдашним законам брак оформить нельзя. А креститься жениху и в голову не приходит.

Старый Беклемишев не выдерживает ударов судьбы и умирает.

Очень скоро Надя начинает понимать, какую ошибку она сделала, но исправить уже ничего нельзя: появляется ребёнок. Развод по царским законам чрезвычайно затруднен. И вот в этот период, когда Надя ищет выход из западни, которую сама себе поставила, наша семья с ней и знакомится. Наде нужно какое-нибудь занятие, чтобы обрести самостоятельность и независимость. Она снимает у нас нижний этаж и открывает пансион для приезжих. Это – довольно распространенное занятие для сухумских хозяек, неплохой способ зарабатывать на жизнь. Приезжих очень много, ведь Сухум – зимняя климатическая станция для туберкулезных и «слабогрудых», как тогда говорились, т.е. тех кому туберкулёз ещё только угрожает.

Помню, в дореволюционные времена идешь по улице и то и дело видишь людей на лежаках по балконам. Конечно, город был весь инфицирован. Дом наш был красивый и благоустроенный, в хорошей – высокой – части города. Комнаты просторные и светлые. И недостатка в квартирантах у Нади не было. К тому же хозяйство она вела хоть и неумело, но честно: блюда действительно готовились на сливочном масле, как значилось в ее объявлении. Характер у Нади был правда безалаберный, но не помню в жизни человека более доброго, самоотверженного, отзывчивого к чужой беде. То и дело в её дверь звонили люди с просьбами, порой совсем незнакомые. Как-то подошел ко мне человек и спросил: «Здесь живёт Надя, которая всё может?» (весь город звал её просто «Надя»). И она бегала, кого-то куда-то устраивала, за кого-то просила за кого-то хлопотала.

От времени до времени появлялся Андроник и грозил, что предъявит свои супружеские права. Надя откупалась от него деньгами. Сын её, Володя, рос очень избалованный материнской добротой. Увидев в витрине магазина игрушку или лакомство, он требовал их. Если Надя ему отказывала, он начинал кричать и плакать на всю улицу. Наде было неловко – ее знал весь город – и дело кончалось тем, что она удовлетворяла каприз ребёнка.

И всё ж много позже оказалось, что у Володи тот же добрый и великодушный характер, что и у матери.

На даче под Афоном осталась жить мать Нади Лариса Аполлоновна и двоюродный брат Нади – Борис Алексеевич Беклемишев – человек с пустой душой и с пустым карманом, но с замашками большого барина. Считалось, что он студент и приехал укрепить слабые легкие, да так и застрял под Афоном. Когда заведутся деньги, ездил в Сухум, чтобы походить по ресторанам и поиграть в карты. Был Борис рыжеволос с очень выпуклыми светлыми глазами, очень сутул и весь какой-то расслабленный. Однако он был заядлым охотником и неутомимым ходоком по горам. О своих походах он любил рассказывать, немало было у него и «охотничьих рассказов», вроде того, как на бревне, положенном через горный поток, он встретился с медведем и тот уступил ему дорогу.

Как-то летом, когда мне было уже лет 16, Борис уговаривал и меня пойти с ним в горы над Афоном. Несмотря на ужас и сопротивление Нади и Ларисы Аполлоновны, я пошла. Мы поднялись вдоль желоба, по которому монахи спускают с горы вниз дрова и я с удивлением увидела на горном хребте железную дорогу, по которой дрова подвозили из глубины лесов. Черноморской железной дороги тогда еще и в помине не было. Спустившись на ту сторону хребта, мы попали в Афонские хутора – хозяйственные монастырские угодья. Здесь держали скот и птицу, выращивали злаки и овощи. Тут же была и пасека. Зашли мы к монаху, у которого Борис останавливался во время охоты. По случаю нашего прихода была немедленно за-

жарена утка (хотя и был Петровский пост), из под кровати вытащена бутылка вина, а в зеркало оказался вмонтирован какой-то музыкальный аппарат, который, если его завести, исполнял модный в начале века танец матчиш и другие, отнюдь не религиозные, мотивы. Вокруг домика стояли черешни, усыпанные ягодами, их обирали довольно бойкие богомолки.

Лариса Аполлоновна была ещё не очень старой, очень уважаемой женщиной, всегда погруженной в атмосферу духовных исканий. У неё было узкое породистое лицо, обрамленное темными бандо волос почти без седины, тонкий нос с горбинкой. Черная юбка, белая блузка, в кармашке пэнснэ, в руках всегда или книга или газета. Она была в переписке с Кони ещё какими то видными деятелями того времени и не любила бессодержательных разговоров. Но был в ней какой-то дидактизм, она любила поучать, особенно Бориса: «Ну, Борис! Пора же выработать себе миросозерцание!» – это были слова, которые мы все, посмеиваясь не раз слышали. А Борис только ухмылялся и кричал: «Тётка Исть хочу» (вместо «есть хочу»), а затем при первой возможности удирал из дому.

Всё же они как-то уживались друг с другом.

Однажды, весной 1911 года Лариса Аполлоновна поехала в Афон за продовольствием. В то время в Афоне почти не бывало туристов, особенно в таком раннем сезоне. Было пусто и тихо и Л.А. очень удивилась, встретив молодого интеллигентного вида человека. Не знаю, с

чего у них начался разговор. Но учитывая скуку, частые дожди, отсутствие собеседников при любви к умным разговорам, не приходится удивляться, что Л.А. привезла нового знакомого к себе на дачу.

Его фамилия была Бострем. Он был сыном черноморского адмирала и получил хорошее образование. Окончил Мюнхенскую академию художеств и стал художником¹. Много путешествовал. Однажды, попав на Памир, поднялся на какую-то вершину и был потрясен величием природы. Под ним было сплошное море облаков, а над ним – синее небо и солнце. И здесь, взволнованный этим величественным зрелищем, Бострем пережил религиозный восторг, уверовал в бога и решил постричься в монастырь. Его выбор пал на Новый Афон. Но у него хватило разума сначала присмотреться к монастырской жизни. Что ж он увидел?

Новый Афон был большим хозяйственным предприятием. Оно имело огромные земельные угодья и было обеспечено почти бесплатными рабочими руками, потому что сюда со всех концов страны стекались богомольцы – обычно те, кто дал обет отработать какое-то время во

¹ Бострем Георгий Эдуардович (1885 – 1977) – русский и советский живописец, реставратор, иконописец. Обучался в Мюнхенской Академии Художеств, абстракционист, дружил с В.В.Кандинским. Много путешествовал по Европе, Персии, Кавказу. Родственник вице-адмирала, начальника морских сил Черного моря Ивана Федоровича Бострема (1857 – 1934).

имя Господне. Руками богомольцев, например, было построено здание на вершине горы: церковь, окруженная огромными корпусами, где размещались монашеские кельи и трапезная. В монастыре была своя электростанция (электрическое освещение там появилось раньше, чем в Сухуме), всевозможные мастерские: чугунолитейная, механическая, столярная, токарная, портняжная. Заводы: кирпичный, кожевенный, алебастровый, производство сувениров. Горы вокруг монастыря были покрыты мандариновыми и оливковыми садами, в прудах разводили рыбу. На хуторах держали скот, птицу, возделывали огороды и виноградники. На берегу у монастыря была своя пристань и гостиница для приезжих, где их бесплатно кормили самыми простыми блюдами: щами, рыбой, картофелем, жареном на растительном масле.

А верхушка монашеской братии жила припеваючи, жрала, пила, спала и развлекалась с богомолками.

Были отдельные строгие, религиозные монахи, вроде отца Якова из монастырской лавки, но их было мало.

Увидев всё это, Бострем отказался от мысли о пострижении в монастырь. И вот он оказался у Ларисы Аполлоновны. От неё мы узнали его историю. А потом он и сам появился в нашем доме, но не надолго. Скоро он куда-то уехал, оставив на память Л.А. несколько пейзажей, написанных у неё на даче.

В апреле или мае того же 1911 года к Ларисе Аполлоновне приехал муж старшей дочери Веры – Соломон

Юльевич Копельман¹. Это был человек высокой культуры, широко известный в те годы среди литераторов: он был издателем и главным редактором «Шиповника» – большого издательства. Через кабинет Копельмана прошли почти все лучшие писатели начала века: Горький, Леонид Андреев, Блок, Ремизов, Гумилёв, Ахматова и другие.

И на Кавказ Копельман приехал не один, а с Алексеем Толстым, тогда еще молодым писателем. К тому времени был напечатан только цикл рассказов «Заволжье». В них изображался быт и нравы вымирающих и разлагающихся дворянских гнезд. Тем не менее Толстой уже был признанным писателем.

Сначала оба они погостили у Л. А. под Афоном, а потом приехали в Сухум к Наде и таким образом попали и к нам. В их честь был у нас дома праздничный обед. Родителей предупредили, что Алексей Николаевич любит хорошо поесть и они постарались.

И вот помню его, ещё молодого, но уже полного, вальяжного, сидящего в середине стола и с удовольствием отдающего дань угощению. Все взоры устремлены на

¹ Копельман Соломон Юльевич (1881–1944) – известный российский издатель и редактор, совладелец издательства «Шиповник» (1906–1922). Жена – переводчица и литератор Вера Евгеньевна Беклемишева-Копельман (развелись в 1917), работала редактором издательства «Шиповник». Сын – писатель и журналист Юрий Соломонович Беклемишев, известный под псевдонимом Юрий Крымов (1908–1941), ушёл добровольцем на фронт и погиб в годы Великой Отечественной войны.

него – как же! писатель! Кто-то из присутствующих сказал: «Напишите что-нибудь о нас!», на что Алексей Николаевич ответил:

– Лучше не просите! Я написал об одной знакомой семье, с тех пор они перестали со мной кланяться!».

Тем не менее Толстой всё же написал рассказ на материале, полученном в этой поездке. Рассказ называется «Неверный шаг» и включён в 1 том Собрания его сочинений. Ещё и теперь мне очень интересно сопоставлять его героев с их прототипами. Собственно писатель схватил только единичные их черточки – притом внешние, но выискивал в людях всё самое плохое и смешное и к тому же придал всему какую-то пакостную окраску. И в этом отношении «Неверный шаг» примыкает к всему циклу «Заволжье».

Правду сказать, всем было неловко, когда этот рассказ появился в печати. На Л.А. все боялись смотреть, а от меня рассказ долго прятали, пока я сама его не нашла, поскользку разговоров о нём было много.

Беклемишевы владели своим именем примерно до 1914 года. Кажется, это был какой-то особый вид аренды – на 99 лет и срок этот истек как раз в начале Первой мировой войны. Во всяком случае, приехав в 1915 в Петроград, я уже застала там Ларису Аполлоновну. Она жила у Копельманов. У неё я увидела мальчика лет пяти-шести с очень вдумчивыми глазами, в черной бархатной курточке.

Он стал мне показывать свои рисунки – все это были виды на закат солнца, видимый сквозь тучи. Рисунки показались мне очень неплохими. Мальчика звали Юра, и он был сыном Веры Евгеньевны Беклемишевой и Соломона Юльевича Копельмана. Позже он стал писателем Юрием Крымовым. Псевдоним он избрал, видимо, для того, чтобы не обижать никого из родителей, носивших разные фамилии.

Вернусь в Сухум. Личная жизнь Нади долго не налаживалась. Едва появлялся около неё мужчина, как приезжал Андроник, начинал её терроризировать и вымогал деньги.

В 1917 году, уже после революции, вернулся с фронта исконный житель Сухума офицер Турчанинов Владимир Владимирович, человек очень мягкий и порядочный. Наконец-то Наде улыбнулась любовь, но увы не счастье. В Абхазии установилась власть грузинских меньшевиков. Известна резко националистическая политика этого правительства. Начались увольнения и даже высылка русских за пределы Грузии. Их увольняли из армии, строительства Черноморской ж.д. и т.д. Уволили выслали и Турчанинова, как кадрового офицера русской армии. Надя ждала ребёнка. Что было делать Турчанинову? Некуда было податься, кроме как на территорию Белой армии. Как офицер, он был там немедленно мобилизован. Надя уехала к нему в Новороссийск. Володю взял к себе Андроник в свою новую семью.

После разгрома Белой армии Надя с мужем и ребёнком оказалась в Батуме. Турчанинову надо было бы эмигрировать, но он не решился бросить Надю с новорождённым ребенком, а брать их в неведомую страну тоже казалось ему рискованным. Он остался. После прихода Красной Армии пошёл и зарегистрировался, как белый офицер. Через месяц его арестовали и отправили в Тифлис. Надя последовала за ним, ходила в тюрьму, делала передачи. Настал день, когда передачу не приняли. Но, как видно, ни у кого не хватило духу сказать измученной женщине с ребёнком на руках, что её муж расстрелян. Ей сказали, что он отправлен в другое место. Надя поехала в Баку. Там его конечно не нашла.

Я тогда жила в Ростове. Неожиданно приехала Надя, страшно худая и измученная. Но и в Ростове не нашла Турчанинова. Поехала дальше – голодная с голодным ребенком на руках. Она искала Турчанинова по разным лагерям и тюрьмам, вплоть до Рязани. Там она, видимо, поняла, что надежды нет и вернулась в Сухум. Через Ростов она проехала, уже не попав ко мне.

В Сухуме ей помогли те, кому она в свое время делала добро. Плохо к ней отнеслись только родственники Турчанинова, считая, что она виновата, в гибели Владимира Владимировича. Здоровье Нади было подорвано. У нее шел бурный туберкулезный процесс. И тут появился Володя. Он был еще подростком, но в нем уже сказался добрый и благородный характер матери. Он самоотвержен-

но ухаживал за ней и за сводным братишкой, мыл полы, ходил за продуктами и в аптеку. Но все было напрасно. Надя умерла. Володя вернулся в семью отца. Маленького Игоря взяли сестры Турчанинова, но он уже был непоправимо искалечен и вырос неполноценным. Знаю, что незадолго до великой Отечественной войны он работал в Кисловодске почтальоном.

В 1923 г., приехав в Москву, я узнала, что сюда переехала из Петрограда Вера Евгеньевна Беклемишева. Лариса Аполлоновна умерла во время гражданской войны. Меня очень удивило и огорчило, что Вера Евгеньевна разошлась с Копельманом. Он тоже жил в Москве, отдельно от В.Е., но каждое воскресенье обедал у нее. В.Е. жила сначала на Пироговской ул., в здании Центрального архива, где она и работала. Юре было лет 13–14 и В.Е. рассказывала мне, что он очень много читает, в том числе серьезные книги, например Историю Великой Французской революции. А кроме того ведет дневник.

В.Е. и сама пробовала писать. Еще раньше она опубликовала свои воспоминания о Леониде Андрееве. Были у нее воспоминания и о Блоке, но, насколько я знаю, они опубликованы не были. Живя на Метростроевской, она вела литературную запись рассказа какого-то клоуна (Альперова?), забыла его имя. Называлась эта книга «Двадцать (или «тридцать?») лет на арене цирка». Кроме того В.Е. писала большой роман из времен последних лет русского царизма. Одним из действующих лиц был Рас-

путин – дело в том что В.Е. как-то случайно в поезде с ним познакомилась и у нее были свои впечатления о его внешности, манерах, языке.

Тем временем Юра, окончил ВУЗ, уехал на Магнитку, которая тогда строилась и привлекала к себе молодежь. Вернулся Юра, полный впечатлений и энтузиазма. Он говорил: «Мне нравится, что там силен дух товарищества, что есть простор инициативе, что нет казенщины и бюрократизма. Вот, например, я могу остановить машину и она меня подвезет, куда надо!» на что В.Е. сказала: «Какой ты еще мальчишка, Юра!».

Летом Юра поехал в Сухум к моему отцу. Там все были очень удивлены, что он приехал не на теплоходе, как все, а приплыл с каким-то товарищем на случайном паруснике.

Потом Юра работал на Эмба-нефти и в Баку. Вот после этого он и написал «Танкер Дербент», который и привлек к нему внимание читающих и пишущих людей.

Спустя некоторое время Юра стал писать вторую свою повесть «Инженеры». Сначала в ней фигурировал инженер-вредитель. Но то, что происходило в стране в 30-е годы, не могло не заставить Юру задуматься. В результате тяжелых размышлений и переделок рукописи, тема вредительства была заменена темой бюрократизма.

Как-то я была в редакции журнала «Индустрия социализма», куда Юра сдал рукопись «Инженеров». Редактор, А.М. Ясный, рассказал мне, что на полях рукописи остались какие-то очень тонкие замечания. Он думал, что это

пометки Либединского, который на первых порах помогал Юре. Но оказалось, что это пометки Юриного отца С.Ю. Копельмана.

Юра был женат. Его жена Анна была очень красивой женщиной по национальности полькой. Она была очень нервной, потому что ее родители оба погибли в 1937 году.

Конец Юрия Крымова известен. Он был корреспондентом «Правды» на фронте во время Великой Отечественной войны и погиб на юге страны. В печати были опубликованы его предсмертные письма к родным.

Мать и отец ненадолго его пережили. Анна, окончившая МИИТ, работала в каких-то польских организациях и, после освобождения Варшавы, уехала туда навсегда.

От Веры Евгеньевны я узнала и о судьбе Бориса Беклемишева. Во время Первой мировой войны он был мобилизован в армию, служил в каких-то частях, где дрессируют собак. Как охотник, он знал в них толк и умел дрессировать.

После революции Борис оказался в Красной Армии, сражался на фронте против Колчака, был ранен, лежал в госпитале в каком-то маленьком городишке. Как-то налетели белые. Фельдшер успел вытащить Бориса и закопать его в снег и сам с ним закопался. Белые продержались очень недолго, но успели перебить раненых. Так фельдшер спас Бориса и самого себя.

После демобилизации Борис почему-то попал в Полоцк, вблизи от Западной границы. Где он работал, с кем

встречался – В.Е. ничего этого не знала. Перебравшись в Москву, Борис поступил в Наркоминдел. Жил он отдельно от В.Е., но бывал у нее. Однажды он пришел взволнованный и рассказал, что к нему явился один из знакомых по Полоцку и стал вербовать его в контрреволюционную организацию. – «Ну, а ты? Почему ты не выгнал его?»

– Я не выгнал, а сказал, что должен подумать, велел прийти завтра, а сам сообщил в ЧК.»

Следующее посещение Бориса:

– Что же было?

– Он пришел раньше назначенного срока. Мне почему-то стало его жалко и я сказал: бегите, вас сейчас арестуют. Пришли чекисты и его уже не застали.

Потом Борис приходил еще, говорил, что на службе к нему стали относиться недоверчиво. Кто-то роется в его столе. За ним явно следят.

Затем Борис исчез.

В.Е. сказала: «Когда арестовали М.М. Исаева, старого инженера, нашего старого друга, я была совершенно уверена, что он ни в чем не виноват. Я пошла к Горькому и с его помощью добилась освобождения Исаева. А Борис? Он мне двоюродный брат, но его душа всегда была для меня темна, а поступки непонятны. Кто знает, на что он был способен? И я не стала за него хлопотать. Он не вернулся – должно быть его расстреляли.

В доме у В.Е. я как-то встретилась с ее другом М.К. Иорданской, бывшей женой Куприна. Это была очень

интересная, остроумная женщина. Она тоже работала в архиве, как и В.Е. С большим юмором она рассказала, как однажды живя в Крыму на даче, она ждала Куприна. Тот же по дороге запил и пропил даже одежду и обувь и пришел к ней в таком виде. Иорданской было неловко перед соседями и она сочинила целую историю, как будто бы его по дороге ограбили.

Судьба третьей сестры Беклемишевой тоже была грустной. Муж ее, бывший политкаторжанин, погиб в 1937 году. Она осталась с сыном, еще ребенком, с квартиры ее выгнали, она скиталась без угла, нуждалась. Во время Отечественной войны, едва сын кончил школу, его взяли в армию, там какие-то жулики, пользуясь его неопытностью, его обманули и во время его дежурства обокрали склад. Сына судили, дали 10 лет концлагеря в Кемь. Там он умер от туберкулеза легких.

Вот так закончился род Беклемишевых. Остался один Володя Эджибия, Надин сын. Он вернулся в семью отца и след его там затерялся.

ДЕДУШКА ГЕРМАН ОСВОБОЖДЕН!

В 1905 году пришло известие, что узники Шлиссельбурга, осужденные на пожизненное заключение, силой революции освобождены. В том числе и дедушка Герман Лопатин. А скоро нам сообщили, что он, после ко-

роткого отдыха у брата Всеволода, решил объехать родных и скоро будет у нас в Сухуме. Радостное волнение в доме. Потом в какой-то солнечный, но ветреный день мы отправились на берег встречать дедушку. Пароход подходил, как тогда говорили «из России», в данном случае из Одессы. Мы – наша семья – сели в шлюпку и выехали на встречу пароходу, который должен был остановиться на рейде. Кроме нашей по направлению к пароходу плыли еще несколько лодок: это Германа Александровича встречали представители общественных организаций.

Пока мы ехали, пароход успел остановиться и бросить якорь, а пассажиры устремились к трапу.

– Смотри! Вон дедушка Герман! – вскричал отец. В совершенном одиночестве на палубе стоял статный старик в широкополой шляпе, в накидке. Очень он, тогдашний, был похож на тот портрет, где он снят вместе с Горьким. Ветер слегка шевелил его седую бороду, а он смотрел вниз, на нас. Мы поднялись по опустевшему трапу, дедушка Герман знакомился с нами. Обе стороны волновались. Немного погодя появились представители общественных организаций и торжественно его приветствовали.

Потом мы поехали к нам домой. Мне помнится, что дедушка пробыл у нас недолго, он торопился в Тифлис к сестрам (Ольге и Вере, моей прямой бабушке). Все дни, пока Герман Александрович пробыл у нас, в доме не стихала суматоха, то и дело приходили делегации и отдельные люди, которые хотели его приветствовать. Я так и за-

помнила Г.А., сидящим за обеденным столом, за которым то и дело чередовались гости и одна трапеза переходила в другую.

Когда пришли мои двоюродные брат и сестра (дети папиного брата Н.Н. Захарова, инспектора реального училища) дедушка воскликнул:

«Сколько же у меня за эти годы народилось внуков! Но я вовсе не хочу быть дедушкой! Зовите все меня дядей.» Так впредь и стало.

Потом мы провожали Г.А. в Тифлис. Надо сказать, что пока он жил у нас в Сухуме, полиция не могла этого не знать: это было широко известно в городе. Однако никто нас не беспокоил и полиция не трогала ни его, ни отца.

В Тифлисе Г.А. уже ждали сестры: Ольга и Вера. Старшая, Ольга, уехав в свое время из Ставрополя, вышла замуж за Александра Лилова, ставшего директором гимназии в Тифлисе. «Тетя Лилова», как звали ее родственники, была своего рода семейной достопримечательностью. Она была очень властной, решительной, всеми командовала и даже в гимназии чувствовала себя хозяйкой. О ней ходило в семье много анекдотов, например: Тетя Лилова высовывается из окна своей казенной квартиры при гимназии и кричит: «Дети! Расходитесь по домам, шестого урока не будет – мне надо развешивать во дворе белье!»

Это была высокая, статная старуха, она славилась в Тифлисе, как первая сплетница. Как-то я вошла в комнату к тетке Вере Николаевне Богоявленской, она затягива-

лась в корсет и надевала выходное платье: «Поеду к тете Лиловой и все ей расскажу про Варьку – пусть ославит на весь Тифлис!»

Мой отец не любил тети Лиловой и никогда у нее не бывал, что ее очень обижало.

А вот для Германа она была близким человеком, он смолоду с ней переписывался и она была в курсе многих его дел. Несмотря на свои монархические убеждения, она тоже очень любила Германа. Насколько мне известно, она была в числе тех, кто помогал ему, когда он был в тюрьме (с тех пор, как эта помощь стала возможной). Бывая в Тифлисе, Г.А. жил у нее – к тому времени муж ее уже умер и она жила не на казенной квартире, а у себя в доме. Вера жила у дочери, Веры Николаевны Богоявленской, муж которой тоже был директором гимназии и жили они на казенной квартире. Герман же был все-таки «государственным преступником». Бывая у нас в Сухуме, он жил всегда у нас т.к. отец мой был адвокатом, т.е. человеком «свободной профессии». А у папиного брата, инспектора реального училища, Г. А. не бывал, видимо это было неудобно для положения дяди.

Спустя некоторое время после отъезда Г.А., приехал к нам Михаил Федорович Фроленко¹ с женой. Он был ос-

¹ Фроленко Михаил Федорович (1848–1938) – русский революционер, народник, член Исполнительного комитета «Народной воли», вместе с Германом Лопатиным сидел в Шлиссельбургской крепости (1884–1905) и был освобожден после

вобожден из Шлиссельбурга одновременно с Г.А., но воля встретила его совсем по иному.

До своего ареста он любил девушку, которая училась в консерватории у Антона Рубинштейна. Жизнь Михаила Федоровича полная опасностей и скитаний, не позволяла ему создать семью. После того, как его арестовали, его невеста отказалась от всякой личной жизни и не переставала его ждать. И вот дождалась. Уже старыми людьми они встретились и поженились. Я помню, как родители говорили о том, как странно видеть таких старых людей влюбленными молодоженами. Остановились они у нас, а потом сняли где-то комнату, но часто у нас бывали. Михаил Федорович помнится мне человеком молчаливым. Жена его (не помню ее имени) много играла на пианино, а М.Ф. не спускал с нее глаз. Всегда ее просили сыграть «Русскую песню». Когда я спросила, чья это музыка, мать тихонько шепнула мне: «Это ее сочинение.»

Удивительна и непонятна судьба людей: жена М.Ф. скоро умерла, а он, несмотря на все выпавшие ему страдания, дожил до 90 лет. И, говорят, был еще раз женат.

В 1908 году, в связи с усилением реакции и опасаясь новых преследований, Г.А. уехал за границу. Там он жил на юге Франции и в Италии. К этому времени относятся его встречи с Горьким.

Манифеста 17 октября. С 1922 жил в Москве, состоял в Обществе бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

ПРИНЦЕССА

Со временем у отца образовалась большая иногородняя практика. Ему поручались дела в других городах Кавказа, в том числе и в Тифлисе, а также в Ростове. Иногда он брал меня с собой, особенно когда ехал в Тифлис, чтобы я могла повидаться с бабушкой. Как-то мой отец поехал в Гагры и взял меня с собой. Мне было вероятно лет 11–12. С нами был ещё какой-то деловой знакомый отца с женой. Кажется по его делу и ехал отец.

Был уже вечер, когда мы приехали в Гагры и остановились возле Временной гостиницы. Не знаю, почему она называлась «Временной». Сколько я себя помнила, она всегда так называлась. На этот раз здесь царил особое непривычное оживление. Свободных номеров не было. Оказалось, что в Гаграх находится принц Ольденбургский. Он жил в своём замке, а гостиница была заполнена всяким светским людом, который потянулся из Петербурга вслед за четой Ольденбургских. Всё же в конце концов для нас нашлось два номера. Умывшись и переодевшись, мы пошли ужинать в ресторан при гостинице. Две стены этого ресторана были сплошь из стекла. Одна выходила на сторону моря, другая отделяла ресторан от кухни, так что можно было видеть её ослепительную чистоту, блеск никелированных кастрюль, поваров в белоснежных халатах и колпаках. Официантки были одеты в красивую форму, в накрах-

маленных передничках и кружевных заколках на головах. Блюда они не разносили, а развозили на никелированных тележках.

В этот вечер ресторан был заполнен нарядными дамами и выложенными мужчинами. Среди них было много военных. На эстраде играло трио: рояль, скрипка и виолончель. Мы сели в уголке. В зале стоял приглушенный шум и атмосфера ожидания. Говорили, что сейчас придут принц и принцесса.

Принцесса! Она представлялась мне молодой, красивой, в белом платье, украшенном драгоценностями.

Вдруг двери распахнулись, дамы поднялись со своих мест и склонились в глубоком реверансе, а в зал ввели колясочку, в которой сидела маленькая полупарализованная старушка! Это и была принцесса Ольденбургская¹. Рядом шёл пожилой мужчина в военной форме с головой, подстриженной бобриком, с сединой на висках. Это был её муж – принц Ольденбургский.

Я была очень поражена и невольно подумала: стоит ли быть принцессой, если не можешь ходить, бегать, танцевать и тебя возят в колясочке, точно ребёнка!

¹ Ольденбургская (в девичестве герцогиня Лейхтенбергская) Евгения Максимиллиановна (1845–1925) – член Российского императорского дома, замужем за принцем Александром Петровичем Ольденбургским (1844–1932), который открыл в Абхазии европейский курорт «Гагринскую климатическую станцию» (с 1903).

УКРАЛИ ДОКТОРА!

Отец пришёл взволнованный:

- Знаешь, Мееровича украли!
- Как украли? Ты хочешь сказать – обокрали?
- Нет именно украли. Его самого.

Такого у нас в городе ещё не бывало. Меерович¹ был очень серьезным и популярным врачом. Он первый из Сухумских врачей приобрёл рентгеновский аппарат, который тогда был редкостью и стоил очень дорого. Первый открыл кабинет физиотерапии с его сложной аппаратурой. Выписывал много медицинской литературы. Надстроив свой одноэтажный дом, устроил на 2-м этаже нечто вроде больницы. Да и семья у него была немаленькой. Для всего этого нужны были деньги и он их зарабатывать, поэтому не отказывался ни от каких визитов, даже за город, даже в ночное время, когда другие врачи боялись выезжать.

¹ Меерович Аарон Соломонович (? – 1929), известный доктор, член «Сухумского медицинского общества», «Сухумского общества борьбы с туберкулезом» и многих других. В 1906 – 1909 построил в городе медицинский санаторий на 40 коек. После его смерти, по распоряжению главы правительства Н.Лакоба, он был преобразован в Институт физиотерапии имени Мееровича. Жена доктора Мееровича Василиса Иосифовна занималась благотворительной деятельностью, помогала бедным ученикам. У них были трое детей: Леопольд, Евгений, Нина. (По данным Анзора Агумаа).

Накануне вечером к дому Мееровича подъехала линейка. С нее сошел мальчик мингрелец и попросил навещать больную в Остроумовском ущелье. В те годы это было очень глухое место. Меерович поехал. В ущелье его неожиданно окружили четверо верховых с закрытыми лицами и повезли куда-то в горы, завязав ему предвительно глаза. Поместили в незнакомом крестьянском доме и заставили, угрожая оружием, написать письмо жене, чтобы она уплатила в качестве выкупа двадцать тысяч рублей, иначе ему грозит смерть. У жены его, Василисы Иосифовны, таких денег не было. Получив письмо, она бросилась искать моего отца, а тот как раз проходил мимо дома Мееровичей.

У отца были знакомства среди уголовников, он приобрел их, сидя в тюрьме, где политические и уголовные вместе проводили время во дворе. Отец разыскал одного из тех, кто мог быть полезным в этом деле. Через него был найден посредник для переговоров. Отец ручался, что таких денег у Мееровича нет, т.к. он только что закончил перестройку дома. Долго торговались, наконец сошлись на пяти тысячах. Эти деньги жена Мееровича собрала. Преступники потребовали, чтобы отец сам передал им деньги. Было условлено, что он поедет на извозчике по Афонскому шоссе до селения Эшеры, это в 13 км. от Сухума. Похитители должны были сами подойти к отцу. Пароль был «Москва», а отзыв «Петербург». Мой отец, боясь за жизнь Мееровича, строго-настро-

запретил Василисе Иосифовне сообщать об этих переговорах в полицию.

В назначенный день и час отец выехал на извозчике в направлении на Эшеры. Надеясь ещё что-то выторговать, он решил не спешить с передачей денег. Поэтому в тех местах, где было пустынно, он говорил извозчику, чтобы тот гнал лошадей. А там, где были люди, ехал медленно. Так никто и не смог подойти к отцу, хотя преступники не могли не видеть, что он соблюдает условия. Тогда они назначили для встречи более глухое место – Венецианское шоссе. Отец доехал до Венецианского моста – конечный пункт шоссе – никто к нему не подошел. Тогда он поехал обратно. Навстречу ему шел типичный местный крестьянин – в рваном бешмете, в традиционной широкополой шляпе. За спиной у него была плетеная корзина с чалой (кукурузной соломой). Поравнявшись с отцом, крестьянин неожиданно произнес пароль «Москва». Не успел отец ответить, как вдали показались стражники (местная полиция). Это Василиса Иосифовна не сдержала слова и в приступе страха побежала и всё сообщила полиции. Увидев стражников, крестьянин ловко, как кошка, скатился по крутому обрыву, пересек речку Беслетку и исчез в лесу на том берегу. Отец очень рассердился на Василису Иосифовну. Вернувшись в город, он не взял деньги домой, а отнес некоему Нинуа, богатому человеку, который, кажется, и одолжил эти деньги Мееровичу. Разбойники были настолько хорошо осведомлены о каждом шаге

отца, что в ту же ночь явились на дом к Нинуа и забрали деньги, а Мееровича освободили.

Главарь банды ещё долго был на свободе и занимался разбоем, пока в 1918 г. его не арестовали. Во время перевода из полиции в тюрьму его застрелили, как тогда было сообщено, «при попытке к бегству». Вот только тогда отец нам рассказал, что этот бандит подозревал его в том, что это он сам сообщил в полицию о переговорах и грозил ему отомстить.

Ходили тогда в городе слухи, что бандит был только исполнителем, а организовали похищение Мееровича местные князья. Так это или нет, осталось неизвестным.

ЦЕБЕЛЬДА

Так называется местность, которая расположена вдоль Военно-Сухумской дороги, ведущей на Клухорский перевал. Цебельда начинается от Ольгинского ущелья и тянется километров на двадцать до реки Амткел. Во времена моего детства и юности шоссе здесь кончалось и далее к перевалу шла, как её называли, «тропа».

Когда-то Цебельда была совсем дикой местностью, заросшей густым лесом. После завоевания Кавказа царское правительство щедро раздавало здешние земли генералам – участникам войны против кавказских народов. По именам этих генералов и назывались селения: Рейнгарт,

Красницкое, Захаровка, Краевичи (Большие и Малые). Краевичи были пожалованы отцу известного физика, по учебникам которого занималось несколько поколений русских учащихся. На моей памяти Краевичи уже принадлежали внукам первоначального владельца – Малые Краевичи сыну физика Борису Краевичу, а Большие Краевичи – трём детям доктора Дмитрия Дмитриевича Краевича. Со вдовой этого доктора и его дочерью Наташей я была очень близка. Наташа была ученицей моей матери и со школьной парты началась наша дружба.

Отец Наташи был врачом в Тифлисе. Он был страстным картежником и проигрывал чуть ли не весь заработок. Имение в Цебельде было заложено в банке. Наконец жене его, Анне Ивановне, удалось настоять на том, чтобы расстаться с Тифлисом и переселиться в Цебельду. Построили там дом и Анна Ивановна, решительная и волевая женщина, начала спасать заложенное имение.

В конце XIX и в начале XX вв. в Турции то и дело происходили столкновения между проживающими там малыми народами. Турецкое правительство для укрепления своей власти натравливало их друг на друга. Особенно страдали турецкие армяне от курдов. В детстве я часто слышала выражение «курдская резня». И вот какая-то часть армян постепенно перебегала границу из Турции на Кавказ. Россия же выступала в роли защитницы малых народов и власти принимали беженцев. Чаще всего они переплывали море на фелюгах и высаживались на

Кавказском побережье. Потом многие из них снимали в аренду клочки земли у крупных землевладельцев и начинали культивировать табак. Так к нам было занесено из Турции табаководство. И сорта табака носили турецкие названия: «Самсун», «Трапезонд» и др.

Таким же путём попали армяне и в Цебельду. Началась вырубка лесов. Табаководство было выгодным занятием. Плантации расширились. В когда-то безбрежном зеленом море лесов стали появляться проплешины. Агрономических знаний у плантаторов, естественно, не было. Плантации взбирались из долин на горы, дожди смывали верхний рыхлый слой земли, а под ним оказывался камень, похожий на шифер, серый и бесплодный. В 20-е годы XX века огромная гора Апянча уже стала похожа на спину слона – такая же голая, серая, морщинистая.

Вот мы выезжаем из Сухума в разные года на разном виде транспорта: в фээтоне, на линейке, в дилижансе, а то и просто на телеге.

Сначала дорога идет вдоль моря. Оно расстилается справа, а слева тянутся парки: Смецкого, Рукавишников-ва, великого князя («Синоп»), цветоводство Ноева и другие. После реки Келассури уже нет роскошных дач – появляются мингрельские домики, скромные садики, в которых нет экзотических растений, а растут немудреные местные: виноград «изабелла», хурма, инжир...

Первая остановка на 7-й версте у духана, на берегу речки Маджарки. Здесь дорога резко поворачивает вле-

во, в горы, мы расстаемся с морем. Зелёная кудрявая долина вдоль Маджарки и после 18-го километра сужается и превращается в Ольгинское ущелье, которое своей дикостью пугает новичков. Слева почти отвесные скалы, кое-где закрытые лианами, свешивающимися сверху, справа пропасть с шумной речкой на дне, с глухим лесом на том берегу. Ущелье выводит к более открытому месту. Здесь стоят два-три духана, а вдали – греческое селение Ольгинское.

С остановкой «Ольгинское» связано воспоминание о первой в моей жизни маевке. Ехали сюда из Сухума все на лошадях – ведь от Сухума 20 верст. Со взрослыми были и дети: кроме меня, Лида и Таня Махвиладзе. В Ольгинском все взрослые направились в один из духанов, а нам, детям, велели играть около дома. Рядом протекала река Маджарка. Наконец-то нас никто не останавливает, никто не мешает! Мы немедленно отправились к Маджарке и начали строить плотину. Кончилось дело тем, что мы промокли, промочили ноги, руки у нас стали лиловыми, мы замёрзли – а о нас никто не вспоминал! Пришлось самим итти искать родителей. Мы пошли в духан. Все столы были убраны, люди плотно стояли друг возле друга. Какой-то незнакомый мужчина что-то громко говорил и все его внимательно слушали, все взоры были устремлены на него. На нас никто не обращал внимания – и это при всем том, что я вечно была окружена заботами матери! К счастью никто из нас не заболел. Обратно все

ехали в приподнятом настроении – экипаж за экипажем – и пели революционные песни: «Вихри враждебные...» и Марсельезу.

Потом я часто задавала себе вопрос: зачем было так далеко ехать на маевку! Ведь можно было бы собраться не за 20 верст, а ближе. Может быть дело было в том, что рядом с Ольгинским было имение Вороновых, где часто находили себе приют нелегальные революционеры! Не потому ли и родители (даже мать!) с таким напряженным вниманием слушали оратора в глухом месте, что этот оратор был каким-нибудь выдающимся деятелем революционного движения? На этот вопрос ныне никто не ответит...

...После Ольгинского дорога идет в гору. Подъем за подъемом. Вдоль дороги кусты калины и кизила, к осени покрывающиеся красными ягодами. Потом крутой спуск к селению Цебельда. Возница приосанивается и гонит лошадей, чтобы с фасоном промчаться по единственной улице. Два ряда домов – большей частью двухэтажных – наверху жилое помещение, внизу – лавочка. Товар разложен в сухую погоду прямо на земле – немудреная местная одежда, галантерея, металлоизделия, чуваки, а также зелень: баклажаны, помидоры, арбузы, груши, виноград.

Снова подъем – такой крутой, что иногда приходится сходить из экипажа, чтобы облегчить труд лошадей, изнемогающих от напряжения.

Наконец мы на высшей точке подъема и сразу открывается вид на Цебельдинскую долину. И глаза невольно

ищут удивительно правильной формы липу, а чуть ниже ее – дом Краевичей.

Подъехать к дому нельзя – дороги нет. Мы сходим у монастырского подворья, а дальше можно идти только пешком. Идём среди сладковато пахнущих кукурузных полей, по стеблям вьется фасоль, по земле тянутся тяжелые плети тыквы. Минуем 2–3 армянских домика, отбываясь от огромных лохматых псов – таких страшных собак я больше нигде не видела. И наконец холодный светлый родник, прикрытый деревянной будкой, а за ним на пригорке дом с большим балконом. В доме чистота, украинский уют с вышитыми полотенцами и скатертями и украинское гостеприимство.

А над домом словно дальний прибор моря – неумолчный шелест липы – такой огромной, что под ее кровом с одной только стороны мы разбили крокетную площадку. Эта площадка под липой – общественное место для местных армян. Здесь они иногда собираются, чтобы обсудить свои дела. Здесь ежегодно справляют какой-то праздник. К этому дню забивают бычка, женщины всего селенья, собравшись вместе, готовят еду, а мужчины, принаряженные в красиво повязанных на головах башлыках, в жилетах, расшитых галуном, собираются под липой. Они становятся в круг. Какой-то старик, став в середине круга, играет на кимэнче¹. Мужчины берутся

¹ Кеманча – струнный смычковый музыкальный инструмент, популярный среди понтийских греков и армян, переселившихся из Турции в Абхазию.

за руки или кладут руки друг другу на плечи и начинается танец. Удивительна была ритмичность танца и синхронность движений у этих земледельцев, которые конечно же никогда не тренировались. Женских танцев я не помню.

Вообще положение женщины было приниженное. Она не имела права участвовать в разговоре собравшихся, вообще держалась в стороне от мужского общества. Даже дома, подавая мужу обед, сама не ела и бралась за еду только тогда, когда он встанет из-за стола.

Ничего этого давно нет. Краевичи разъехались, почти никого из них не осталось в живых. В доме сначала была школа, потом он сгорел. А липа от старости раскололась и умерла.

В первое лето, когда мы жили в Цебельде, был такой случай: в отдалении от дома, рядом с дорогой, мать лежала на гамаке, а мы, дети, играли рядом. Вдруг с нами поравнялся всадник и стал расспрашивать мать, куда ведет эта дорога. Мать ему объяснила. Через несколько минут после того, как он ускакал, подъехала группа стражников и спросила не проезжал ли здесь мужчина и куда он поехал. Оказалось, что это какой-то страшный разбойник, о котором мы все слышали и которого ищет полиция. Поймали ли его, мы не узнали. Видимо нет.

Неподалеку от дома находились так называемые «храмы». Это были развалины древнего монастыря: несколько полуразвалившихся фундаментов, остатки стен, всё

заросшее ежевикой и лианами среди густого леса. Остатки колокольни: каменная арка над крутым обрывом к Кодору. В арке остались выемки для балки, на которой некогда висел колокол. Звон его несомненно был слышен по всему глубокому ущелью Кодора.

Сохранился еще какой-то непонятный колодец почти рядом с пропастью к Кодору. На дне колодца – щель наружу, на узкий карниз. Кто-то высказал предположение, что это был тайный ход, по которому монахи могли спастись при штурме монастыря. Сверху колодец легко можно было замаскировать, лестницу стащить вниз, а самим выбраться через щель в Кодорское ущелье.

Кодор отсюда, сверху, кажется узеньким ручейком, тогда как на самом деле он в этом месте достигает нескольких десятков метров в ширину.

Накануне Первой мировой войны в Краевичи приезжали археологи, велись раскопки. Установили, что монастырь византийского происхождения, построен был в V веке н.э. Нашли разную церковную утварь и увезли с собой. А несколько тяжелых каменных плит с росписью временно оставили в кладовой у Анны Ивановны. На камнях были изображения святых (или ангелов?) с нимбами вокруг голов. Цвета – голубой, розовый, зеленый – все очень жизнерадостные тона. Археологи так и не приехали за этими плитами – началась война, потом революция, было не до археологических находок.

Армяне, приехавшие из Армении в Цебельду, не были едины. Между ними шла нескончаемая вражда и существовал обычай кровной мести.

Вражда началась якобы с того, что один священник женился, тогда как ему по закону полагалось безбрачие. Будто бы на свадьбе и началась драка, в которой кто-то был убит. Родственники отомстили и так и пошло. Два враждующих рода были Топчианы и Зейтуняны. Один из Топчианов, которого я уже при Советской власти спросила о причинах вражды, ответил невразумительно: «Причины были экономические», но расшифровать это объяснение не смог или не захотел. С течением времени деятельность этих двух родов разграничилась: Топчианы остались плантатарами, а Зейтуняны захватили в свои руки торговлю. Остальные жители Цебельды тоже разделились, поддерживая кто Топчианов, а кто – Зейтунянов.

Помню, ездили в Цебельду разные комиссии для примирения коровников. Мой отец бывал в составе некоторых из этих комиссий. Приезжал даже Католикос Армении – высшее духовное лицо Кавказских армян. Всё это ни к чему не приводило. Ещё на моей памяти убивали то кого-нибудь из Топчианов, то из Зейтунянов.

При Советской власти убийства прекратились, но не прекратилась вражда. Только она приняла другие формы. Каждая из сторон старалась захватить на выборах ключевые позиции в Союзе табаководов. Кто захватывал, тот покровительствовал своей партии: давал кредиты, ссуды,

выгоднее оценивал сорт сдаваемого государству табака и т.п. Кончилось это тем, что в конце 20-х годов Абхазское правительство повысылало из Республики наиболее видных представителей как Топчианов, так и Зейтунянов.

Еще до революции дошел до нас слух, что один из Топчианов похитил девушку из рода Зейтунянов. Цебельдинские Ромео и Джульетта! Мне это похищение представлялось в высшей степени романтическим.

Случилось так, что в 1926 году мы с мужем жили на даче в Цебельде в доме Месропа Топчиана, отца похитителя – Левона. Оказалось, что цебельдинские Ромео и Джульетта живут тут же. У них уже были дети школьного возраста.

Левон и Сирануш оба были высокие, красивые, здоровые люди. Сирануш рано располнела, как это часто бывает у армянок, у неё были могучие плечи и крутые бедра. Иногда Левон приходил выпивши и она укладывала его спать, стягивая с него сапоги.

Как-то в подходящий момент я попыталась ее расспросить о похищении. Вот что мне удалось узнать: на Пасху Сирануш с подругой пошли к заутрене (ночное богослужение). Церковь лежала в стороне от селения. По дороге в пустынном месте на них напали Левон с товарищами, заткнули им рты платками и потащили в лес. Так как девушки сопротивлялась, то их били. У Сирануш от побоев вся губа распухла. Подругу спустя некоторое время отпустили, а Сирануш потащили в Краевичи, в пе-

щеру. Товарищи ушли, а Левон остался с Сирануш и первым делом её изнасиловал. Рано утром приехали верхами товарищи и повезли «молодых» в Сухум, но не по шоссе, где их уже караулили, а кружным путем через горы и по долине Амткела. В Сухуме на кладбище уже ждал заранее приглашенный священник, который их и обвенчал.

– Но ведь вы могли сказать, что не согласны?

– А зачем? Всё равно меня никто другой замуж не взял бы после того, что произошло. Пришлось сказать, что согласна.

– А раньше вы были знакомы с Левоном? Сговаривались с ним?

– Да нет, просто знала его издали, никогда с ним не разговаривала.

Из церкви ехали уже не таясь, на нескольких фаэтонах с музыкой, криками, ликованием, что похищение удалось. С шиком проехали по улице Цебельды. И родные уже ничего не могли сделать.

В то время, что мы жили у Топчианов, шел сбор и низка табака. Это очень тяжёлая, а главное – срочная работа. Ломать листья табака можно только до восхода солнца, позже они вянут и их уже нельзя нанизать на шнур для сушки. С утра листья носят в высоких круглых корзинах в сарай. А там, в тени, в течение дня их нижут. Низальщицы сидят на полу и накалывают листья на огромную иглу – примерно с полметра длиной, конец её низальщица держит подмышкой и на нее накалывает обеими рука-

ми черенки листьев, пока они не потеряли упругости. Так как работа тяжелая и срочная, на это время обычно нанимают работниц. Как правило, это девицы, приехавшие ради заработка на этот сезон с Кубани. Нравы их были очень вольными, ради того, чтобы побольше заработать, они не останавливались перед тем, чтобы соблазнить хозяев. Жены их ненавидели, в округе презирали и назывались они – «плантаторские».

Так было и в семье Топчианов. В сарае работала некая Марфушка, Сирануш так и слонялась вокруг сарая и устраивала сцены Левону – заслуженно или нет – я не знаю.

После того, как в Абхазию пришла Советская власть, арендаторы, естественно перестали платить аренду помещикам. Кое-где разгромили усадьбы – например в имении Рейнгардт. У Захаровых громить было ничего – эти помещики жили беднее многих своих арендаторов. Вороновых уважали в округе – смутно прослышав, что семья причастна к революционному движению. Что касается Краевичей, то армяне пришли к Анне Ивановне и заявили, что платить за землю они не будут, но «ты живи здесь спокойно до самой смерти, мы будем доставлять тебе всё необходимое». И действительно, они приносили ей муку (конечно кукурузную), молоко, масло, яйца, кур, дрова. Однако, как только муж Наташи закончил институт и поступил на работу, Анна Ивановна уехала, а дом отдала под школу.

Вот примерно то, что я запомнила о Цебельде. Но теперь приблизительно через 70 лет, я узнала многое, что

стало известно после более чем двадцатилетнего изучения тех мест археологами. Черепки древней керамики, находимые при раскопках, позволили установить, что Цебельда была обитаема еще три тысячи лет тому назад. Археологи установили, что в уже историческое время в Цебельде существовала еще почти неизученная небольшая цивилизация, длившаяся на протяжении около 500 лет. Цебельда была одной из окраин римско-византийского культурного мира – периферийной его частью. Страна эта называлась Апсилией. Здесь в VI–IX вв. н.э. пролегал важнейший торговый путь в Среднюю Азию в обход Каспийского моря. Для античного мира это был очень необходимый путь, если учесть ожесточенную борьбу Византии с Персией. Охраняя этот путь от врагов, Римляне и Византийцы сооружали цепи укреплений, в которых размещались постоянные гарнизоны. На территории теперешней Цебельды археологам ныне известно более 15 поселений, до 10 крепостей, 20 могильников. Древние цебельдинцы – апсилы – жили в поселках городского типа. Социальную безопасность они ставили выше удобств, поэтому ровным местам предпочитали вершины, крутые склоны, хорошо защищенные природными условиями – обрывами, ущельями, скалами.

Строили укрепленные валы и каменные стены. Часто такие поселения даже располагались далеко от источников воды. Некоторые крепости имели цистерны для за-

пасов воды. Улицы были проложены на узких террасах, дома – деревянные, крыши крыты соломой или осокой. Дома стояли тесно и соседствовали со складами, хлевами, мастерскими. Все поселение по необходимости было очень компактным. В случае опасности население укрывалось за крепостными стенами. При общинном землевладении каждая семья тем не менее имела для обработки свой участок. Сеяли пшеницу, просо, разводили сады, виноградники и орешники. Все крепости Цебельды имели между собой зрительную связь при помощи высоких скал или дозорных башен.

Самое крупное поселение было как раз на месте тех самых «храмов», которые мы исходили в детские и юные годы. Это поселение называлось Цибилиум. Известковые прокладки стен оказались прочнее тех каменных блоков, которые они связывали. Очевидно, строители прошли выучку византийских или римских мастеров.

Древние цебельдинцы были повидимому язычниками, христианство пришло сюда позже и храмы возникли на месте прежних крепостей.

Торговые связи Апсилии были чрезвычайно обширными. Она торговала кожами, тканями, керамикой. Найдены и следы импортных изделий: египетский фаянс, янтарь из Прибалтики, даже изделия с Рейна. Всё это могло проникнуть как через Рим и Себастополис (ныне Сухуми), так и с севера, через перевал. Основа денежного обращения – римские и византийские монеты.

Как разрушилась эта цивилизация? Повидимому это случилось в конце VII и начале VIII вв. в связи со вторжениями арабов, которые стремились проникнуть через перевал на территорию Северного Кавказа, где кочевали хазары.

Обо всём этом мне рассказала книга Ю.Н. Воронова¹ – археолога, потомка тех самых Вороновых, имение которых в Цебельде на протяжении многих лет служило убежищем для скрывающихся революционеров в царское время. Книга называется «Тайна Цебельдинской долины».

ГИМНАЗИЯ

В 4 года я самостоятельно выучилась читать. С шестилетнего возраста мать стала учить меня писать. Родители были очень невысокого мнения о нашей Сухумской гимназии, однако выхода не было, мне предстояло в ней учиться. Родители старались только как можно дольше учить меня дома. Мать учила меня всем предметам, кро-

¹ Воронов Юрий Николаевич (1941–1995) – выдающийся археолог–кавказовед, доктор исторических наук, профессор, депутат Верховного Совета – Парламента Республики Абхазия (1991–1995), вице–премьер правительства Абхазии (1993–1995). Убит в Сухуме 11 сентября 1995. Автор популярных книг «Тайна Цебельдинской долины» (М. 1975), «В мире архитектурных памятников Абхазии» (М. 1978) и др.

ме математики и закона божия: эти науки преподавал мне отец, у которого была замечательная память и он со своего гимназического времени помнил наизусть богослужение и катехизис, несмотря на то, что сам был неверующим человеком.

Вот, например, один из его уроков:

– Какие свойства бога? (вопросы из катехизиса)

– Бог – всевидящий, всемогущий, всеблагий, вездесущий.

– Что значит «вездесущий»?

– Это значит, что бог везде.

– Как это везде? у тебя в носу тоже – бог? (в другой раз: «а в уборной»?)

Я в затруднении. (Мне ещё нет и десяти лет) Сказать, что бог у меня в носу (а тем более, что он в уборной!) – это богохульство. Сказать, что бога в носу нет – значит, он не вездесущий. Спасает голос матери.

– Перестань морочить ей голову – она провалится на экзамене!

Однако экзамены прошли благополучно: я поступила в 4-й класс, где уже учились мои подруги.

Наша гимназия помещалась на главной улице (Колубякинской, теперь это улица Ленина), рядом с электростанцией, напротив собора и парка. Теперь это, кажется школа №1.

Основных классов было семь, был ещё дополнительный – восьмой, педагогический. Он имел два отделения – математическое и литературное. Окончив его, мы по-

лучали звание «домашней учительницы» и нам давалось право преподавания в младших классах.

Обучение в гимназии было платным. Гимназия наша была очень убогая. Не было никаких кабинетов по разным отраслям знания, как в других лучше оснащенных учебных заведениях. Занятия иностранными языками (только французским!) были факультативными. Не было даже занятий физкультурой, ее заменяла утренняя общая молитва в зале, куда собирались все классы.

Было 2–3 хороших преподавателя, но были и совсем карикатурные личности. К их числу относилась например, учительница географии Александра Яковлевна Вайло. Совершенно непонятно, как ей доверяли преподавание и как она благополучно миновала всякие проверки. Своего предмета она совершенно не знала, не любила и вообще была на редкость некультурным и убогим человеком. Ей я обязана тем, что на всю жизнь осталась невеждой в области географии. Вайло была очень религиозна и готовилась поступить в монастырь, поэтому копила деньги на взнос в монастырскую кассу, как это полагалось. Вайло ходила в церковь на все виды богослужений. Это не мешало тому, что она иногда приносила в класс какую-то толстую книгу и читала нам всегда одну и ту же главу, которая называлась «Туалет парижанки». Там описывалось, как утром встает и одевается некая парижанка, как накладывают грим на лицо. Мне запомнилось только, что последний штрих этого туалета – рисование

краской голубых вен на висках. Вайло и сама с упоением, с блеском глаз, заплывших между отечных век, смаковала описание этой таинственной жизни неведомой парижанки. Было неясно, какое это все имеет отношение к географии, но мы были рады слушать всё, что угодно, лишь бы избежать нудного урока – пересказа соответствующей главы из учебника. До революции Вайло так и не собрала денег на взнос в монастырь, а после революции мечта её вообще рухнула, т.к. монастыри были ликвидированы. Возможно под влияния этого краха Вайло заболела психически: она ходила по городу в каком-то балахоне, отдаленно напоминающем монашескую рясу, а на голове носила колпак, вроде тех, что красуется на изображениях средневековых астрологов.

Другая колоритная фигура – священник отец Авраамий, «батюшка», преподаватель обязательного тогда предмета – «закона божьего». По национальности он был грек и служил священником на кладбище. Был он очень добрым, но крайне невежественным и, мягко выражаясь, наивным человеком. Если в классе было именинница, то урок отменялся. Дежурная ученица приносила из учительской книгу «Жития святых» и читалось вслух жизнеописание той святой, в честь которой была названа именинница. Понятно, что недостатки в именинницах не было.

Как-то раз преподавательница истории (подруга моей матери, Е.Я. Архангельская) проходила по гимназическо-

му балкону, на который выходили окна одного из классов. Через окно она увидела отца Авраамия, который расхаживал по классу, кокетливо приподняв левой рукой край рясы, а другую руку держал согнутой над головой. На следующем уроке Е.Я. спросила: «Девочки, что это батюшка расхаживал здесь с поднятой рукой!»

– А это он показывал нам, как самарянки ходили за водой к источнику».

Отец Авраамий очень любил историю и считал себя в ней специалистом.

Поэтому он всегда добивался, чтобы его назначали ассистентом на экзамены по истории. Елена Яковлевна жаловалась нам дома, что он ужасно мешает, путая Марию Кровавую с Марией Стюарт и всех французских королей Людовиков и ставит её в неловкое положение: и его поправлять неудобно и оставлять учениц в недоумении тоже не годится.

После отца Авраамия был у нас другой законоучитель, отец Сергей, совсем не похожий на своего предшественника. Страшный реакционер, он не упускал случая ругнуть революционеров, а однажды изрек, что «социализм есть общность жён». Он постоянно подчеркивал свои верноподданнические чувства.

Во времена моего детства ещё праздновался праздник Пасхи, т.е. день когда Христос после того, как его распяли на кресте, воскрес из мёртвых. Встречаясь в этот день, люди говорили «Христос воскрес», а отвечали «Воисти-

ну воскрес». На Пасху готовили традиционные куличи и из твораго пасху. Женщины сидели дома и принимали гостей, а мужчины ходили в знакомые дома «с визитами». Непрерывно звонили церковные колокола. Это называлось «пасхальный благовест». Пасхе предшествовал семинедельный Великий пост. Самый строгий пост был в седьмую, последнюю неделю, так называемую «страстную неделю». В эту неделю мы, гимназистки, должны были «говеть», т.е. каждый день ходить в церковь. Предполагалось, что христиане в эти дни сосредотачиваются, вспоминают и раскаиваются в своих грехах. Потом священник «исповедовал» нас, т.е. мы должны были наедине признаться ему в своих грехах, а он давал нам «отпущение грехов», накрывая нам головы епитрахилью (особым покрывалом) и шептал какую-то молитву. После этого мы «причащались», т.е. маленькой ложечкой из золотой чаши священник давал нам «тело и кровь Христову» – размоченную в вине просфору – это особые хлебцы, выпекаемые специалисткой «просвирней». (Кстати, Пушкин говорил, что русскому языку надо учиться у просвирни – очевидно имея ввиду древность и народность этой профессии).

Было у нашей гимназии и большое достоинство: отсутствие муштры и казенщины. Нас не преследовали за то, что мы за пределами гимназии не носили формы, да и самая форма была не очень строгой: синее платье и чёрный передник – и то и другое довольно разнообразных фасонов. В праздники чёрный передник менялся на белый.

Строгости были только не долгое время. Кажется я была в 5-м классе, когда к нам назначили новую начальницу – Марию Николаевну Бородину. Она приехала из Тифлиса и сразу поразила наше воображение. Ей было всего 26 лет, она была довольно красива и всегда ходила в глубоком трауре. Причины его она нисколько не скрывала: у неё был жених, казачий офицер. Он находился в лагерях, когда она заболела, ему дали об этом телеграмму, а на телеграфе перепутали вместо «больна» передали «умерла». Получив такое известие, офицер застрелился. С тех пор Бородина не снимала траура и тоже собиралась умереть. Она говорила об этом всем и каждому – при всяком удобном случае. Моя мать пошла в гимназию вносить деньги за моё учение. Это была его первая встреча с Бородиной, тем не менее последняя не преминула рассказать матери свою историю и сообщить о своем решении покончить с собой. Мать, вернувшись домой, сказала:

– Ну, кто столько говорит о самоубийстве, тот с собой не покончит.

Подходила Пасха – срок, назначенный Бородиной для самоубийства. Она собралась в Тифлис, где была могила её жениха. При нашей гимназии был пансион для иногородних учениц. С пансионерками Бородина проводила много времени и вечерние часы – ведь она жила рядом с ними, в одном здании. Провожая её в Тифлис, пансионерки рыдали. Бородина трогательно прощалась и с персоналом гимназии и вообще со всеми, кого встречала. В

самоубийство её никто не верил, в том числе и её родная сестра, которая работала у нас классной дамой.

И тем не менее Бородина действительно покончила с собой. Ее нашли мертвой на могиле жениха, она застрелилась, приняв предварительно яд, чтобы исключить возможность спасения.

Разговоров об этом самоубийстве было очень много. Нас, девчонок, судьба молодой женщины очень трогала. Мы вспоминали, как она была эффектна в торжественные дни, появляясь в зале в черном платье с плерезами, с большим треном, как красиво она умела повернуться, чтобы этот трен лег кольцом у ее ног, а на груди её блестел шифр, полученный при окончании института.

Однако прогрессивные педагоги давали Бородиной нелестную оценку. Они рассказывали об ее реакционных взглядах, не только политических, но и педагогических. Обвиняли в том, что она с одной стороны искала популярности у учениц, а с другой по вечерам, переодевшись и закрыв лицо вуалью, ходила на набережную (место гуляния всего города) и следила за поведением гимназисток. Именно Бородина ввела самые жесткие требования к форме: обязательно стоячий воротничек и белый подворотничек, тогда как мы привыкли к отложным и кружевным. Даже количество складок на юбке было регламентировано. Обязательна была летняя форма другого цвета и для всех одинаковые соломенные шляпы.

После смерти Бородиной все эти ограничения конечно отпали. А начальницей нам назначили Юлию Леонардовну Балбашевскую, которая внесла много полезного не только в педагогический процесс, но и в хозяйственную организацию гимназии. Юлия Леонардовна осталась уважаемой начальницей гимназии и в Советское время.

ПОСЛЕ СМЕРТИ МАТЕРИ

Отец вышел из тюрьмы весной 1911 года. Сразу мать, усталую от работы и от тяжелых переживаний, послали на кумысное лечение в санаторий в г. Белебей Уфимской губернии. А мы всей семьей ждали ее на даче под Саратовом. Мать поправилась плохо. Она стала очень нервной и раздражительной. Зимой ей захотелось поехать в Москву, походить по театрам и вообще развлечься после долгой жизни в маленьком городе. Но, как видно, не надо было этого делать. В Москве она простудилась и в ту же зиму у нее возобновился туберкулезный процесс в легких. Отец настаивал на том, чтобы она ехала лечиться за границу, уже выхлопотал ей заграничный паспорт, но было уже поздно – в июне 1912 года она умерла.

После её смерти отец как-то погас. Он постепенно отошёл от революционного движения и больше времени

стала отдавать просветительской и общественной работе – в той степени, в какой это позволяло лишение гражданских прав.

Ещё раньше отец организовал первую в Абхазии газету, если не ошибаюсь, она называлась «Сухумский вестник». Объявлений было мало, газета вечно требовала затрат. Отец хорошо зарабатывал, как адвокат, жили мы скромно, но типография поглощала много личных средств отца.

Как адвокат отец был очень принципиален и не брался за какие попало дела. Немало дел, особенно когда они касались защиты революционеров, он вёл бесплатно. Много позже, когда я училась в Высшем Литературно – художественном Институте, у нас была чистка. Председателем комиссии по чистке был небезызвестный критик Вардин. Во время беседы со мной, просматривая мои документы, он вдруг сказал:

– А я ведь знаю Вашего отца!

Оказалось, что Вардин – это псевдоним, а настоящая его фамилия – Мгеладзе и когда-то отец защищал его, когда он судился за революционную деятельность в Сухуме.

Как-то раз к отцу домой на приём пришли три солидных господина. Когда они явились во второй раз, отец заметил их ещё в окно и сказал мне: «Гони их в шею». (Было у него такое любимое выражение!) Я открыла дверь на их звонок и сказала, что отца нет дома. После того они еще не раз приходили или поджидали отца на улице.

– В чём дело? – спросила я – Почему ты не хочешь их принимать?

– Это представители московских заводов. Хотят, чтобы я вел их дело. Но я никогда не буду вести дела предпринимателей, направленные против рабочих. Я им сказал. А они не понимают, ходят за мной по пятам и думают, что всё дело в гонораре и с каждой встречей его набавляют. Так что когда бы они не пришли, выпроваживать их.

К отцу приходили советоваться по самым разным делам – не только юридическим, но и моральным. Как-то Надя Беклемишева сказала мне: «Твой отец знает дела и тайны чуть ли не каждого в городе».

Однажды, уже после революции, к отцу пришла та самая Алферова, ростовщица, одолжившая нам деньги на достройку дома. Даже после прихода Советской власти она продолжала оставаться очень богатой, т.к. поспешно развелась с мужем и вышла замуж за эстонца, а они тогда считались иностранцами т.к. прибалтийские государства оставались буржуазными («лимитрофы»). У Алферовой не только остался большой личный дом, но и санаторий «Азра», выстроенный для приезжих и приносящий ей большой доход. Дело ее заключалось в следующем: к ней пришел некий горбун и продемонстрировал какой-то аппарат – если вложить в него деньги, то из другого отверстия появляется двойная сумма. Отец сказал: «Неужели вы не понимаете, что перед вами жулик, немедленно заявите в милицию».

Однако Алферова, хотя и отказалась иметь дело с горбуном, но в милицию, видимо, не сообщила. И получилось, что жулик поймал на эту хитрую удочку другую, жадную до наживы состоятельную женщину, только что продавшую дом. Он забрал её деньги и исчез вместе со своей «волшебной трубкой». Кто-то видел этого горбуна на пляже и рассказывал, что горб у него накладной, а сам сложен вполне нормально.

После установления Советской власти отец перестал заниматься адвокатской практикой. («какие теперь дела? – или судятся с домработницей или из-за жилплощади!»), хотя и остался председателем коллегии адвокатов. Сам он поступил на работу юрисконсультанта Совета Народных Комиссаров Абхазии. На этом посту отец проработал много лет, а потом перешёл юрисконсульт в Союз табачников Абхазии («Абтабак»).

ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Как это ни странно, но первым местом, где я почувствовала войну был Новороссийск. В Черном море рыскали немецкие подводные лодки. Поэтому обычно очень оживленный, шумный порт был теперь пустынным. Пароходы ходили лишь случайно, без расписания. Грузы не поступали и не отправлялись. Праздные грузчики грелись на осеннем солнышке, сидя на ступеньках

мола. Вяло дымили трубы цементного завода, по голым горам над Новороссийском бродили козы. На улицах было малоллюдно.

Здесь впервые в жизни я узнала о затемнении. Но какое это было странное затемнение! Зашторивали или закрывали ставнями лишь те окна, которые выходили в сторону моря, да и то делали это не очень аккуратно. Ведь авиации тогда в войсках не было, боялись только подводных лодок, а позже броненосцев «Гебен» и «Бреслау»¹.

Я остановилась в гостинице и стала ждать okazji на Сухум. Деньги на дорогу отец прислал мне до востребования. Через два или три дня появился маленький старый пароходик (чтобы не так жаль было, если потопят). Он направлялся в Батум, с остановкой в Сухуме. Ехала я в пустой каюте. Пассажиров почти не было – все боялись морских путешествий. Вечером, лежа на койке, я слышала, как какое-то начальство распекало матросов: «Опять иллюминаторы не зашторили! Вы что же! Жизнью не дорожите? И мы все из-за вас рискуем!».

Но доехали благополучно. Встречали меня не только родные, но и знакомые и даже некоторые незнакомые – единственный случай, когда в Сухум приехала бывшая германская «гражданская военнопленная» – как же не полюбопытствовать!

¹ Германские корабли, вошедшие в Чёрное море в ходе Первой мировой войны.

Сухум, как и Новороссийск, затих, так же опустел порт, так же небрежно соблюдалась светомаскировка. И я не помню, чтобы кто-нибудь за этим следил. А между тем время от времени доходили сведения о том, что подводная лодка обстреляла тот или иной прибрежный город. Обстреляли и наш маяк, стоящий на низком мысу. Но снаряды падали на пустынную песчаную косу, где тогда не было никакого жилья, росли одни колючки и маяк не пострадал. Особенно всех испугало известие, что Турция пропустила через Дарданеллы в Чёрное море немецкие броненосцы «Гебен» и «Бреслау».

Весной то ли 1915 то ли 1916 года немцы потопили большой транспорт, который шёл из Сухума в Батум. Большинство пассажиров были школьники, которые разъезжались на каникулы после окончания учебного года. Среди них были и Сухумские школьники. Никто не спасся. Этот варварский поступок сразу вызвал взрыв ненависти к немцам, какой до того не было.

С началом войны те, у кого была такая возможность, уехали с нашего побережья.

Вскоре для защиты от подводных лодок в более крупных населённых пунктах были установлены батареи. Командовали ими в большинстве случаев молоденькие офицеры, главным образом из числа студентов. Но что-то не помню случая, чтобы эти батареи уничтожили хоть одну подводную лодку.

Сухумский округ был объявлен военным округом. Начальником его был назначен генерал Засыпкин. У него была очень красивая жена, а при ней постоянным кавалером состоял владелец какого-то маленького заводика, австрийский подданный. Эта семья всюду появлялась втроём. Близость с гражданином воюющей с нами страны вызывала всеобщее негодование и недоумение.

Осенью была объявлена война Турции. На нашем побережье жило много турок. Турецкий язык на Кавказе в те времена играл ту же роль, что французский в Европе. На нем общались разные народы: грузины, осетины, армяне, абхазцы, греки – это был интернациональный язык. Турки занимались главным образом табаководством, но были среди них и рыбаки, и торговцы. Всех их с началом войны срочно стали выселять. Они вынуждены были бросать дома, скот, имущество. За бесценок продавали все, в том числе только недавно собранный урожай табака. Кое кто из местных торговцев не растерялся и составил себе крупное состояние, скупив у турок табак за ничтожную цену, которая скоро сильно возросла.

А какая погода была в ту зиму! Днем все ходили без пальто. На Рождество и на Новый год цвели розы и фиалки. Распустилось очень красивое декоративное растение – японская айва. Природе не было никакого дела до войны, до крови и слёз. Кажется никогда еще наше побережье не было столь ослепительно прекрасным. К тому же трагические вести доходили до нас с большим опозда-

нием. Морского транспорта почти не было, почту везли от железной дороги на лошадях. Вообще очень развился местный гужевой транспорт – дилижансы. На лошадях ездили по шоссе вдоль берега с одной стороны до Туапсе, с другой (в сторону Тифлиса) до станции Ново-Сенаки. Автомобили были тогда редкостью. Черноморская железная дорога только еще начала строиться.

Я отсутствовала более года и за это время в экономике страны произошли ощутимые изменения. Часто стали слышны новые слова: «Трест» или «Синдикат».

За Цебельдой, тотчас после Амткельского моста, начиналось огромное имение графа Бобринского, если память мне не изменяет семь тысяч десятин. Правда, значительная его часть приходилась на крутые склоны, скалы и ущелья. Говорили, что Бобринский выиграл это имение в карты. Перед самой войной это имение купил Табачный синдикат с тем, чтобы вырубить леса и всю доступную площадь превратить в плантации. К счастью, война, а потом революция этому помешали.

Весной 1916 года к нам приехал дедушка Герман Лопатин. В один солнечный тёплый день мы повезли его в Цебельду.

На должность управляющего имением быв. Бобринского Синдикат пригласил нашего однофамильца и знакомого Николая Васильевича Захарова. Он поселился в маленьком, но уютном домике в долине Амткела. Туда-то и повезли дедушку Германа. Мы ехали в фээтоне. Выеха-

ли мы почему-то поздно и достигли гор уже в сумерки. В небе и на вершинах гор горели отблески заката и дедушка вдруг вспомнил стихи Верхарна «Человечество»: «О, вечера, распятые на сводах небосклона...». Он читал эти стихи по-французски, потом я нашла их в переводах Брюсова и М. Волошина, но тогда я слышала их впервые.

Г.А. по дороге сравнивал природу юга Франции с природой нашего побережья и называл её более «причесанной».

Когда мы подъехали к мосту было уже темно. Мы очень замёрзли, т.к. в горах к вечеру делается очень холодно, а был только ещё апрель. За мостом нас ожидал человек, посланный Николаем Васильевичем, т.к. мы не знали дороги. Надо было спускаться в темноте по очень крутой тропинке. Хорошо, что был провожатый, который помогает Г.А., который уже не очень хорошо видел. И вот мы из темноты и холода попали в ярко освещенную комнату, с хорошо накрытым столом, уставленным всякими яствами. До этого Николай Васильевич был директором ресторана и его опыт, помноженный на абхазское гостеприимство, делал чудеса. Мать Николая Васильевича была абхазкой, когда-то у Захаровых в том месте было имение, потом на своем гостеприимстве семья разорилась и всё имение было раскуплено их же бывшими арендаторами. Но место это до сих пор называется Захаровка и обозначено на современных географических картах.

Случайно, как видно в силу того же абхазского гостеприимства, в доме Николая Васильевича оказался какой-

то студент из Петрограда, который был страшно изумлен, что в таком диком месте, в горах Кавказа, вдруг встретил Германа Лопатина.

Утром я проснулась под шум речки, протекавшей около дома (приток Амткела). Я выбежала, чтобы умыться в этой очень холодной речке и уже застала на берегу дедушку Германа. Он сказал:

– Какая тут красота и как хорошо, что наш Кавказ «непричесанный». А главное, тут нет туристов, ты не можешь себе представить, как они раздражают.

Во время приездов к нам дедушки Германа, повелось так, что после обеда отец и Г.А. оставались в столовой – и начинался разговор. Я тоже сидела в углу на диване, не решаясь задавать вопросы, хотя и не всё понимала. Речь обычно шла о Марксе и об его учении. Помню, как они оба смеялись, когда Г.А. рассказал такой эпизод. Работая над переводом «Капитала», он попросил Маркса разъяснить какое-то место. Маркс разъяснил. Г.А. сказал: «Вот как! А ведь марксисты толкуют это совсем не так!», на что Маркс ответил: «Я же не марксист!».

После поездки в Цебельду (отец тогда с нами почему-то не ездил) за столом зашел разговор об имении Бобринского и о Табачном синдикате. Речь шла о том, как был прав Маркс, предсказывая что Россия пойдет по пути капиталистического развития, как быстро капитализм у нас развивается и что этот синдикат, как и многие другие, яркий пример укрупнения и концентрации капитала.

В тот приезд Г.А. было много волнений в связи с тем, что он хотел во что бы то ни стало, выучиться ездить на велосипеде. Ведь во времена его юности велосипедов не было. Мой брат, который очень хорошо ездил, стал учить Г.А. и тот добился того, что стал держаться на велосипеде. Но всем это стоило больших волнений...

К осени выяснилось, что у меня туберкулез бронхиальных желез в самом разгаре и снова на зиму 1916–1917 гг. я застряла в Сухуме.

«СИДЕНИЕ НА ЗЕМЛЕ»

У моего мужа есть участок земли – десятин 20 – в Абхазии на реке Белой, в Гудаутском районе. Муж настаивает на том, чтобы мы ехали туда и занялись сельским хозяйством до тех времен, пока можно будет вернуться к ученью. И вот мы «сели на землю», как тогда говорили. Мы не оригинальны. Тогда многие интеллигенты видели в этом выход из положения.

На высоком берегу реки Белой мы в маленьком трехкомнатном домике. Вокруг одичавший сад. Тут же живет рабочий с женой и ребенком, они ухаживают за коровой и лошадью. Земля каменистая и мы из сил выбиваемся, выворачивая камни и очищая участок под огород. По-прежнему он засажен. Мы ждем урожая.

Рядом с нами живёт абхазский князь. На вид это жуликоватый оборванец. Тем не менее у него много земли.

Он часто заходит, чтобы занять что-либо из инвентаря и поболтать. Мимоходом пытается что-нибудь стащить. У него 12 сыновей: 6 служат у меньшевиков, 6 – у большевиков. Князь страхует себя со всех сторон. Живёт он в бытовом отношении не лучше, чем окружающие абхазцы – крестьяне.

И вдруг как-то неожиданно утром наш двор заполняется верховыми. Мы ничего не понимаем. Какая-то армия движется с севера в сторону Сухума. Русских, с которыми мы смогли бы объясниться, среди них нет. По абхазски мы не понимаем. У нас в доме постой, который мы кормим. У мужа отбирают его охотничье ружье. Лошадей пустили пастись прямо в огород, который мы с таким трудом возделали. Для них мы – «помещики».

Один из соседей, молодой абхазец Эснат, объясняет нам, что это большевики и идут они на Сухум брать власть у меньшевиков. Советует мужу переждать время у него, предлагает свое гостеприимство. Мы уходим из своего дома.

На другой день приказ войску выступать. Все уезжают. По ту сторону реки – шоссе, его хорошо видно с нашего высокого берега. По нему с грохотом, доносящемуся до нас, несутся повозки, телеги или тачанки, скачут всадники – все в сторону Гудаут. Мы спускаемся к себе в дом. Неожиданно появляются двое из тех, кто стоял у нас на постое. Пряча от нас глаза, заявляют: «мы пришли делать обыск» – и шарят по карманам одежды и по ящикам ко-

мода. Забирают те очень немногие деньги, которые у нас ещё сохранились, пальто мужа и моё белое пушистое одеяло, привезенное из-за границы. Грабители уходят, но нам страшно, что они снова вернутся или придут другие. И мы снова уходим к Эснату.

Наступают сумерки. Вдруг заработал «абхазский телеграф»: хозяин наш бежит на соседней бугор, с ближнего холма ему что-то кричат. Он, в свою очередь, передает услышанное на следующий пригорок. Так вести распространяются по Абхазии действительно с быстротой телеграфа. И мы узнаем, что меньшевики ждали большевиков у Нового Афона, засев на крутой Иверской горе, главенствующей над дорогой, прижатой к морю, и встретили большевиков пулеметным огнем. Много убитых. Большевики катятся назад. Наши хозяева, а также окрестные соседи, мигом запрягают буйволов в арбы, складывают туда наиболее ценное имущество, сажают женщин и детей и отправляют в глубину гор. Повидимому ждут, что придут меньшевики. Скоро со стороны шоссе снова доносится грохот колес и топот копыт. Не задерживаясь, не останавливаясь, войско несется во весь опор на север.

Наступают сумерки, синие и тревожные. И вдруг до нас доносится вой. Он все ширится и приближается. Это по абхазским домам оплакивают убитых под Афоном. Над всей долиной реки Белой стоит этот похоронный плач.

На следующий день, убедившись, что меньшевики не преследуют бегущего войска большевиков, беженцы начинают возвращаться из гор.

Делать нам в деревне нечего. Огород весь вытоптан лошадьми, мы ограблены. Таковы были результаты «сиденья на земле». Мы возвращаемся сначала в Гудауты, а потом Сухум.

БЕЖЕНЦЫ С СЕВЕРА

В Сухуме давно жил врач Николай Григорьевич Рукин. Его дочь Вера Николаевна была замужем за братом Бориса Савинкова-Виктором. Ещё до Первой Мировой войны она с ним разошлась. С ней остался маленький сын Коля¹. Скоро Вера Николаевна снова вышла замуж

¹ О семье Савинковых и В.Н. Рукиной: Савинков Николай Викторович (1910, Сухум – 1984, Прага) – доктор медицины, родился в Абхазии в семье художника Виктора Викторовича Савинкова (брат известного политического деятеля и литератора, эсера Бориса Викторовича Савинкова) и адвоката Веры Николаевны Рукиной. Вскоре после рождения сына брак распался, и она, будучи адвокатом в Петрограде, вышла замуж за известного юриста, будущего руководителя Министерства юстиции Временного правительства Александра Алексеевича Демьянова (1865– 1925)... В 1922 после советизации Абхазии мать с сыном уехала к отцу, доктору Рукину, который перебрался в Каир. Не получив разрешения на въезд в страну, уехала с

– за А.А. Демьянова. Он был крупным адвокатом, председателем коллегии адвокатов Петрограда. А после Фев-

сыном в Берлин, а оттуда в 1924 – в Прагу. Здесь сын Николай получил медицинское образование в Карловом университете, а в 1939 переехал в Париж. Во время Второй мировой войны воевал добровольцем в Чехословацком иностранном военном корпусе. В мае 1940 эвакуировался в Великобританию и вступил добровольцем в британскую армию, служил военврачом в Индии, Малайзии, Бирме, на Цейлоне. После войны вернулся в Чехословакию. Является отцом Савинковой–Шанталь (в крещении Мария, Маша), искусствовед, специалист по иконографии; с 1999 служит регентом церковного хора и чтецом прихода св. Мартина в г. Тур во Франции. Отец похоронен в Праге на Ольшанского кладбище.

Савинков Виктор Викторович (1886, Варшава – 1954, Франция) – живописец, журналист, политический деятель. Мать Софья Александровна Ярошенко (сестра художника–передвижника Н.А.Ярошенко), журналистка, драматург, мемуарист (писала под псевдонимом Шевиль С.А.). После окончания гимназии поступил в Петербургский университет, в 1907 лечился от туберкулеза в Швейцарии. Студент Киевского университета, получил юридическое образование. Занимался журналистикой и живописью. В годы Гражданской войны воевал. В октябре 1921 выслан из Польши и поселился с семьей (другой) в Праге. Отошёл от политической деятельности, состоял в философском обществе. В 1927 переехал в Париж, был членом масонской ложи «Аврора», занимался живописью, переводами. В 1942 был вызван в гестапо, однако вместе с третьей женой и сыном укрылся в сельской местности под Лионом. В 1947 получил гражданство Франции. Первая жена Рукина В.Н. (умерла в 1973), от другого брака с Штомпфе в 1941 родился сын Виктор.

ральской революции вошел в состав одного из созывов Временного правительства в качестве товарища министра юстиции, которым был тогда Переверзев.

После Октябрьской революции и ликвидации Временного правительства Демьяновы приехали в Сухум к отцу Веры Николаевны. То ли самостоятельно, то ли по следу или совету Демьяновых, в Сухум приехало ещё несколько членов временного правительства – из числа второстепенных. В городе вообще было очень много беженцев с севера. Квартиру было найти очень трудно. И, когда мы в 1918 г. приехали в Сухум, то оказалось, что в одну из комнат нашего дома отец, по просьбе Веры Николаевны, пустил их друга, тоже бывшего товарища министра юстиции, Георгия Дмитриевича Эристова [Сидамонов-Эристов].

Это был уже немолодой человек грузинского происхождения, очень образованный. Он много знал, много путешествовал и видел. В частности слышал Грига, слышал, как тот дирижировал оркестром и учил меня, как надо играть «Смерть Азы» из «Пер Гюнта». У Эристова была молодая жена, Александра Ивановна, очень скромная, тихая, простая женщина. У нас её прозвали «Гусь», потому что она ходила носками слегка внутрь и к тому же носила туфли оранжевого цвета. Во время одного из обстрелов (а города обстреливали с моря военные корабли большевиков) у Эристовых родилась дочка Ирочка, очаровательное существо с отцовскими грузинскими глазами.

Мы с отцом и Эристовыми иногда бывали у Демьяновых. Наблюдая за этими деятелями Временного правительства, я не могла понять, почему в свой решающий момент История так высоко вознесла их. Это были отнюдь не бойцы. Они сами приняли свое поражение, как нечто вполне естественное и закономерное. Никаких не только планов, но даже мыслей о борьбе с большевиками у них не было, даже злобы я у них не замечала. Совсем не то, что у белых офицеров на Дону. Должно быть и Демьяновы и Эристовы понимали логику истории.

Демьянов, приехав, сразу засел за писание мемуаров. Эристов вступил в коллегия адвокатов и занялся юридической практикой, так же как и Вера Николаевна, юристка по образованию. Жили обе семьи очень скромно, Демьяновы, к тому же, жили у Рукина – врача с установившейся практикой.

Когда мы встречались за чайным столом у Демьяновых, разговор естественно, шел о событиях в стране. Лейт – мотив: мы не бежали, мы просто сошли со сцены, т.к. таков поворот истории. Всякое сопротивление бесполезно и бессмысленно – народ не за нас.

Мой отец и Эристов оба были адвокатами. Иногда они расходились во мнении о виновности того или иного подзащитного и тогда ссорились, вплоть до того, что переставали друг с другом разговаривать и женам приходилось их мирить.

Именно такую ссору мы застали, когда приехали в Сухум. Произошла она из-за так называемого «дела Зографопуло». Зографопуло был грек, крупный торговец, владелец гастрономического магазина. Внешность его точно соответствовала ходячим карриатурам на буржуев: большой живот, ноги – колесом, кривые зубы и котелок на лысой голове. И это чудовище, к тому же немолодое, (ещё в те годы, когда я училась в гимназии) женилась на красивой девочке, которую ему продали её родственники. Над гастрономическим магазином Зографопуло, на главной улице, была его квартира. Я никогда в ней не была, я видела всегда только закрытые и плотно занавешенные окна, а через подворотню был виден большой двор, вымощенный булыжником, с огромным складом посередине и ни единого деревца (и это у нас, в субтропиках!). И в эту тюрьму попала молоденькая Афина [Арнаут]. Она нигде не бывала, жила, как в застенке. Детей не было и в конце концов Зографопуло усыновили мальчика по имени Алеко.

В 1919 г. Зографопуло умер. И вот, спустя несколько дней после похорон, прошел слух, что его отравила Афина. Донес на неё домашний врач семьи. Он сообщил, что Афина сама ему призналась, что дала мужу мышьяк, добавив его в какао. Кое-кто поговаривал, что врач сам дал ей этот мышьяк, рассчитывая на её нежные чувства – к тому же она была богатая наследница. Но Афина его отвергла: оказалось, что у неё появился любовник.

Как бы то ни было, Афина была привлечена к ответственности и ей предстояло предстать перед судом. По законам меньшевистской Грузии ей грозила смертная казнь – в лучшем случае – 20-летнее тюремное заключение. В защитники она пригласила Эристову, а мой отец был свидетелем, т.к. по поручению Зографопуло составлял его духовное завещание.

За несколько дней до суда из Тифлиса пришло распоряжение, по которому Эристов назначается председателем Верховного суда Абхазской республики. Значит, он уже не мог выступать как защитник Афины. Тогда он телеграммой вызвал из Тифлиса Переверзева, бывшего министра юстиции Временного Правительства. И ему передал защиту Афины.

И вот незадолго до суда отец и Эристов рассорились. Эристов верил в невиновность Афины, отец же считал ее убийцей.

На суде выступало много свидетелей – и все в пользу Афины, в том числе и племянники Зографопуло, которые были в то же время его торговыми компаньонами. Экспертиза, которую возглавлял д-р Рукин, после экспертизы трупа утверждала, что Зографопуло умер от уремии. Переверзев, как защитник, сказал очень пышную речь, которая кончалась словами: «Если вы осудите эту невинную женщину, то на белом покрывале Фемиды молодой Грузинской республики останутся алые пятна крови!».

После многочасового совещания, суд вынес оправдательный приговор Афине. Когда мы возвращались домой, я спросила отца, как он может считать Афину убийцей, ведь все свидетели доказывали её невиновность. Отец ответил: «В этом деле было все: и подкуп, и запугивание, и шантаж...».

– Но зачем ей было убивать мужа?

– Видишь ли: завещание было составлено в её пользу. Однако Зографопуло узнал, что у неё появился любовник, и решил изменить завещание в пользу сына и племянников. Об этом он мне сам сказал и поручил составить проект нового завещания. Я составил, но не успел его оформить. Афина, видимо узнала об этом и поторопилась действовать.

– Почему же ты не сказал этого на суде? И скрыл от суда наличие нового завещания?

– Я пожалел ее: ведь у нее была такая ужасная жизнь. Он купил её еще совсем девочкой, а сам был развратник и даже ей изменял с гувернанткой Алеко. А ведь ей грозила смертная казнь... Так же её пожалел и Рукин, который проводил экспертизу.

Вернувшись домой и обмениваясь мнениями, мы спросили Эристову, почему так долго совещался суд?

Оказывается, оба члена суда, были пожилые и очень богатые люди (а в меньшевистской республике для судей, оказывается, требовался имущественный ценз). И они рассуждали так: сегодня мы оправдаем Афину, а завтра

наши жёны могут нас безнаказанно убить! Эристов сказал: «Я еле-еле уломал их. А когда зал в ответ на оправдательный приговор разразился аплодисментами, я сказал: а вот вам и общественное мнение! Хороши мы были бы, если б осудили ее».

А отец сказал: – «Ну и фразер этот Переверзев! Но искусство адвоката не в красивых словах, а в умении так повернуть допрос свидетелей, чтобы показать суду, то что надо защите. А как допрашивал Переверзев тех же племянников? Чуть не докопался до намерения Зографопуло составить новое завещание! Тогда конец был бы Афине и ее уже нельзя было бы спасти. Адвокату надо знать, где остановиться при допросе.

Эристов не мог не согласиться с отцом.

Бывает так, что какое-то незначительное обстоятельство оказывает решающее влияние на человека.

У Эристовых было какое-то торжество. Дверь их комнаты была открыта в прихожую, куда выходила дверь и моей комнаты. Двое из гостей вышли в прихожую, вероятно, чтобы покурить и мне через неплотно закрытую дверь был слышен их разговор. Если не ошибаюсь один из них был Савин (или Савич?) тоже второстепенный член Временного правительства, как и его собеседник, фамилии его не помню. И вот что я услышала:

– А какие у неё ножки!

– Та, черненькая тоже недурна, губки хороши и так далее.

Так они перебирали достоинства и недостатки внешности присутствовавших женщин.

У меня просто дух захватило. В стране идет гражданская война, решается судьба народа, столько противоречий, крови, столько трагизма, а тут два пошляка! И как могло случиться, что именно их революция вознесла на гребень своей волны! И как естественно и неотвратимо вымела их вон Октябрьская революция!

Все они, в том числе и Демьяновы, и Эристовы кончили свои дни в эмиграции. Последнее, что мы слышали об Эристовых – это то, что они в Париже, нуждаются, а кормит их та самая маленькая Ирочка, что родилась у нас в доме в 1918 году. Она оказалась очень способной и фотогеничной и ее часто снимали во французском кино, пока ей не пришло время итти в школу.

Среди других, приехавших с севера в годы революции в Сухуме оказались и известные режиссеры Н.Н. Евреинов и Наталия Бутковская. Они открыли в Сухуме театральную студию, куда записалось много молодежи. Она была в восторге от занятий. Эта маленькая молодежная студия ставила под руководством Евреинова спектакли, которые имели в городе большой успех.

Кроме того, Евреинов стал руководить местным любительским кружком. И тут-то я впервые поняла, что такое хороший режиссер. Наших убогих самодеятель-

ных артистов нельзя было узнать. Помню их спектакль по книге Козьмы Пруткова и какой-то водевиль. Впервые в Сухуме Евреинов ввел условные декорации – несколько штрихов по картону, фанере или полотну заменяли громоздкие старомодные натуралистические декорации. Это было для нашего города новшеством.

После утверждения Советской власти и окончания гражданской войны, Евреинов и Бутковская уехали в Петроград. Бутковская скоро оказалась в эмиграции, а Евреинов ещё раз приезжал в Сухум в 1923 году. Приехал он вместе с женой и с Василием Каменским. Меня тогда удивляло, что Евреинов дня не может прожить без театра, не может не дышать театральным воздухом. В городе гастролеровала очень слабая опереточная труппа. И Евреинов регулярно каждый вечер сидел в ложе и комментировал спектакли с режиссерской точки зрения. Как-то я сидела с ним в ложе шла оперетта Корневильские колокола. Там есть довольно фривольные куплеты героини: «Смотрите здесь, смотрите там – нравится ль все это вам...».

Евреинов из себя выходил: «Боже мой! да разве это так надо исполнять! Нет никакой пикантности, никакого изыска!» Казалось, он готов был бежать на сцену, чтобы переучивать актрису.

В то же лето я познакомилась с Василием Каменским. Это был очень интересный и остроумный собеседник. Он прекрасно читал свои стихи, что не так часто встречается среди поэтов. Когда я потом читала эти же стихи

напечатанными, то они очень проигрывали по сравнению с авторским исполнением. В то лето (в 1923 году) был его вечер в Городском театре и автор имел большой успех у публики.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

П приближалась осень 1919 года. Опять стояла проблема – как в условиях гражданской войны продолжать учиться. В это время, живя на Кавказе, мы узнали, что белые мобилизуют в войска студентов технических вузов. Муж, не желая идти в Белую армию, остался на Кавказе, а одна поехала в Ростов.

Город был переполнен военными, а также беженцами с Советского Севера. Найти квартиру было очень трудно и они были очень дороги. Моя землячка, Эмилия Безингер предложила мне поселиться вместе с ней. Эмилия была на пять лет моложе меня, она только весной окончила нашу Сухумскую гимназию, а за моими плечами уже была довольно большая жизнь – Женева, Берлин, Петроград...

Комнату нам нашли друзья Эмилии – студенты Яша Цецхладзе и Нико Бостанджогло. Последний был младшим из братьев – владельцев известной тогда табачной фирмы Бостанджогло. На юге России был широко известен промышленник Парамонов. У него были свои

угольные шахты, свое пароходство, а также мельница в пределах самого Ростова – Парамонов торговал не только углем но и хлебом. Мельница была расположена почти на границе с Нахичеванью, на самом берегу Дона. К ней были проложены железнодорожные пути. Несколько выше мельницы, на высоком берегу Дона стоял дом, построенный Парамоновым для наиболее высокопоставленных служащих мельницы. Дом был трехэтажный, благоустроенный с большими светлыми комнатами. Он был как бы частью мельничного хозяйства: с электричеством, водой, отоплением он снабжался от мельницы и не зависел от городского хозяйства. Это впоследствии оказалось очень важным, когда город сидел без отопления, без воды и света. Перед домом был садик, а во дворе кое-кто из жильцов даже построил курятник и разводил кур.

Служащим мельницы жилось хорошо – кроме жалованья и бесплатной квартиры со всеми коммунальными услугами, Парамонов оплачивал обучение детей в школах и даже гимназическую форму им шили за счет хозяина.

Яша и Нико уже второй год жили в этом доме на 1 этаже, а нам нашли комнату на 3-м. Окно нашей комнаты выходило в сторону Дона, за ним тянулись заливные луга вплоть до Батайска, который был виден на горизонте. Налево от мельницы находился небольшой остров, поросший деревьями и кустами. Хозяин наш был управляющим мельницей. Мы его почти не видели. В семье было четверо детей: старший сын студент, две дочери, тоже студентки....

ФКРК Кавфронта

У меня была подруга Рая Лепская, моя землячка по Сухуму. Ее сестра Женя вышла замуж за какого-то комиссара. Как-то пришла Рая и попросила меня спрятать у себя какие-то Женины документы, якобы ее квартирные соседи не внушают доверия. Не интересуясь этими документами, я сунула их в гардероб (они были в каком-то мешочке). Встретившись как-то с мужем Жени, я заметила, что он очень любезен и когда я стала жаловаться на работу, он предложил устроить меня в Управление Военных сообщений Кавказского фронта (УПВОСО Кавфронта). Я отправилась туда с его запиской и была принята делопроизводителем во Фронтovou контрольно-разгрузочную комиссию Кавказского фронта (ФКРК Кавфронта). Это была междуведомственная комиссия – военная и железнодорожная. Она руководила и контролировала разгрузку железнодорожных узлов от военных грузов и эшелонов (еще шла война с Грузией). Работа была неинтересная, но очень выгодная, т.к. мы (а нас было всего пять человек) получали как военный паёк, так и железнодорожный. Кроме того пользовались, не сдавая карточек, очень приличной по тем временам столовой Владикавказской ж.д. Сидели в чистом и теплом помещении. Начальником ФКРК был по совместительству Военный комиссар УПВОСО, а непосредственным начальником был инспектор, Кирилл Матвеевич Малявский, который поч-

ти не сидел в Управлении, а разъезжал по дорогам Северного Кавказа в отдельном вагоне, контролируя разгрузку.

Большой приманкой для меня была литературная студия, организованная при управлении. Прекрасный руководитель Михаил Павлович Самарин¹, мне остался памятным на всю жизнь. Тонко и ненавязчиво он вводил нас в мир искусства, тактично и вместе с тем взыскательно он оценивал наши литературные опыты. Много я училась и до этого и после, но думаю, что лучшего педагога я не видела. К сожалению, я ничего не знаю о его дальнейшей судьбе.

Со стихами Анны Ахматовой я впервые познакомилась в семье Беклемишевой Веры Евгеньевны. Но я читала их как-то бездумно, просто наслаждаясь. Самарин уже учил нас глубже вникать в поэтику Ахматовой, показывал своеобразие ее приемов. Особенно полный разбор стихотворения «Сероглазый король».

Прошло некоторое время и Женя Лепская пришла, чтобы взять у меня свои документы. Когда я передавала ей пакет, то почувствовала, что бумага хрустит и поняла, что это не документы, а деньги. Вслед за этим Женя со своим комиссаром исчезли. Оказывается, они как-то перебрались через фронт и оказались в Сухуме у Жениных родственников. Мне стало ясно что этот «комиссар» не то получил большую взятку, не то наворовал денег и по-

¹ Самарин Михаил Павлович (1888–1948), литературовед, профессор Харьковского университета.

этому бежал из Советской России. Когда Красная армия подошла к Сухуму, он вместе с Женей бежал за границу, обобрав Жениных родственников. Кончила эта пара свои дни в Аргентине.

Вот так получилось, что я попала в военную организацию по рекомендации изменника родины. Но, к счастью никто никогда не интересовался тем, как я попала в ФКРК, да «комиссаром» тоже кажется не интересовались, по крайней мере, я ничего об этом не слышала.

В марте 1921 года Красная армия освободила последние города Кавказа. Грузинская меньшевистская республика перестала существовать. Гражданская война закончилась.

С 1919 года я не имела никаких сведений о судьбе близких мне людей, оставшихся на Кавказе: между Ростовом и Черноморским побережьем пролегал фронт. Даже после окончания войны связь восстанавливалась не сразу. Я стала просить нашего инспектора Маляевского, разъезжавшего в отдельном вагоне по всем направлениям Северного Кавказа, довести меня до Туапсе, чтобы я могла оттуда пробраться в Сухум. Он не только согласился, но разрешил мне взять с собой и тетку – Ксению Александровну Секретеву.

На железной дороге движение ещё только восстанавливалось. Дорога была перегружена, на путях еще оставались и военные грузы, пассажирское движение налаживалось с трудом. Поезда ходили нерегулярно. Их осаждали толпы людей. Мы же ехали в исключительных

условиях. У Кирилла Матвеевича был отдельный вагон 1 класса. Одно купе занимал он сам, другое – проводник, третье – мы с теткой. Еще был салон с мягкими диванами и со столом посередине. Входили в вагон через одну дверь, вторая была заперта и там на площадке у нас была кухня. Готовили на примусе. Продукты мы взяли с собой, но оказалось, что кубанские рынки, несмотря на недавние бои, ещё очень богаты. В Армавире мы не удержались и купили по полтора пуда муки, решив к Пасхе осчастливить сухумцев. Эта мука в высшей степени осложнила нам дальнейшую дорогу. «Много, много непокоя принесла она с собою».

После закопченного буржуйками, заплеванного семейной шелухой Ростова Кавказ был ослепительно прекрасен. Необыкновенно красивой показалась нам дорога от Белореченской до Туапсе. Был апрель, вдоль дороги цвели дикие яблони и груши, журчали ручьи. В Туапсе нас встретило жаркое солнце и синее море. Кириллу Матвеевичу здесь очень понравилось, но везти нас дальше он не мог из-за каких-то технических несоответствий его вагона и железнодорожной колеи Черноморской ж.д. Мы устремились в порт в надежде застать там какое-нибудь судно, уходящее в сторону Абхазии. И действительно, какой-то пароходик стоял у мола, готовясь к отплытию. Наши вещи были ещё на вокзале в вагоне. Отправкой парохода распоряжался Особый отдел. Мы с непостижимым нахальством отправились туда с просьбой задер-

жать пароход. Совершенно непонятно почему, нас приняли в высшей степени любезно, усадили в мягкие кресла и начальник дал приказ задержать пароход на полчаса. Мы бросились на вокзал и о ужас!.. Вагон заперт, ни проводника, ни Кирилла Матвеевича. Уныло сели мы на край безлюдного перрона, спустив ноги прямо в траву. Примерно через час явился Кирилл Матвеевич и мы горестно поведали ему нашу неудачу. Он сказал:

– Не огорчайтесь, я уже пристроил вас в вагон своего знакомого, он довезет вас до Сочи. У него тоже отдельный вагон, только не классный, а оборудованная теплушка.

Конечно, теплушка – это не салон-вагон, но всё же в 5 часов утра мы были уже в Сочи. Дальше тогда железной дороги не было. Вся надежда была на морской транспорт или на помощь автомобильного отряда. К начальнику этого отряда у нас было письмо от мужа Ксении – Михаила Яковлевича. Письмо содержало просьбу доставить нас до Сухума или до Гудаут.

В начале шестого часа утра мы уже явились в автоотряд к удивлению сонного дежурного. Неудача нас преследовала: командир был в отъезде в Туапсе, инженер – в Сухуме, начальником оставался военком, который придет на работу к 9 часам утра.

Пошли на берег и вдруг увидели, что стоит какое-то судно. Нам сказали, что оно идет в Сухум. А наши мешки с мукой остались на хранении на вокзале. Я отправилась за ними. Но никто не хотел нести их на берег. После дол-

гих поисков я нашла какого-то праздного красноармейца, который согласился за некую мзду отнести нашу муку. Когда мы с ним достигли берега, то увидели удаляющийся пароход, а на берегу длинную костлявую фигуру Ксении, которая, потрясая руками в гневе, поносила меня на чем свет стоит за опоздание. В конце концов ее гнев остыл, мы горестно сели на мешки с мукой, размышляя, что делать дальше. Неподалеку от нас расположились двое мужчин в такой же ситуации. Вдруг мы увидели, что пароход остановился на рейде. Один из мужчин подошел к нам и предложил догнать пароход: лодка есть, она лежит на песке, надо только найти каких-нибудь мальчишек, которые поедут с нами и пригонят лодку назад. Скоро мальчишки были найдены. Мужчины живо вскочили в лодку, а мы никак не могли сесть из-за муки. Волна подгонит лодку к берегу, пока мы поднимаем тяжелые мешки она уже отхлынет вместе с лодкой. Так мы мучились, пока подошел какой-то моряк и спросил, куда это мы собрались. Мы объяснили, что хотим догнать пароход. Моряк запретил это. Мы стали спорить, но он был неумолим. Так как я больше всех спорила, потрясая своим отпускным удостоверением, то моряк в конце концов повел меня в Особый отдел. Я вспомнила радушный приём в Туапсе и смело отправилась с задержавшим меня моряком. В Особом отделе за столом сидел молодой человек в матросской форме. К своему удивлению я увидела у него на столе среди бумаг «Критику чистого разума» Канта. Моряк строго

спросил меня в чем дело. Мой спутник объяснил ему. Дежурной Особого отдела пренебрежительно отшвырнул мое удостоверение об отпуске и категорически запретил догонять пароход. Так как я настаивала, он сурово сказал: «Гражданка уходите, не то я вас сейчас посажу в подвал!». После чего я скромно удалилась.

Позже мы узнали, что пароход этот никуда не шел, а на нем вывезли арестованных в Сочи белогвардейцев. О дальнейшей их судьбе я не знаю. Опять встала проблема что делать с мукой.

На пляже был киоск. После голодного Ростова он поразил нас своими яствами, вроде какао, мы ведь даже запах его забыли. Мы стали усердными потребителями этого напитка, поэтому хозяин, грек Юра, согласился взять нашу муку на хранение. А мы снова отправились в автоотряд. На этот раз нас уже встретил военком и подтвердил, что пока машин на Сухум нет. Но он предложил, чтобы мы у него остановились. Это предложение было кстати, так как гостиниц тогда там никаких не было. Военком вместе с начальником и инженером занимали одну большую комнату на даче Верещагина (брата известного художника). По имени Верещагина тогда называлась вся та часть города – «Верещагинская сторона». Встретила нас вдова хозяина, седая, стройная изысканная женщина. Вся ее дача была заселена всяким военным людом. Там мы прожили 3 дня – не было ни машин, ни парохода в нужном нам направлении.

Наконец, на 3-й день появилась оказия на Сухум. Машина была в распоряжении какого-то начальника снабжения Черноморского флота, не то из Туапсе, не то из Новороссийского порта. Вместе с помощником он ехал закупать продовольствие к 1 мая.

Моросил дождь. В кузове на скамейке сидели моряки. Мы уселись на свои мешки с мукой.

В России тогда существовал «сухой закон». А в Абхазии вино лилось рекой. Военные, моряки, шоферы все рвались в благодатную республику. Едва мы миновали Гагры – это тогда был пограничный город – как шофер Вася лихо подкатил грузовик к духану. Моряки сошли, мы же стали закусывать, не сходя с машины – еды у нас было достаточно. Немного погодя, вышел один из моряков и стал приглашать и нас в духан. Мы отказывались, он настаивал. Наконец мы согласились. На очаге, на огромной сковороде шипела яичница. В стаканы уже была налита розовая жидкость. Мы думали, что это вино, но, отхлебнув, задохнулись: это было арака – алычевая водка, очень крепкая. Пить ее мы не смогли, а мужчина, в том числе и шофер, хлебнули на совесть. Из духана мы все вышли уже друзьями. Моряки теперь не позволили нам сидеть на мешках и мы, все четверо, уместились на скамье. И – пошло! У каждого духана – остановка. Мы волновались. Мужчины пьяные, а нам хотелось и теоретически было возможно, ночевать уже в Гудаутах. А тут, как на зло, еще встретился грузовик из Сухума. На нем, кроме много-

численных пассажиров, ехал и инженер из Сочинского автоотряда. Обе машины остановились. «Наша машина пьёт за вашу машину!» / В кавказских духанах и ресторанах было принято: «Наш стол пьет за ваш стол!»/. Все, в том числе и водители, были совершенно пьяны. Уже в сумерках нас остановила автоинспекция. Инспектор стал что-то втолковывать шоферу, тот ничего не понимал. Моряки были не в лучшем состоянии. Тогда инспектор обратился к нам и просил передать шоферу, когда тот протрезвится, чтобы он на возвратном пути захватил какой-то мотоцикл. При этом инспектор спросил: «Где вы будете ночевать!». «В Гудаутах», «Да вы сошли с ума! разве можно с таким пьяным шофером ехать над пропастью вдоль реки Белой! Останавливайтесь ночевать в ближайшем же доме!». Так мы и сделали. Однако молодой моряк начал кричать: «Я вам дал слово, что вы будете ночевать в Гудаутах, я – мичман русского императорского флота и я это слово сдержу!». Мы стали умолять «мичмана», чтобы он забыл о данном нам слове, но он заявил: «если моряк дает слово, он должен его сдержать, а если не сдержит, то ему остается только застрелиться!». Откуда-то появилось ружье, мы, две женщины, еле-еле разоружили мичмана, который рыдал от «позора». Окружавшие нас абхазцы с недоумением наблюдали эту сцену, ничего не понимая, кроме того, что все пьяны. И нас, конечно, тоже причислили к пьяным. Наконец мы вошли в дом. Посередине горел огонь в очаге. Мы сели возле него, чтобы согреться

– была середина апреля. Шофер Вася так разомлел от тепла, что свалился прямо в костер. Его вытащили. Моряки увели его на двор. Мы же с Ксенией остались в хате и улеглись спать на какую-то тахту или скамью около стены. Усталые, мы сразу уснули. Но скоро я проснулась от того, что слышала голос старшего моряка, который звал «Вася, Вася!». Сквозь щели в стенах сочился свет. Я решила, что уже наступило утро. В этот момент проснулась и Ксения испуганно меня спросила: «Ты трогала меня за шею?». «Нет». «Кто-то шарил руками по моей шее». На шее у Ксении был золотой медальон на цепочке, возможно кто-то из абхазцев решил, что мы тоже пьяны, крепко спим и хотел сорвать медальон.

– Я ни минуты здесь больше не останусь – сказала Ксения. Я возразила:

– А куда мы пойдем? На дворе злые собаки и холод.

– Все равно, идем! Мы поднялись, схватили свои вещи и злосчастные мешки с мукой и вышли во двор. Оказалось, что был всего час ночи, а свет был от полной луны. Мы промучились всю ночь в какой-то заброшенной хатенке, жались на скамье, положив головы на мешки с мукой.

Утром выяснилось, что абхазцы не теряли времени зря: с машины украли все, что можно было унести, в том числе мешки моряков, захваченные ими для покупки продуктов, даже фуражку шофера. Мы с Ксенией не пострадали, потому что своё имущество таскали за собой.

Под мелким нудным дождем мы продолжали путь, благополучно миновали спуск к реке Белой, Гудауты и наконец прибыли в Сухум.

К счастью, в моей семье все было благополучно, все мне были очень рады. Отпуск пролетел очень быстро. Надо было возвращаться в Ростов. Мы решили ехать морем. Сели на какое-то небольшое суденышко. Оно было переполнено. Даже сесть было негде. Мы приткнулись к стенке где-то возле каюты капитана. Подходил вечер. Капитан подошел к нам и сказал: «Мне всю ночь стоять на вахте, идите в мою каюту и ложитесь спать на мою койку».

Койка была узкая и Ксения все время ворчала, что я занимаю слишком много места и к тому же верчусь и мешаю ей спать. А мне действительно не спалось: я все время чувствовала, как наше суденышко царапает килем дно. «Мы вот-вот сядем на мель», «Не выдумывай глупостей и не мешай мне спать»!

Но вот послышались взволнованные голоса и беготня на палубе. Мы выбираемся из каюты. Суденышко действительно село на мель. Капитан мобилизует всех мужчин, чтобы снять судно с мели. Это делается так: мужчины садятся в лодку, завозят в глубь моря якорь и там бросают его, чтобы он зацепился за дно. Потом пароход подтягивается к нему. Это тяжелая и длительная процедура и заканчивается она только утром. Случилось это под Гудаутами.

Когда мы подошли к Пицунде, стало известно, что на корабле лишь небольшая часть команды. Все остальные матросы еще на прошлом рейсе так перепились, что их не смогли найти и они остались в Пицунде. Теперь предстояло их забрать. Команда села в шлюпки и с видимым удовольствием поехала искать своих товарищей. В результате и эта часть команды пропала. Из моряков на судне остался один капитан. А мы стоим на рейде уже несколько часов. Жарко. Море – как стекло. В нем отражаются Пицундские могучие сосны. Капитан нервничает и наконец начинает умолять пассажиров мужчин ехать за командой на берег. Среди пассажиров несколько военных. Они садятся в лодку и едут. Не знаю, всех ли матросов они собрали, но те, кого они привезли, похожи были на трупы – так мертвецки они были пьяны. На руках их подняли на палубу. И мы поплыли дальше.

Конечный пункт нашего пути – Туапсе. А граница между РСФСР и Абхазией проходила в Гаграх. Здесь нас ждала проверка Особым отделом Армии. Едва корабль остановился, подъехала лодка с двумя военными. Один из них был уже немолодой, худой черноволосый человек. Как видно, он уже не был трезв, т.к. увидев нас с Ксенией, подошел и почему-то заговорил с нами по-французски. И этот, значит тоже был из числа тех офицеров, которые перешли на службу в Красную армию и вряд ли идейно. Оба представителя особого отдела тут же отправились в каюту капитана «проверять документы». Скоро оттуда

послышались звуки гитары, спустя полчаса обоих вывели под руки и с трудом спустили в шлюпку, которая их ждала у борта. Вот такова была «проверка» Особого отдела!

Наконец добрались мы до Ростова. Оказалось, что тут произошло много изменений. Гражданская война кончилась. Кавказ освобождён. Поэтому наша Фронтовая контрольно-разгрузочная комиссия приказала долго жить... Литературную студию закрыли, потому что руководители культработы сочли, что Самарин вел занятия на слишком высоком уровне и рядовым студийцам они были недоступны.

...После демобилизации я уехала на лето в Сухум, собираясь с осени перебраться в Москву.

В то лето в Сухум прибыл какой-то коммерсант из Турции. На зафрактованном пароходе он привез мануфактуру, продал ее Абхазскому правительству (это был разгар НЭПа), а сам купил табак. У него вышли какие-то трения с Профсоюзом портовых рабочих, грузчики требовали повышения платы, и отказывались грузить табак. В силу этого пароход простоял лишнее время и коммерсант потерпел большие убытки, оплачивая простой. Вернувшись в Константинополь, коммерсант предъявил иск Абхазскому правительству. Это было очень неприятно, т.к. подтверждало тезис консерваторов о том, что с Советским союзом нельзя вести деловых отношений. Для урегулирования конфликта Совнарком Абхазии напра-

вил моего отца в Константинополь, где он это поручение успешно выполнил.

ИНСТИТУТ ИМЕНИ БРЮСОВА

Осенью 1923 года я приехала в Москву. Со всех концов страны сюда съезжались люди, до того разъединенные гражданской войной и разрухой. Здесь был эпицентр революции, здесь писались первые страницы новой истории, здесь были концы и начала. Людям казалось, что здесь они лучше поймут происходящее здесь причастятся к новой жизни. А молодежь, естественно, устремилась в Вузы, тогда это слово образовалось впервые.

На Московских улицах встречались люди, давно потерявшие друг друга из виду, тут подстерегали самые неожиданные встречи, пересекались судьбы людей.

Кого только я не нашла в Москве! И гимназических подруг, и петроградских друзей, и всевозможных родственников. Тут уже были и Секретевы, и Кравинский, и Толокновы. Была тут и подруга детства – Таня Марецкая. У нее я и остановилась. Она жила в большом доме на Петровских линиях, где вместе с матерью Александрой Захаровой занимала одну большую комнату в коммунальной квартире. К тому времени Таня уже была женой академика Ивана Гавриловича Александрова¹, автора проекта

¹ Александров Иван Гаврилович (1875–1936) – российский и советский учёный в области энергетики и гидротехники,

Днепростроя. В составлении этого проекта Таня ему помогала, собирая сведения о разливах Днепра за полвека. Александров уже разошелся со своей прежней женой, но продолжал жить с ней на одной квартире и они с Таней не знали, как разрешить жилищную проблему, тем более что работа и борьба за осуществление проекта отнимали все время и внимание. Ведь у проекта на первых порах было много противников.

1923 год – разгар НЭПа. Конечно, это новое направление советской политики было ощутимо и на окраинах. В Новочеркасске увеличилось количество частных перевозок у нас в отряде, открывались новые магазины и рестораны и в Новочеркасске и в Ростове. В Сухуме возобновились торговые операции, совершаемые разными дельцами – по большей части все теми же, что и в царское время. В основном это была торговля табаком. Но только в Москве резко бросились в глаза уродливые формы НЭПа: вызывающе нарядные женщины, драгоценные камни, лихачи под сетками, дорогие рестораны – и все это на фоне в общем-то убогого быта и нужды. Была безработица и зачастую труженики еле-еле сводили концы с концами. Тогда впервые проводилась девальвация, по-

участник разработки плана электрификации страны (ГОЭЛРО), автор проекта Днепрогэса. С 1921 член президиума Госплана. Предложил строительство Байкало-Амурской магистрали (БАМ). Академик АН СССР.

степенно миллионы заменялись «червонцами» и это тоже осложняло хозяйственную жизнь жителей.

В Москве я впервые в жизни столкнулась с жилищной проблемой. Город уже тогда был перенаселен. А я в нем плохо ориентировалась. Даже не знала, что такое «жил-товарищество», не знала, как получить желанную «жил-площадь» (и слова-то впервые услышала!). Ведь в Новочеркасске было изобилие – даже не комнат, целых домов! А в Сухуме жила у отца, в том самом доме, где выросла и где продолжала жить семья.

И вместе с тем медлить было нельзя, на хлопоты не оставалось времени, надо было поступать в Вуз, чтобы не опоздать к началу учебного года.

В те времена девушки непроститского происхождения повязывали голову красной косынкой, надевали старенькое платье, тапочки на босу ногу и шли держать экзамен в Вуз. Я же приехала с юга, где мы не знали никакой мимикрии, где люди всегда стремились хорошо одеваться. И я вырядилась во все лучшее, что у меня было: синий, хорошо сшитый костюм, белую шапочку и новые туфли. И в таком виде предстала перед приемной комиссией. Ей было достаточно одного взгляда, чтобы определить: «такие, как вы, нам не нужны!» Я совершенно растерялась, впервые в жизни столкнувшись с таким наивным и поверхностным «классовым подходом». – Ведь я происходила из революционной семьи, начала работать с первых дней прихода Советской вла-

сти на Дон, три года прослужила в Красной армии – и никогда не считала себя неполноценной в социальном отношении.

В том году впервые была расчищена свалка на берегу Москвы реки и на том месте была открыта сельскохозяйственная выставка. Здесь были представлены все республики. Каждая показывала в своем павильоне, что она производит, какими природными ресурсами она богата. Был на выставке и абхазский павильон. Он выходил на один из прудов Нескучного сада. В нем демонстрировали табак, изделия из самшита и бамбука, заготовки из цитрусовых, в частности давно теперь забытое варенье из цитронов, орехи, фрукты – вот в основном все, чем тогда могла похвалиться Абхазия.

Надо сказать, что в Москву я ехала с поездом, в котором отправлялась на эту выставку очередная группа абхазцев. В большинстве это были жители самых далеких и глухих горных селений. За пределами родных гор все было им новым и чужим. Они никогда не видели железной дороги и автомобилей. В поезде их возмущало, что разносят чай, которого они не пили, им не хватало мамы и вина. В столице они были растеряны и испуганы движением и суетой.

В Москве тогда учился один из организаторов Советской власти в Абхазии – Ефрем Эшба¹. Он всячески опе-

¹ Эшба Ефрем Алексеевич (1893–1939), видный политический и государственный деятель, активный участник револю-

кал своих земляков, старался показать им, что возможно. В частности закупил билеты на всю группу в Большой театр на «Бахчисарайский фонтан». Его очень интересовала реакция его подопечных на представление. Я тоже была в театре и сидела рядом с Эшбой. В антрактах он переговаривался с земляками, а потом с юмором рассказывал, что они шокированы слишком легким нарядом балерин и поэтому спектакль им не нравится. А сам Эшба сказал: «не правда ли, эти балерины похожи на пушкинские стихи – такие же легкие и изящные!»

Местом встреч Сухумской колонии был абхазский павильон на выставке. Директором павильона был мой хороший приятель Николай Сергеевич Заклинский и я себя там чувствовала как дома. Сюда я и пришла, удрученная приемом, какой мне оказали в МГУ. Мой рассказ слышал и Нарком просвещения Абхазии Чанба¹. Он, знавший

ционных событий в России и Абхазии в 1918–1921 годах. Возглавлял Ревком Абхазии, первый председатель ЦИКа Абхазии, в 1922 секретарь ЦК КП(б) Грузинской ССР, в дальнейшем в Москве и в торговых представительствах СССР в США и Великобритании. Репрессирован.

¹ Чанба Самсон Яковлевич (1886–1938) – государственный деятель Абхазии, выдающийся деятель культуры, писатель, публицист. Депутат Абхазского Народного Совета, отстаивал идею независимости страны, подвергал резкой критике деятельность меньшевистского правительства Грузии в Абхазии. В советское время нарком просвещения, председатель ЦИК республики, председатель Союза писателей Абхазии (1934–1937). Репрессирован.

мою семью, моего отца, как участника революции 1905 года, возмутился. «Какое безобразие! Завтра я сам пойду с вами в приемную комиссию!»

На следующий день мы вступили в здание на Моховой: впереди Чанба в щегольской черкесске и я, сзади два его телохранителя в черных черкесах с красными башлыками, картинно приколотыми к плечам, в сапогах–чулках. При виде этого живописного зрелища приемная комиссия растерялась и мне сказали: «Ну, хорошо, приходите держать экзамены!»

В тот же день у моей тетки Ксении Секретевой я познакомилась с каким-то ее приятелем, который сказал: – «И зачем вы стремитесь в МГУ с его рутинной и казенщиной! Гораздо интересней новый институт, организованный Брюсовым. Туда принимают только творческих людей, там действительно очень интересно заниматься. А преподаватели все равно те же самые, что и в МГУ».

На другой день я отправилась в Высший Литературно-Художественный Институт, находившийся в доме № 52 по Поварской улице...

Зимой 1937 года неожиданно среди ночи раздался телефонный звонок. Наш зав. редакцией Аркадий Моисеевич Литвак /он же был редактором другого журнала того же издательства «Индустрия социализма»/ спрашивал меня, как разыскать ретушера С.Г. Палкуса, с которым я была связана.

– А что случилось?

– Умер Серго.

Были торжественные похороны. Гроб стоял в Доме Союзов, в том же зале где когда-то стоял гроб с телом Ленина. Обстоятельства смерти Серго мы тогда конечно не знали. Было сказано: «сердечный приступ». Я шла за гробом и плакала. Это было не официальное, а мое личное горе – ведь я знала Орджоникидзе еще молодым, в тюрьме, где он сидел в одной камере с моим отцом. Да и в Москве я два-три раза была у него по поручениям отца. И в те трагические дни я давала себе отчет в том, что мой отец потерял не только друга, но и защитника.

Работала я очень напряженно, не зная ни границ рабочего времени, ни выходных дней. К весне 1937 года я так устала и изнервничалась, что как-то, стуча кулаком по столу, накричала на Асю Сергеевну, а потом убежала в коридор и расплакалась. Ко мне подошла Папернова и сказала:

– Вы переутомились. Езжайте в отпуск.

Мне достали путевку и я уехала в Кисловодск. Я была в состоянии такого возбуждения, что готова была выбежать из поезда на каждой станции и давать в редакцию телеграмму, чтобы чего-то не забыли. Усилием я себя сдерживала: «Ну, предположим, я умерла, ведь найдут же, что делать!».

1937 год

В Кисловодске я отдохнула, подлечилась и успокоилась. Там я встретила родственника моего мужа Михаила Фаддеевича Рафальского, режиссера белорусского еврейского театра, члена ЦИК Белорусской ССР. Мы часто встречались и много разговаривали. До нас доходили слухи о совершенно непонятных арестах, о каких-то активках, на которых выявляют «врагов народа». Что происходит? Почему арестовывают людей, известных всей стране своей преданностью идеям коммунизма, в том числе участников двух революций и гражданской войны, первых строителей коммунизма? И, хотя все это происходило где-то за пределами беспечной курортной жизни – все же это волновало и беспокоило. И что-то толкнуло меня еще до истечения срока путевки уехать в Сухум. Мне захотелось видеть отца. Было ли это предчувствие?

Но и в Сухуме происходило что-то непонятное. И там шли гонения на старых деятелей коммунистической партии Абхазии.

Когда я вернулась в Москву, то оказалось, что арестован муж Аси Сергеевны Поповой – Сергей Сырцов¹. Она была в ужасном состоянии, ничего не ела. То одна, то дру-

¹ Сырцов Сергей Иванович (1893–1937) – советский партийный и государственный деятель, председатель Совнаркома РСФСР (1929–1930), член ВЦИК и ЦИК СССР. В 1937 арестован НКВД.

гая из нас заходила к ней в кабинет и приносила ей из буфета какую-нибудь еду, которая оставалась нетронутой.

Ее арестовали в июне. Говорили, что близким ей человеком был Отто Юльевич Шмидт¹ и что он хлопотал за нее, но безуспешно. Много времени спустя я узнала, что наша сотрудница, Нина Игоревна Лурьи написала Сталину письмо, в котором доказывала невиновность Аси Сергеевны. После этого Папернову, как секретаря парторганизации вызвали в райком и сообщив о письме Нины Игоревны, расспрашивали о ней. Если бы Папернова хоть слово плохое сказала бы о Нине Игоревне, то еще неизвестно чем бы все кончилось. Но Папернова была честным принципиальным человеком, большевиком старой закалки (в партию она вступила, если не ошибаюсь в 1918 году). Старым членом партии был и муж ее – Михаил Прокофьевич Евдокимов, секретарь партийной организации одного из институтов АН СССР. Оба они были участниками гражданской войны.

Еще до ареста Аси Сергеевны начали исчезать некоторые сотрудники газеты «За индустриализацию», в том числе и главный редактор. Были арестованы и руководящие работники издательства Коминтерна – директор Крепс, его заместитель Менис, зав. романской секцией Кениг, зав. производственным отделом Баренс,

¹ Шмидт Отто Юльевич (1891–1956) – советский математик, географ, исследователь Севера и Памира, академик, Герой Советского Союза.

руководитель группой сочувствующих (в которую входила и я). Сейфи – друг поэта Лахути¹. Что же, все они были врагами? Когда-то, на собраниях этого издательства я думала: вот среди нас есть, вероятно и враг, но кто именно?..

ОДНО ГОРЕ ЗА ДРУГИМ

Стоял июль. Жара. Я по-прежнему с утра до ночи на работе. Как-то домработница Фима передала мне, что звонила какая-то женщина и просила, чтоб я позвонила ей по оставленному Фиме телефону. Я как-то невнимательно отнеслась к этому и не позвонила. Через день звонок повторился. Я позвонила. Женский голос сказал: «Я только что приехала из Сухума». «Там все благополучно?» – «Нет. Приезжайте ко мне» – и дала мне адрес. Мне уже все стало ясно – еще до того, как эта незнакомая женщина сообщила мне, что 23 июля арестован мой отец. Солнце померкло. Я шла и с тоской думала, что нет в живых Орджоникидзе, нет в живых Васильева-Южина – я тогда еще считала, что будь они живы, они могли помочь. Не было никого, кто мог бы спасти отца. В Сухуме одного за другим арестовывали старых коммунистов, организаторов Советской власти на Кавказе. При загадочных

¹ Лахути (1887–1957) – эмигрант, персидский и таджикский поэт, политический деятель.

обстоятельствах погиб в Тбилиси Нестор Лакоба¹ – бес-
сменный руководитель Абхазского правительства. Тело
его с почетом привезли в Сухум, похоронили не на клад-
бище, а в Ботаническом саду, а спустя некоторое время
объявили «врагом народа», выкопали прах и сожгли, раз-
вевая пепел по ветру.

Само собой разумеется я ни секунды не верила, что
отец может быть в чем-то виноват перед Советской вла-
стью. Я знала его биографию, его взгляды, его отноше-
ние к коммунизму, его участие в составлении Абхазской
конституции, земельного кодекса. Вообще не могла ве-
рить, что вокруг столько врагов – а люди пропадали
один за другим.

Таким образом, иллюзий у меня не было. Надо было
что-то решать. И первым долгом подумать о муже – он
был кандидатом партии.

Прежде всего мне пришлось скрыть арест отца на
своей работе. Сухум далеко (может быть все еще обои-
дется?) Дома мы с мужем вспомнили, что когда-то, по-
ссорившись, развелись. Где-то была и бумажка из ЗАГСа
об этом. Нашли ее. Заодно пересмотрели весь свой архив.
Со слезами мы уничтожали письма, которые писали друг
другу в молодости, фотографии, постороннюю переписку.

¹ Лакоба Нестор Аполлонович (1893–1936) – видный го-
сударственный и политический деятель, глава правительства
Абхазии (1922–1936), член ЦИК СССР. Скончался в Тбилиси
после обеда в доме Лаврентия Берия.

ску. После этого мы расселились в разные комнаты (у нас
была двухкомнатная кооперативная квартира). Ни во что
не посвящая Фиму, объявили ей что мы разошлись. Из
знакомых об аресте отца знали очень немногие, самые
близкие люди. В редакции я мельком кому-то сказала,
что у нас с мужем разлад. А надо было ходить на работу
как ни в чем не бывало, скрывать своего горе. Только раз
Папернова спросила меня: «Что с вами? Почему вы так
плохо выглядите?» Пришлось сослаться на нездоровье.

В декабре 1937 года я узнала, что отец приговорен к 10
годам концлагеря. Ему было 64 года. Не было надежды,
что мы его еще когда-нибудь увидим в живых. Скоро его
отправили в концлагерь на Урал. Мачехе, вместе с неко-
торыми другими женами, удалось узнать день отправки и
даже сесть в тот же поезд. Она надеялась еще как-то уви-
деть отца. Однако это не сбылось, хотя она ехала с этим
поездом до Баку. Вслед за тем мы получили известие, что
в поезде отец упал и сломал руку. Его выделили из эшело-
на и оставили в тюремной больнице в Свердловске. Нина
Васильевна немедленно выехала туда. Ей удалось до-
биться свидания. Надо ли говорить, каким тяжелым оно
было! Когда она сказала отцу: «Ну хоть улыбнись мне!»,
он ответил:

– Я видел столько страданий и подлости, что вероятно
уже никогда не смогу улыбаться.

Пробыл отец в Свердловске приблизительно месяц,
потом его отправили дальше – в концлагерь Ивдель, на

севере Урала. Мачеха вернулась и осталась у меня, т.к. боялась что в Сухуме ее тоже арестуют или вышлют, как некоторых других жен.

28 марта 1938 года в 6 часов утра нас разбудил звонок во входную дверь. Мы не успели встать, как муж уже сам открыл дверь. «Арест!» одновременно подумали мы. Нина Васильевна не была у меня прописана, я велела ей немедленно одеться, уйти из квартиры и не возвращаться, пока все не будет кончено. У мужа в комнате шел обыск. Через неплотно прикрытую дверь я видела его бледное лицо, молодого военного и нашего дворника – очевидно понятого. Я знала, что у мужа нет денег и сунула в карман его пальто 200 руб. Я не уловила момента, когда мужа увели. Военный остался, вошел ко мне в комнату и спросил, в каких отношениях я с мужем. Я ответила, что мы разведены, но справки из ЗАГС-а от волнения не могла найти. Однако военный видимо поверил мне, потому что обыска делать не стал. Он приступил к опечатыванию комнаты мужа. Но это ему никак не удавалось. Тогда он сказал дворнику: «Ну попробуйте вы, может быть у вас получится». Я не удержалась и сказала: «Как это у него может получиться, опечатывать двери – это не его специальность!» Я вложила в эту фразу все свое презрение, но подумала, что до военного это не дойдет. Однако – дошло! Очень тихо он сказал мне: «И не моя тоже!» Повидимому, это был какой-нибудь слушатель академии или военного училища. Тогда было

так много арестов, что работников НКВД не хватало и к этому делу привлекали учащих военных учебных заведений.

И вот я одна. Вернулась Нина Васильевна. Мы ни словом не могли обменяться. Я знала, что на работу идти бесполезно: меня уволят, как до меня уже уволили двух наших сотрудниц из числа жен общественниц, когда у них арестовали мужей.

Раздался телефонный звонок: наш секретарь, Ирина Петровна Шарапова, спросила: «Что с тобой? Почему ты не вышла на работу?» Я ответила: «Только что арестовали мужа. Пойди сообщи Берте Марковне.» Ирина ахнула. Я повесила трубку. Минут через двадцать телефон опять позвонил: «Берта Марковна сказала, чтобы ты немедленно ехала в редакцию, никому ничего не говорила и работала, как обычно.» Я сейчас же выехала. Ирина рассказала мне, что когда она сказала Паперновой о случившемся, та вскочила из-за стола и в сильном волнении стала ходить по комнате. Потом сказала: «Пусть меня снимают из секретарей, но я не допущу чтобы ее уволили. Позвоните ей, чтобы приезжала и работала, как обычно.» Позже я узнала, что на партсобраниях Папернову не раз за меня попрекали, но ее поддерживала зав. отделом кадров, которая именно с этого времени стала мне всячески показывать свое расположение.

Конечно, они обе не могли бы решить мою судьбу. Папернову несомненно поддержали, как Швейцер, так

и Ежова. Надо сказать, что меня очень ценили, как работника, я везла на себе очень тяжелый воз и найти мне замену было не так-то легко. Думаю, что это сыграло решающую роль. Не знаю, как проходили все эти переговоры, но меня оставили на работе, только имя мое сняли из выпускных данных и пригласили художника Николая Степановича Трошина в консультанты, чтобы его имя можно было поставить в журнале. Макет каждого номера я должна была показывать этому милейшему человеку. Никто в редакции не задавал мне никаких вопросов и я до сих пор не знаю, кому было известно мое положение, а кому нет.

Спустя некоторое время, когда я зашла в кабинет Паперновой, она сказала мне: «Знаете, что: лучше всего будет, если вы официально откажетесь от мужа. Я ответила: «Я этого не сделаю. Он ни в чем не виноват, а мое отречение может ему повредить»

На следующий день Папернова снова вызвала меня. «Дома я рассказала мужу о нашем разговоре. Он сказал: «Рафальская много порядочнее чем многие из наших партийцев. Как ты могла ей предлагать отречься от мужа?» Но я ведь предложила это вам, думая о вашем благе. Теперь давайте забудем об этом разговоре.»

Именно в то тяжелое для меня время начались мои дружеские отношения с Паперновой. Я бывала у нее дома, и на даче в «Отдыхе». Эти отношения сохранялись почти до самой ее смерти в 70-х годах.

Надо сказать, что и друзья мои отнеслись ко мне очень чутко и я, за редкими исключениями, не видела предательств.

СМЕРТЬ ОТЦА

По прибытии в лагерь отец написал заявление на имя Сталина и прислал его маме. Он писал, что его обвиняют в «связи с Лакобой». Много лет отец работал юрисконсультом Совнаркома Абхазии, председателем которого был Нестор Лакоба, один из организаторов Советской власти в Абхазии. В последние годы отец ушел из Совнаркома и стал юрисконсультом Союза табаководов («Абтабак»), которым руководил брат Лакоба. В обвинительном заключении не указано, какой из братьев имеется в виду. Как бы то ни было, отношения как с тем, так и с другим, были у отца строго служебные. Кроме того в деле имелось еще какое-то клеветническое показание, совершенно нелепое, будто бы отец созвал гостей и собирал среди них деньги на какие-то нелегальные цели. Сумма была смехотворная – пятьдесят с чем-то рублей /я тогда зарабатывала около тысячи рублей в месяц/. Такую сумму отец мог бы легко выложить из своего кармана, ему незачем было бы «собирать гостей».

Это заявление мы переслали по назначению. К сожалению я не догадалась снять с него копию.

В конце апреля 1938 года кто-то неизвестный дал нам телеграмму из Ивделя, что отец болен. Нина Васильевна немедленно туда выехала. У отца был лагерный грипп, осложнившийся воспалением легких. Он лежал в лагерьной больнице. Нина Васильевна стала хлопотать о пропуске к отцу. Ей отказали. 1 мая 1938 года отец скончался. Жена его была рядом – и ее не пустили к умирающему! Женщина-врач – из числа заключенных – сказала ей, что отец был в бреду, говорил, что в ответ на его заявление Сталину пришел приказ об его освобождении и будто бы отец умер, не приходя в сознание. Было ли это правдой или «святой ложью?» Кто знает?

...После смерти отца встал вопрос о доме в Сухуме, нашей родной надежной пристани, доме, любимом с детства. Обжитом, просторном, красивом, гостеприимном. Сколько воспоминаний было с ним связано!

Дом был довольно большим, двухэтажным, приметным в маленьком городе. Пока отец был видным и влиятельным деятелем в Абхазии, дом не трогали, тем более, что почти весь нижний этаж отец сдал в Горсовет в счет 10-процентной нормы. Но сможет ли удержать дом Нина Васильевна – теперь – после ареста незаслуженно опорожденного отца, после его смерти в концлагере?

К тому же дом был старым, уже требовал ремонта, затраты денег, труда, знаний. Мы с мужем не могли пере-

селиться в Сухум – хотя бы по одному тому, что там не было для нас подходящей работы.

После долгих и мучительных раздумий и консультаций решено было дом продать. Его выкупил Абхазский погранотряд для своих сотрудников. А во время войны в нем помещалась комендатура. Сюда я как-то вынуждена была прийти за ночным пропуском для начальства (во время войны мы были в эвакуации в Сухуме). Пропуска выдавали в моей комнате – в той самой, где я росла, читала, готовила уроки, писала стихи, секретничала с подружками. В столовой рядами стояли солдатские койки. Дверь из столовой в кухню была замурована. Других комнат я не видела. Мне хотелось как можно быстрее бежать из этого дома.

Нина Васильевна купила в Сухуме маленький домик в Остроумовском ущелье. А я присмотрела дачу под Москвой, в Кратове.

ЭВАКУАЦИЯ

Домой я пришла в смятении. До этого мы, как и все вокруг, обсуждали три варианта: 1. Остаться в Москве, 2. Переждать бомбежки где-нибудь на даче, 3. Ехать в эвакуацию: в неизвестное место или в родные места.

В первую же бомбежку Москвы у нас в доме вылетели все стекла в окнах и сгорел сарай во дворе. А ведь война

только начинается, и это только еще первая бомбежка! Чего же ждать в дальнейшем? Надо на что-то решиться. Но, если допустить, что немцы могут взять Москву, то никакая дача нас не спасет. Значит, реально встал вопрос об эвакуации. Ехать в неизвестное, на холодный Урал, без уверенности, что найдешь крышу над головой, и работу – это оказалось невозможным. Значит, надо ехать в Сухум – там готовая квартира, полное хозяйство, теплый климат, много знакомых, там живет брат. Кто-то из друзей сказал: «А если на Кавказ придут немцы?».. Мы посмотрели на этого человека, как на паникера...

Немцы на Кавказе! Мы все еще мерили события аршином первой Мировой войны.

Уезжали мы поздно вечером. На Курском вокзале, в тот момент, когда должна была начаться посадка, объявили воздушную тревогу и началась бомбежка. Мы сидели в тоннеле под вокзалом. После отбоя нам велели срочно садиться в поезд. Тьма кромешная. Смутно темнеет громада поезда, но не видно даже, где вход в вагон. Сзади напирает толпа. Я шагнула наугад куда-то вперед и оказалась под вагоном. А поезд вот-вот тронется. Муж с трудом меня вытащил. Места в вагоне были все заняты заранее военными. Мы всю ночь сидели на вещах на площадке. Поезд набирал ход, когда над Москвой уже опять скрепились мечи прожекторов и занимались зарева пожаров.

Нас очень удивило, что в Ростове окна тоже заклеены полосками бумаги. Значит и тут ждут бомбежек?

В Сухуме мы застали довольно беспечное настроение и не очень тщательную светомаскировку. Население рыло щели для укрытия, но они тут же заполнялись подпочвенной водой. Вычерпать ее было невозможно. И люди скоро бросили это тяжелое и бесплодное занятие. Сухими были только те щели, которые находились на склонах гор.

В городе, в том числе и у нас в Остроумовском ущелье, были установлены ночные дежурства. Никто не объяснял нам, зачем они нужны, и как мы должны себя вести. Отвечала за дежурства наша соседка, Татьяна Борисовна, она составила график дежурств. Дежурили по два человека. Все хотели иметь своим напарником одного из соседей. Он был страшно болтлив бесконечно говорил, что помогало бороться со сном. Он рассказывал, как готовить борщ из барабульки, как складывать печь, как выращивать бататы (эта культура тогда только что появилась в Абхазии). А я все смотрела в небо, на звезды, которых мы в Москве никогда не видим – некогда смотреть, да и городское зарево их убивает. А здесь звезды сплетались над нами чудными узорами и им не было никакого дела до нашей планеты, где люди без конца уничтожают друг друга.

В первые месяц – два продовольственное положение в Сухуме было хорошим. Вывоз в связи с войной прекратился, и базар был полон продуктами местного происхождения. Цены были парадоксальными: килограмм самых лучших груш (дюшес) стоил 2 руб. – и столько же

стоил кг. картофеля или моркови. Корнеплоды вообще в Абхазии, с ее тяжелой глинистой почвой растут плохо. Основной продукт питания там – кукуруза. И надо сказать, что она меньше приедается и надоедает, чем, скажем, тот же картофель. Недаром абхазцы едят кукурузу изю дня в день, из сезона в сезон, из года в год.

Но уже к осени война взяла свое. Цены на рынке поднялись, базар обеднел и стал малодоступен.

А устроиться на работу оказалось не так-то просто. Муж мой был специалист по точной механике. А в Сухуме тогда вообще не было почти никакой подходящей промышленности. Ему пришлось поступить просто в часовую мастерскую.

Для меня существовали дополнительные трудности. В Москве я могла скрывать участь своего отца. А в Сухуме все его еще помнили, он играл большую роль в революции 1905 года, при Советской власти был юрисконсультком Совнаркома, принимал участие в составлении Конституции [1925] и Земельного кодекса Абхазии. Да и меня многие в Сухуме еще помнили.

Когда я уезжала из Москвы, профессор И.М. Нусинов сказал: «Держитесь там в тени!»

Сунулась я первым делом в издательство. Бумажные фонды были урезаны. Литература издавалась в основном на абхазском языке. В местной газете было только место корректора – маленькая зарплата, работа по ночам, а жила я далеко и в глухом месте.

АБПРОМСОЮЗ

В конце концов я поступила секретарем президиума в Абпромсоюз (Абхазский союз промысловой кооперации). Объединение артелей – сапожников, швейников, трикотажников и др. Уж глубже «тени» было не найти!

Канцелярская работа. Мало того: скоро выяснилось, что на мне лежат еще обязанности завхоза. Меня уговорили: «подумаешь, хозяйство! Столы да стулья». Но оказалось, что надо заботиться о дровах на зиму, что в моем ведении еще какой-то склад с разнообразным имуществом, в том числе реквизитом бывшей самодеятельности. Скоро склад обокрали. Вор проник через крышу. Пожарник Кулашвили, милиционер и я должны были составлять акт. Я никак не могла понять, почему и пожарник и милиционер стараются всячески преувеличить размеры хищения. Позже мне растолковали что к чему. Вероятно, в глазах пожарника и милиционера я выглядела идиоткой.

На мою зарплату можно было в месяц купить килограмм мяса. Зато иногда сотрудникам разрешалось что-то покупать в артелях. И это было очень важно: за все время эвакуации наша семья не знала нужды в мыле. Жили же мы в основном на то, что продавали и меняли вещи.

Каждое утро под бодрые марши радио извещало нас о новых городах, которые все занимали немцы. Победа под Москвой почти не воспринималась, как победа,

когда еще такая огромная территория страны была занята врагом. К нашему ужасу скоро и Ростов пал, и под Керчью шли бои.

В середине зимы 1942 г. к нам назначили нового председателя. Его фамилия была Ригвава. До этого он занимал пост председателя Горсовета. Официально было объявлено, что его сняли за «плохую постановку ПВО». Но информированные люди говорили, что Ригвава не поладил с 1 секретарем Абхазского Обкома. Ригвава был для АПС [Абпромсоюз] личностью необычной. Человек с высшим образованием, культурный, воспитанный, с изысканным чувством юмора. Я впервые легко вздохнула. И он как-то сказал: «Я тут человек новый и вы тоже. Мы с вами тут две белых вороны.»

Но Ригвава пробыл у нас очень недолго – вероятно недели две или три. По положению полагалась броня. Почему-то оформление ее все тянулось. И вдруг ему объявили, что за неимением брони, ему надлежит в 24 часа выехать на фронт. Он был растерян. На прощание он сказал провожавшим его: «Позаботьтесь о моей семье.» Очень скоро Ригвава погиб в боях под Керчью. Так власть имущий расправился с неугодным ему человеком.

На смену Ригваве пришел Начкебия. Внешность духанщика: полный, румяный, над губой короткие усики, выпуклые нагловатые глаза... У него была «сильная рука» – он дружил с братом Предсовнаркома и был женихом его сестры.

Кабинет Начкебия был всегда набит женщинами. Но тут не было никаких амурных дел – это все были жены ответственных работников, которые хотели заказать себе модельную обувь в нашей артели.

Занят Начкебия был в основном тем, что хлопотал о восстановлении где-то купленной легковой полуразрушенной машины. Все, конечно, за счет АПС.

СУХУМ СТАЛ ПРИФРОНТОВЫМ ГОРОДОМ

Была суббота 15 августа 1942 г. На другой день с раннего утра мы, сотрудники, собирались ехать на служебной грузовой машине в Очамчирский район для обмена вещей на продукты. Совершенно внезапно, среди дня, над головой раздался резкий звук винта самолета, и тут же в окно мы увидели, как взвился фонтан дыма и праха. Бомба! До этого мы видели такое зрелище только на иллюстрациях. И еще, и еще! Где-то по направлению к маяку.

Все вскочили и бросились к лестнице (мы помещались на 2 этаже). Я знала, как опасно поддаваться панике и выдерживала характер – прятала штамп и печать в несгораемый шкаф (вернувшись попозже, я обнаружила, что шкаф так и не заперла!) Потом, вслед за всеми, спустилась вниз. Бомбоубежищ в городе не было. Мы остановились на 1 этаже в лестничной клетке. Справа и

слева у нас были капитальные стены магазинов. Взрывы отгребали, но воздушная тревога, объявленная с опозданием, не была отменена. Стоял удушливый запах дыма и гари.

– Поездка на завтра отменяется? – спросил меня кто-то из сотрудников. Обычно я была организатором таких поездок – пользуясь своей «близостью» к начальству я выпрашивала машину.

– Почему же? – ответила я – Конечно поедем! Наверное мой оптимизм был вызван продовольственными затруднениями дома. Но на другой день о поездке и думать было нечего. То и дело следовали друг за другом воздушные тревоги и бомбежки.

Немцы к тому времени уже перешли через Кавказский хребет. Вот тут-то мы и вспомнили опасения нашего московского друга, которые нам казались фантастичными.

Когда мы приехали в Сухум, моя мачеха сказала: «Ну, в случае чего, уйдём на Псху, туда, за семь перевалов, ни один немец не доберется!» И вот именно на Псху раньше всего и пришли немцы, спустившись с Кавказского хребта. Укрывшись в горах, они начали планомерно бомбить прибрежные города. С каких-то аэродромов, расположенных не то в горах, не то за ними, поднимались вверх самолеты, потом с выключенными моторами беззвучно спускались к побережью. ПВО не могла их своевременно обнаружить, и воздушные тревоги и стрельба по врагу опаздывали. Самолеты сбрасывали бомбы на безоруж-

ный Сухум и уходили в сторону моря, где их не могли достать противозенитные снаряды.

Много позже, в 70-е годы, я прочла книгу маршала Гречко, который участвовал в Великой Отечественной войне, руководя обороной Кавказа. Книга называлась «Битва за Кавказ» и предназначалась для военных. Но я прочла ее с большим интересом, пропуская места, понятные только специалистам. Эта книга осветила, объяснила и дополнила мои личные воспоминания. Гречко констатирует: Кавказ был плохо подготовлен для войны. В ее преддверии не были созданы опорные пункты в горах, тактика войны в горных условиях не была разработана, солдаты не были обучены действиям в этих условиях, не умели ходить на лыжах, да и лыж-то не хватало, как и другого горного снаряжения. Я помню, осенью 1942 года у нас в Абпромсоюзе впервые появились военные и сделали срочный заказ на снегоступы – нечто вроде широких и коротких лыж на решетчатом основании. А у немцев действовали отборные части, альпийские стрелки, специально обученные и снаряженные для ведения войны в горных условиях.

Гречко приводит поразительные цифры, характеризующие нашу неподготовленность и недовооруженность по сравнению с гитлеровцами. Самолетов и орудий у них было во много раз больше, чем у нас, а что касается танков, то у нас их не было ни одного на всем нашем побережье.

Вероятно в Сухуме стояло много войск, но они не бросались в глаза. Размещались они по окраинам или за городом. Например, наше старое кладбище у моря, где была похоронена моя мать, все засаженное кипарисами, тогда было накрыто маскировочной сеткой, и там располагилась какая-то воинская часть. В порту постоянно бывали военные корабли, и в городе встречалось много моряков.

В тот день, 15 августа 1942 г. мы еще думали, что это эпизодическая бомбежка, мы еще не понимали, что идет планомерное наступление на Кавказ. Ведь военные сводки, передаваемые по радио, были не всегда вразумительными. А тревоги и бомбежки, раз начавшись, не прекращались. Город был совершенно беззащитен. Зенитные орудия, стоявшие на окружающих горах, главным образом на Чернявской, опаздывали открывать огонь по беззвучно спускавшимся самолетам. Бомбоубежищ не было. Щели, как я уже писала, были заполнены водой. И жителям не оставалось ничего другого, как бежать из города. В день первой бомбежки к вечеру город был почти пуст, а окрестности, в том числе и наше Остроумовское ущелье, заполнены напуганными растерявшимися людьми. Ограда обезьянника была снесена, и парк занят беженцами, сидевшими на захваченных из дому вещах, лежащими на тюфяках или одеялах, а то и просто на земле. В тихом обезьяннике стоял тревожный говор, порой плачь, а над импровизированным лагерем с дерева на дерево прыгали встревоженные обезьяны.

Толпа и в следующие дни не убывала. Учреждения прекратили работу. В промежутках между бомбежками люди бегали в город, чтобы что-то захватить или спрятать, потому что там уже хозяйничали грабители. В Москве в первые дни войны грабежей не было – воры вместе со всеми сидели в бомбоубежищах. Но в Сухум, среди других беженцев из Одессы, Крыма, Северного Кавказа, прибыли и уголовные элементы. Они уже многое испытали и приспособились.

Людей, бежавших из города, надо было кормить. Недалеко от нашего дома стоял одинокий ларек. Сюда завезли хлеб и стали выдавать его по карточкам. Жители ближайших сельских мест, в основном из греческого селения Михайловки, устроили тут же, под деревьями парка, базар. Пользуясь благоприятной конъюнктурой, торговали по взвинченным до предела ценам.

Как-то я стояла в длинной очереди за хлебом, которая извиваясь как змея, ползла по дороге. Мимо проходил какой-то парень. Моя соседка его окликнула:

– Ты куда?

– В Сухум.

– Так ведь воздушная тревога!..

– Как раз во время тревоги надо ходить. Бомбят-то после отбоя.

Я подумала: а ведь и в самом деле это так. Наверно, у немцев есть осведомители в городе. И решила тоже пойти в город, узнать, что делается в Абпромсоюзе.

На улице, около нашего учреждения, стояли Начкебия, его заместитель Гадлия и начальник отдела снабжения Б.

– Зачем вы пришли? – спросил Начкебия.

– Хотела узнать, что у нас тут делается.

– Ну, раз пришли, передайте мне штамп и печать.

Я поднялась наверх, взяла из несгораемого шкафа штамп и печать и отдала их Начкебия. После этого он и Б. ушли, а я и Гадлия остались.

– Наверное тревога скоро кончится – сказала я – Давайте переждем в лестничной клетке.

Больше прятаться было негде. Рядом был маленький скверик, где стоял монумент Сталину. Вокруг были молодые насаждения – главным образом олеандры. Под ними довольно много людей пережидали тревогу. Я подумала: «Нашли где прятаться! Как будто деревья могут защитить.»

– Нет – сказал Гадлия – пойдемте лучше в парк, к собору.

– Ну, раз тут нечего делать, я лучше пойду домой, там куча дел.

Минут через пять я была у входа в Остроумовское ущелье, там где железнодорожная колея уходит в тоннель под Чернявской горой. Вдруг раздался гул самолетов. Небо было покрыто облаками, но среди них были синие разводы. Из одного из таких разводов выплыли над городом два фашистских самолета – даже кресты на них были видны. От самолетов отделились по три черных

точки – бомбы. Раньше я думала, что они падают отвесно, но оказалось, что по инерции они продолжают лететь вперед рядом с самолетом, постепенно от него отклоняясь вниз. Совершенно невольно я присела под дерево. Солдаты, охранявшие вход в тоннель, засмеялись:

– Гражданочка, это не помогает!

А ведь только что недоумевала, что люди прячутся под олеандрами!

Одна из виденных мною бомб разорвалась как раз напротив того места, где я предлагала Гадлии переждать тревогу! Если б он принял мое предложение, от нас ничего бы не осталось. Стекло в дверях превратилось в пыль, железная часть двери была смята перекручена, а окно на втором этаже вылетело вместе с рамой во двор.

Среди людей, прятавшихся в сквере под олеандрами, оказалось 13 человек убитых. В том числе одна женщина с маленькой дочкой. Она в свое время эвакуировалась из Москвы в Сибирь. Там она очень страдала от холода. Переехала в Среднюю Азию. Там страдала от жары и жажды – плохо было с питьевой водой. После долгих хлопот пересекла Каспий из Красноводска в Баку и только накануне приехала к родственникам в Сухум. И вот, проделав столько пути, погибла под первой же бомбой.

Дни шли. Нормальная жизнь восстанавливалась. Город стоял почти пустой. Учреждения не работали. Где-то в горах шли бои, но, как видно, силы были неравными, наши войска отступали, немцы спустились еще ниже и

были уже в 60 км от Сухума. Срочно был сформирован отряд ополченцев. Их, неопытных и необученных, послали навстречу фашистам. Среди них было много погибших, в том числе и несколько сотрудников системы Абпромсоюза.

Но нельзя было, чтобы город лежал как в параличе. Решили вынести учреждения за пределы города. Абпромсоюз обосновался в каком-то двухэтажном доме на Венецианском шоссе. Во дворе этого дома находился известный в Сухуме источник минеральной воды. Было до невозможности тесно, сидели по несколько человек за одним столом. Одну из комнат захватил себе Начкебия, куда он переселился со всем имуществом. По вечерам, когда кончался рабочий день, он садился в нижнем белье на балконе и играл на гитаре, украшенной голубым бантом.

Но и здесь, как только объявили тревогу, нам хотелось куда-то бежать. В качестве убежища мы избрали почему-то противлежащий фруктовый сад и прятались под навесом, крытым дранкой, а он даже от осколков не мог защитить. В доме мы были бы в большей безопасности.

Однажды около Абпромсоюза остановились несколько легковых автомобилей. Вышли какие-то незнакомые люди в штатском и направились к минеральному источнику. Оказалось, что это Берия и его свита. Берия стал пить воду и сказал:

– Ах, хороша вода! И даже они (жест в нашу сторону) не смогли ее испортить!

Эта галантная фраза привела в восторг его спутников, они захохотали, потом все расселись по машинам и уехали.

Дело в том, что Берия был местным уроженцем из селения Мерхеулы. Когда-то двор нашего дома соприкасался с двором богатого сухумского купца Еркомайшвили. Он был владельцем большого мануфактурного магазина. Дочь его, Лена, гимназистка, как и я, часто лежала в саду под яблоней, и мы то и дело слышали: «Лаврентий, принеси одеяло!», «Лаврентий, принеси воды!», «Сходи за хлебом». Иногда парень, несколько постарше меня, перелезал через забор и через наш двор проходил на улицу. Мы, играя, на него и внимания не обращали.

И вот теперь, именно в эвакуации, я узнала, что это и был Берия. В семье Еркомайшвили он был на положении не то родственника, не то слуги. После того, как он возвысился, он очень покровительствовал семье Еркомайшвили.

Из своего Остроумовского ущелья я ходила на работу на Венецианское шоссе не через город, а по тропинке позади горы Чернявского. Это было далеко и как-то раз я решила поискать более короткий путь, через подножие Чернявской горы. Я поднялась напрямик в гору и вышла на один из отрогов горы, к даче Георгобиани. В этот момент объявили воздушную тревогу, стали палить зенитные пушки. Вместе с жильцами дачи Георгобиани я спустилась в их бомбоубежище, прикрытое бревенчатым настилом. Между землей и бревнами оставалась щель. Через нее был виден, как на ладони, весь город и порт.

Там стоял один большой транспорт и несколько мелких суденышек. Внезапно над морем появился немецкий самолет. Суденышки заметались по заливу, одно даже выбросилось на берег где-то возле Синопа, а большой транспорт был лишен возможности маневрировать. И вдруг мы увидели, как он словно бы переломился, в воздух взвился столб облаков и дыма. В течение нескольких минут транспорта не стало. Это было прямое попадание. А на транспорте были раненые и эвакуированные с севера женщины, старики и дети. Самолет, невредимый, умчался в морскую даль.

С детства я слышала разговоры взрослых о войне. Это было еще во время Русско-японской войны. Я с ранних лет знала, что война – зло. Но знать – это одно, а чувствовать – другое. И вот настоящее отвращение и ужас войны я почувствовала в ранние гимназические годы, когда прочла рассказ Гаршина «Четыре дня». Рассказ этот потрясал своей конкретностью.

Потом была Первая мировая война, более страшная, чем та, о которой писал Гаршин. Но я лично не видела военных действий. И вот теперь у меня на глазах на воздух взлетел целый транспорт, а на нем сотни беспомощных людей! И, хоть и тонка была нить, от «Четырех дней» до фашистского самолета, но она протянулась.

А в АПС меня ждала новость: всех нас посылали рыть окопы между Венецианским шоссе и Остроумовским ущельем. Руководили нами военные. Мы рыли, а

над нами с легким стрекотаньем пролетали маленькие самолеты У-2. Они перевозили раненых с Клухорского перевала, где шли бои. Самолеты летели так низко, что мы различали не только летчиков, но и раненых, даже их белые повязки, если была перевязана голова.

В те дни как-то мне случилось быть на берегу. Вдруг до моего слуха донеслось, какое-то далекое непривычное жужжание. Я подняла глаза и увидела высоко в небе кружащиеся друг за другом самолеты – они были так далеко, что напоминали комариков. Это походило на карусель, постепенно отдалявшуюся и наконец исчезнувшую, словно растворившуюся в небе. Мы, глядевшие с земли, поняли, что это был воздушный бой.

«ПРАВЛУК ПУШКИНА»

В числе наших сотрудников был некий Ефим Натанович Канцельмахер. Это был чрезвычайно хозяйственный и запасливый человек. Еще в мирное время предвидя войну, он покупал множество промтоваров для обмена их на продукты. Мы все ездили с какой-нибудь сумкой или рюкзаком, а Канцельмахер вез с собой целый чемодан, который мы называли «универмагом». Из-за того, что у Канцельмахера бывало много вещей и порой среди них были ценные, у него часто случались неприятности с властями. Хотя обмен не был запрещен, но все мы чего-

то боялись, а к Канцельмахеру часто придирались те, кто льстился на его хорошие вещи.

Однажды в воскресенье, когда мы работали на Венецианском шоссе, Канцельмахер поехал что-то менять или продавать в Зугдиды. В понедельник он на работу не вышел. Мы не могли понять, в чем дело. Во вторник он явился и рассказал, что его в очередной раз задержала милиция, обвинив в спекуляции. Выяснили личность и потом отпустили. Но поражены мы были не этим, а словами:

– А в милиции я застал мальчика – правнука Пушкина!

Правнук Пушкина – в Зугдиде, да еще в милиции! Было отчего придти в изумление. Мальчик жил в Ленинграде, отец и мать его были врачами, их мобилизовали в армию. Мальчик остался с бабушкой и дедушкой, те умерли во время блокады, а мальчик пристал к какой-то воинской части и с ней прошёл всю страну. В Поти его часть должна была грузиться на суда, чтобы ехать сражаться в Крым. Командир не захотел брать с собой ребенка 12 лет и велел сдать его в милицию для отправки в детский дом. Тут-то его и увидел Канцельмахер, был очарован его аристократической внешностью, знанием французского языка и решил взять его к себе. Не сомневаюсь, что была у Канцельмахера и своекорыстная идея: у него была жена, больная эпилепсией и он всегда беспокоился, потому что она оставалась дома одна, и у нее случались приступы. Ему хотелось иметь в доме своего

человека, вероятно, он рассчитывал на какую-то помощь по дому. Правнук Пушкина, ухаживающий за женой Канцельмахера! Вот сенсация!

Через день Сережа предстал перед нашими глазами. Это был хорошенький мальчик, с очень нежным, каким-то девичьим, румянцем, тонкими чертами лица, с кари-ми, уверенно глядящими глазами. На нем были короткие детские штанишки, голубая майка, а поверх нее свисал мужской галстук, который доходил ему почти до колен. Посмотреть на правнука Пушкина сбежался чуть ли не весь коллектив. Но мальчик не смущался, держал себя спокойно и с достоинством. Я спросила его, по какой линии он приходится правнуком Пушкина? И тут выяснилось, что он не имеет отношения к Пушкину, что его фамилия Бобрищев – Пушкин! И, хотя это тоже была фамилия аристократическая, но интерес к Сереже сразу упал, и все разошлись по местам.

Союз Канцельмахера и Сережи оказался ни светлым, ни прочным. Мальчик совсем не был приспособлен к семейной жизни. Он весь был поглощен мыслями о войне, мечтал вернуться в армию, а пока что без конца играл в войну, рыл окопы. Канцельмахер хватался за голову – мальчик рос, его надо было хорошо кормить, а при всей запасливости и изворотливости Канцельмахера, это было трудно. Помощи по дому, конечно, никакой не было – наоборот – прибавилось стирки – после военных игр Сережи, одежду приходилось менять. В конце концов Кан-

цельмахер решил определить Сережу в ФЗО. Мальчик об этом и слышать не хотел. «Я хочу быть сыном полка!»

Я уже уволилась с работы, собираясь в Москву, когда встретила Сережу в городе. На нем была военная форма, сшитая по его размеру, на голове – буденновка. Он рассказал мне, что пошел к коменданту города, и тот определил его в какую-то воинскую часть, с которой он скоро уедет, чтобы воевать в Крыму.

Теперь мне приходится сделать бросок вперед, в 1946 или 47 год. Я уже работаю в Москве, заведуя Отделом печати и радио в Институте санитарного просвещения. Мы готовим материалы по охране здоровья – в том числе и для сельского населения. Но мы плохо знаем, как воспринимаются наши радиопередачи на селе, достаточно ли они популярны и актуальны. Заведующий радиоузлом в Клину предлагает нам организовать радиоконференцию в одном из колхозов, Клинского района. Я отправилась туда вместе с сотрудницей, которая вела радиоработу. Из Клина вместе с зав. радиоузлом мы поехали по какому-то шоссе на грузовике, потом зашли и по тропинке направились к колхозному центру. Наш спутник объяснил нам, что все должен организовать новый избач, молодой фронтовик, недавно демобилизованный.

– Да вот и он сам идет нас встречать!

Навстречу шел молоденький стройный военный. Едва он поравнялся с нами и представился «Бобрищев – Пушкин», как я вскрикнула:

– Сережа! Неужели это вы?

– Откуда вы меня знаете?

– Да ведь вы жили в Сухуме у Канцельмахера.

– Правильно!

– Нашли вы своих родных?

– Нет. Никого не нашел. Как видно, родители погибли.

Разговаривать было некогда, нас уже ждали колхозники, вернее сказать колхозницы. А после конференции мы сразу уехали. Но на следующее утро, едва мы вышли из гостиницы, ко мне подошел Сережа, который давно ждал меня в сквере. Он стал показывать мне фронтовые фотографии и альбом, куда были вклеены вырезки из газет и журналов. В них описывались военные доблести Сережи, и фотография, на которой Калинин вручает ему орден. О «15 летнем герое» писали в «Пионерской Правде», в «Пионере», в «Костре».

– А как же вы попали в Клин?

– Товарищ затащил. Но я здесь не останусь. Я получаю всего 300 рублей, на это прожить невозможно. Мой фронтовой друг – член ЦК комсомола в Казахстане, он зовет меня к себе и обещает хорошо устроить.

С тем мы и расстались. Но несколько лет тому назад в «Литературной газете» была опубликована статья Дворкина, в которой упоминался Сергей Бобрищев-Пушкин – потомок декабриста Бобрищева-Пушкина, участник Отечественной войны. Я написала Дворкину, просила сообщить мне адрес или хотя бы какие-нибудь сведения о

Сереже. Но письмо осталось не отправленным, т.к я сломала ногу и попала в больницу. А через полгода письмо устарело. И я его не послала.

ТРУДЫ И ДНИ ЭВАКУАЦИИ

Снова возвращаюсь назад, в эвакуацию. Мы готовились к худшему. Немцы были в 60 км. от Сухума, спустившись еще ниже Псху. Но время шло, приближалась зима. Бомбежки стали реже. Мы тогда многого не понимали. А дело было в Сталинградской битве. Она требовала от немцев все больше людей, средств, вооружения. Сталинград оттягивал опасность, нависшую над нашим краем. Но шли упорные бои под Новороссийском, о героической обороне которого у нас много говорили – сведения доходили не только по радио, но и от людей.

Понемногу учреждения стали возвращаться в город. Вернулся и Абпромсоюз в старое свое помещение.

Однажды в субботу Начкебия сказал мне:

– Оставьте мне протоколы, я завтра буду работать.

Меня это намерение очень удивило – проще было бы работать в будни.

В понедельник на мой стол лег плод этого труда (не знаю, зачем были нужны протоколы заседаний Президиума?). Это было невероятно грубое письмо, адресованное начальнику Госплана. Я просто обомлела от его со-

всем не парламентских выражений и засела за переделку. Но дело было не только в стиле, но и в самой сущности. Дело в том, что вражда с Госпланом началась после того, как Начкебия восстановил за счет Абпромсоюза легковую машину и начал на ней разъезжать. Неизвестно, что двигало начальником Госплана то ли жажда законности, то ли зависть.

Перебрав несколько вариантов и смягчив, насколько возможно, тон письма я дала его перепечатать и отнесла Начкебия.

– Это вы переделали?

– Я.

– Зачем? Пусть будет, как было.

– Но, поймите, нельзя так. Это письмо одного руководителя учреждения другому, от которого мы к тому же зависим.

– Плевать я на него хотел!

– Но ведь Госплан отпускает нам фондовые материалы...

Началась торговля за каждое слово. Наконец Начкебия сказал:

– Знаете, у нас есть такая поговорка: «Хозяин хотел, да пастух не велел.» Я замолчала. Все же письмо было отправлено, хотя и несколько смягченное моей правкой, но тем не менее в достаточной степени грубое.

Ответ не замедлил себя ждать. Госплан прислал комиссию для проверки того, как расходуются отпускаемые нам фондовые материалы. Ревизия обнаружила ужасаю-

щие злоупотребления. Тем временем меня стали вызывать в милицию, выспрашивая сведения о поведении и настроениях сотрудников. Что я могла сказать? Я – человек приезжий, ни с кем близко не общаюсь, я ни у кого дома не бываю, и у меня никто не бывает. Оказалось, что я не в курсе тех родственных отношений, которые соединяли сотрудников президиума с работниками артелей. Милиция была лучше осведомлена, чем я.

Поздней осенью 1942 г. я лежала дома, больная гриппом, когда неожиданно примчался один из сотрудников Абпромсоюза Стериони, который, как и другие, никогда у меня не бывал. Но на этот раз его распирала жажда поделиться сенсацией. Начкебия, его зам. Гадлия и начальник снабжения Б. арестованы! Мне все стало понятно: и результаты ревизии и вызовы меня в милицию.

На этот раз председателем президиума Абпромсоюза был назначен Александр Кватаевич Берия. Это был молодой, бесцветный человек, ничего не понимавший в делах – но зато это был дядя всемогущего Берия и член Верховного Совета Абхазии!

Однажды бухгалтер одной из артелей сказал мне:

– Удивляюсь вам! Продаете вещи, а могли бы жить припеваючи.

– Каким образом?

– Ну, вы же близко к начальству, имеете возможность влиять на него ...

– Вы ошибаетесь, никакого влияния я не имею.

– Тогда надо делать вид, что имеете. И председатели артелей ничего для вас не пожалеют.

В тот же день пришла заведующая нашей библиотекой и сказала:

– Я ухожу с работы.

– Как! Вы бросаете библиотеку?

– На мне лежит домашнее хозяйство, а библиотека отнимает все время и силы, не могу со всем управиться.

И тут меня осенило!

– Послушайте, не уходите, а возьмите меня к себе помощницей. Мы будем работать по три дня в неделю. Если вы согласны, то я берусь все устроить.

И я устроила. Думаю, что я была не такой уж желанной фигурой в АПС. На мое место взяли какого-то парня, который когда-то уже работал в Абпромсоюзе и которого выгнали за пьянство. А я перешла в библиотеку.

Наконец-то я была среди книг! И сейчас же взялась за «Войну и мир». Времени для чтения хватало, т.к. посетителей было мало. Время было трудное, людям было некогда читать или они не испытывали потребности в книгах. Иногда за весь день приходило 2–3 человека. Самые частые и самые ненасытные читатели были вахтеры (наша библиотека обслуживала кроме Абпромсоюза, еще и Завод ферментации табака /Фермзавод/. Как трудно было им подобрать книгу! Они уже успели перечитать всю нашу довольно богатую библиотеку.

Теперь у меня было больше времени для поездок в горы.

Обмен вещей, продажа вещей!.. Кто не прошел через это в годы войны! Занятие непривычное, неприятное, физически тяжелое. У меня никогда не было коммерческих наклонностей, и все же из всей нашей семьи я оказалась наиболее пригодной для этого вида деятельности, возможно из-за моей способности легко устанавливать контакт с людьми.

Надо было рано вставать, ехать то ли поездом, то ли на случайной попутной машине по шоссе в сторону Очамчир. Сойдя с машины, с рюкзаком за плечами идти в горы по абхазским селениям. Чаще всего это были Тамыш, Отап, Гвады. В Гвадах я бывала чаще всего. Там меня уже знали и, когда я появлялась на дороге, навстречу мне бежали мальчишки и старухи с криками «Женя пришла!» А старики степенно здоровались со мной. И всем очень нравилось, что я отвечаю им по абхазски. Я выучила несколько самых необходимых слов: «Здравствуй», «прощай», «спасибо», «дай» и счету до десяти.

Абхазцы – народ очень приветливый, гостеприимный, легко увлекающийся. Если им что-то из вещей нравилось, они не скупились. Я не скажу, чтобы меня не обманывали. Бывало и это, постоянно обвешивали (безмена у меня не было). Но был и такой случай. Я ночевала в каком-то доме. Утром ушла, оставив, как всегда, какую-то мелочь за ночлег. А спустившись вниз, обнаружила, что из рюкзака пропала блузка. Я сказал об этом окружающим. Они

что-то стали говорить между собой по абхазски. Потом два старика пошли в тот дом, где я ночевала и принесли мне блузку. Старики сказали: «Тот дом плохой. Ты туда не ходи!»

Самое трудное было – нести тяжелый мешок с кукурузой. Не всегда можно было найти какого-нибудь парня, который за плату донес бы его до машины.

В годы войны информация даже в Сухуме, была очень скудной. Газеты шли через Среднюю Азию, и практически мы их не видели, кроме местной. Жили вестями по радио. А в горах и того не было. О том, что делается на свете, знали понаслышке. Мы, горожане, там тоже были источниками информации. И нам порой горцы изливали свою душу. Основной мотив – отрицательное отношение к колхозам. Колхозные поля стояли чахлые, заросшие сорняками, а на приусадебных участках кукуруза красовалась высокая, ухоженная. Мы часто слышали – «Мы будем отдавать государству половину урожая, только бы отменили колхозы!»

Но вот бомбежки стихли, немцы начали отступать. В те дни не редкость было слышать: – «Что это значит, почему они отступают?» И озабоченные лица.

А ведь рядом были прекрасные эстонские хозяйства (колхозы или совхозы?) Здесь земля была тщательно возделана, удобрена, был великолепный парк машин, которые так и блестели чистотой. Вокруг хорошеньких домов были фруктовые сады, много цветов.

Скитаясь по пустынным дорогам Абхазии, я думала: если доживу до конца войны, то это будет единственное, что вспомнится без боли и горечи.

Вокруг горы, то кудрявые и зеленые, то золотистые, как шкура какого-то зверя, а зимой, как серебро с чернью. В просветах ущелий порой вспыхнет море. И постоянно реки – то тихо шепчущие, то болтливые, то хохочущие, то беснующиеся – все разные.

Абхазские селения не похожи на русские деревни, где дома жмутся друг к другу. Абхазские хаты с их немудреной и однообразной архитектурой, с балконом, всегда обращенным в сторону дороги, разбросаны по холмам. Рядом с домом отдельная кухня с очагом, с котлом для мамалыги, который свисает над огнем на цепи. Тут и сосредоточена жизнь семьи, сюда заглядывают соседи, чтобы поделиться новостями. А вокруг – двор, гладкий лужок, покрытый простой травой, как ковром. И посередине – дерево: орех или липа.

Весь этот уклад, быт, нравы были для меня новы и интересны, хотя эти путешествия были нелегким физическим трудом.

Нам жилось бы много легче, если б нас не обокрали.

ЛИТЕРАТОР – ВОРОВКА

В Москве жил давний знакомый нашей семьи – Захар Захарович Виноградов. Людям, профессионально

занимающимся фотографией, это имя должно быть знакомо. Еще в конце XIX века, Виноградов стал если не первым, то во всяком случае одним из первых, – кто стремился сделать фотографию не ремеслом, не любительством, а средством художественного самовыражения, превратить ее в искусство. К тому же, он был и путешественником, бывал на Севере, в Арктике, уже немолодым человеком ездил в экспедицию в Каракумы (пробег на автомобилях). Я помню его прекрасные крымские пейзажи, помню сосну, цепляющуюся обнаженными корнями за скалу над пропастью, а вдали – море. У Виноградова были целые серии: «Жизнь Ванюши» – рассказ в художественных фотографиях о жизни русского крестьянина, от люльки до могилы. Или серия «Баба Яга» – с необычайно выразительными типами сельских старух, с избушкой на курьих ножках под елью ... А еще запомнилась иллюстрация к стихам Блока:

Ушла. Но гиацинты ждали,

И день не разбудил окна.

И в легких складках женской шали

Цвела ночная тишина.

У Виноградова: окно, на подоконнике в стакане (или в бокале?) гиацинты, а рядом с окном, на спинку кресла брошенная женская узорная шаль...

К несчастью, у Захара Захаровича была падчерица Нина Коротыгина, которая всячески отравляла ему жизнь. Сменив несколько мужей, она оставила Захара За-

харовичу двоих сыновей от разных отцов и отправилась искать счастья в Сухуме. Она была принята в нашей семье, как родная, год жила в нашем доме, как член семьи. В Сухуме она установила связи с местными литераторами, что-то писала и даже при очень умеренных способностях прошла в Союз писателей. А потом стала корреспондентом «Литературной газеты». В скором времени Нина вышла замуж за адвоката Данилевского и переехала с ним в Гагры. В 1941 году Данилевского взяли в армию, а Нина неожиданно появилась у нас в Сухуме вместе с младшим сыном. Оказывается, мужа ее демобилизовали, и она пробирается к нему в Гагры вместе с младшим сыном Васей. Они прожили у нас дня четыре. Приняли мы их как родных. А после их отъезда обнаружили пропажу многих ценных вещей. Мы терялись в догадках, кто нас обокрал, потому что моя мачеха отказывалась верить, что это могла сделать Нина, которая видела от нашей семьи столько добра. И только, спустя чуть ли не год, пришлось поверить в этот невероятный факт – выяснилось, что она обокрала еще писателя Новодворского и кроме него – знакомую, которая тоже сделала Нине и ее мужу немало добра. Все мы, потерпевшие, обращались в уголовный розыск, указывая имя, отчество, фамилию и адрес воровки, но ничего не добились. Муж ее на деньги вырученные, от продажи ворованных вещей, купил спившийся за ветхостью грузовик, восстановил его и стал возить пассажиров и грузы в окрестностях Гагр. Когда я

вернулась в Москву и пришла к Захару Захаровичу, то выяснилось что она и его обворовала.

...Наша городская больница – в старом Сухуме ее называли Остроумовской, потому что ее выстроил и подарил городу знаменитый врач Остроумов – с началом войны была превращена в госпиталь. По мере того, как разгоралась битва за Кавказ, раненых делалось все больше. Поезда подходили к самой больнице, потому что железнодорожная колея проходила у подножия того холма, на котором стоял госпиталь. Поезд останавливался, санитары выносили раненых на руках и опускали их прямо на землю, потому что надо было как можно скорей освободить железнодорожный путь. Когда поезд уходил, то раненых на носилках уносили в здание госпиталя, белевшее чуть выше на холме. Такую же картину я видела в тот самый день, когда шла в суд.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

В военном трибунале разбиралось дело руководителей Абпромсоюза. Зал был переполнен. В обвинительном заключении говорилось о том, что в те дни, когда немцы приближались к Сухуму, Начкебия, его зам. Гадлия и Начальник отдела снабжения Б., расхитили весь склад Абпромсоюза, надеясь что приход немцев все по-

кроет. Все ждали сурового приговора. Но подсудимые вели себя очень независимо, а Начкебия – даже дерзко. Сестра предсовнаркома Мирцхулава¹ (кажется, такова была его фамилия) в перерывах демонстративно подходила к Начкебия и передавала ему папиросы.

Прокурор оглашает записку Начкебия с приказом выдать подателю какой-то товар.

– Подпись: «Алеша». Это вы?

– Я, гражданин прокурор. Мы же с вами прекрасно знакомы.

Прокурор употребил слово «разбазаривание».

Начкебия: «Разбазаривание!» Это легко говорить сейчас, когда вы сидите там, а я здесь. Но вот вы просили у меня сапоги, только не успели получить. А если бы успели? Что бы это было? Разбазаривание или нет?

Прокурор потупился и смущенно сказал:

– Я заявляю суду, что никогда ничего от гражданина Начкебия не получал.

Заходит речь о восстановленной легковой машине.

Начкебия: Да, я восстановил машину. И если вы, гражданин прокурор, помните, мы с вами вместе на ней ездили в Очамчиры, спасаясь от бомбежки.

Начкебия угрожала очень суровая кара, он привлекался по так называемому закону «от 7 августа» (хищение социалистической собственности). Статью изменили и вместо «хищения» вменили ему в вину «халатность».

¹ А.И. Мирцхулава был тогда секретарем Абхазского обкома КП(б) Грузии.

Суд удалился на совещание. В ожидании приговора, Начкебия на глазах у всего зала демонстративно ел клубнику, которую ему принесла в газетной бумаге Мирцхулава. Клубника в тот день впервые появилась в тот сезон на рынке и стоила 100 руб. килограмм. Вряд ли в то время кто-нибудь в зале мог себе позволить такое.

Вышли судьи. Начкебия приговорили к шести годам тюрьмы. Через день я видела его в городе: он гулял вместе с братом предсовнаркома Мирцхулава, а сзади, на расстоянии нескольких шагов шел милиционер.

Гадлия был осужден на три года с заменой отправкой на фронт. Никуда он не поехал, а продолжал спокойно жить в Сухуме, не таясь.

Строже всех покарали Б., т.к. он подписывал большинство компрометирующих документов. Не зря Начкебия взял у меня штамп и печать. Его осудили на десять лет исправительно трудовых работ...

Все в жизни перемешано: трагическое и комическое, великое и ничтожное, драма и фарс. Военное время не составляло исключения.

Я была в гостях у знакомых, когда пришла их приятельница Мария и стала жаловаться на свои служебные дела. Она работала в одном из республиканских учреждений. Во время бомбежки и председатель и его заместитель оба бежали в горы. Зам. вернулся раньше, сел за стол председателя, быстро сориентировался, установил контакты с начальством, с нужными людьми и стал за-

правлять всеми делами. Когда вернулся председатель, его место (в прямом смысле слова!) было занято. Нельзя же председателю сидеть за меньшим столом!

Когда человеку не хватает внутренней уверенности в своих правах на высокое место, он ищет подтверждения во внешней обстановке, во внешних аксессуарах власти. Чем меньше достоинств у человека, тем большее значение он придает обстановке.

Мария услышала невероятный грохот – это несли новый стол для председателя – такой большой, что его с трудом втиснули в дверь, разобрав на части. Председатель уселся за него и вздохнул с облегчением. А зам. беспокойно забегал, потом отозвал Марию в сторону и велел ей купить ему самый дорогой письменный прибор.

– Ну, купили! встретил он ее.

– Нет. Он стоит 600 рублей.

– Все равно, надо было купить.

– Что вы? Ведь идет война – и тратить такие деньги на прибор! Да мне и не дадут таких денег под отчет.

Зам. куда-то умчался, потом принес 600 рублей и сказал:

– Идите и купите. Я потом сам все как-нибудь оформлю.

Мария шла с тяжеленным прибором, у которого, казалось, не было никаких шансов быть купленным. Директор магазина и все продавцы провожали Марию с поклонами до самых дверей.

Увидев прибор, председатель явился в новых необыкновенных ботинках – цвета бычьей крови и в разных узорах.

На другой день зам. пришел в двух часах: на каждой руке – часы.

– Работать невозможно! – сказала Мария – Что велит один, отменяет другой. Не знаешь, кто же начальник, и кого же я должна слушаться.

Чем все это кончилось – я не знаю, потому что уехала в Москву.

ПРОЩАНИЕ С СУХУМОМ

Когда мы уезжали из Москвы, считалось, что это ненадолго – вот отгонят немцев от Москвы, и мы вернемся. Но уже осенью 1941 года выяснилось, что без пропуска вернуться в Москву нельзя. А пропусков нам не выдавали, потому что в нашу квартиру вселилась в самые страшные октябрьские дни бухгалтер домоуправления Смирнова. Она запутала все счета и отказывалась дать справку о наличии у нас своей жилплощади.

Наконец, моему большому другу, профессору И.М. Нусинову, удалось получить для меня пропуск через Союз писателей. И в декабре 1943 года я выехала из Сухума.

Я чувствовала, что покидаю этот город навсегда. Когда-то он был мне родным. Но одно дело приезжать в родное гнездо, под крыло отца – и совсем другое дело приехать, как беженке, с опороченной репутацией, уязвимой и вынужденной работать, где придется, чтобы не

умереть с голоду. Да еще в такое страшное время. За все время эвакуации я не знала ни дня без горечи и боли. Даже природу Абхазии я воспринимала только во время моих тяжелых хождений по ее горным дорогам.

В былые годы я уезжала обычно на пароходе, уезжала не бесповоротно, всегда с уверенностью, что еще вернусь, что, возможно, и старость проведу в Сухуме. С палубы парохода я видела город с его пристройками, с Чернявской горой, на которой прошло мое детство и юность, со знакомой до мелочей набережной – все это исчезало из глаз постепенно, медленно отступая и тускнея.

А на этот раз я ехала поездом. Он вырвался из тоннеля под Чернявской горой, и я увидела «закрасномостскую» часть города, да еще в незнакомом мне ракурсе. Это был чужой город. И я знала, что больше сюда не вернусь.

В Тбилиси я сошла с поезда и оказалась в огромном кипящем котле вокзала. Переполненный людьми, он клоко-тал всеми пассажирскими страстями. Потоки людей выливались на улицу, другие устремлялись с улицы к перронам. Крики, шум, толкотня – и среди этой круговерти – я одна, растерявшаяся отвыкшая от толпы и шума, со своими восемью «местами». Но вот, в этой толпе я увидела далеко, в другом конце зала, какое-то женское лицо – не то чтобы знакомое, но чем-то близкое. Мне показалось, что и женщина остановила на мне свои глаза. Сработал какой-то своего рода «классовый» инстинкт. Неизвестно как, но мы постепенно сближались и наконец оказались

рядом. Это была москвичка, научный работник одного из Институтов АН СССР. Она ездила в командировку в Поти и теперь возвращалась в Москву.

Мы обе смотрели с тревогой на окружающую нас давку и понимали, как трудно нам будет попасть в поезд, который уже скоро должны были подать. Я оставила вещи на мою новую знакомую и пошла к коменданту вокзала. У меня было к нему письмо от матери его школьного товарища. Комендант – замученный, задерганный, все же любезно меня встретил, вызвал двух солдат и велел принести вещи в помещение комендатуры. Мы пришли вместе с моей спутницей. Когда состав был подан, солдаты вывели нас прямо из комендатуры на перрон и, пока не была еще объявлена посадка, заняли нам в вагоне два верхних места. И тут сразу хлынула толпа пассажиров, которые штурмом брали вагон. Наши провожатые с трудом, уже наперерез толпе, выбрались наружу.

Я сидела на верхней полке, окруженная своими «местами», и чувствовала, что я попала в другой мир – может быть более «настоящий», чем тот, в котором я прожила два с лишним года. Вокруг были возбужденные и суровые лица, взволнованные разговоры, и я ощущала бешеный темп жизни, от которого я успела отвыкнуть. Вокруг были в основном военные, даже некоторые женщины были в военной форме. Я поняла, что даже в военное время, даже под угрозой оккупации, Абхазия оставалась островком в бушующем море военной стихии.

Моя спутница рассказывала мне об испытаниях каких-то смазочных веществ, которые она проводила на подводных лодках, о морях, несущих такую опасную службу на море. Внизу, на лавке сидела молодая девушка в военной форме. Она ехала добровольно на Западный фронт. Солдаты обменивались какой-то своей информацией, курили, шумели, пели... Все говорило, кричало о войне. Даже песни были другие. У нас в Сухуме я слышала только: «Дорогая моя столица, золотая моя Москва...» Это пели, марширующие в строю солдаты. А в вагоне я впервые услышала и «Синий платочек» и «Вечер на рейде», и «Соловьев»...

Фронт откатился на Запад не так давно. Еще года не прошло после Сталинградской победы. Сообщение из Тифлиса на Москву только-только восстанавливалось – до того надо было ехать через Среднюю Азию. Наш поезд шел неведомым мне маршрутом – не на Ростов, как раньше, а на Сталинград. Мы проезжали его ночью.

Я вышла на перрон – или на то, что считалось перроном. Вокзала не было. Города не было. В обе стороны во мраке простиралась, какая-то вздыбленная равнина. Кое-где на уровне земли теплились робкие огоньки – вероятно лампы или свечи в землянках. Людей, кроме железнодорожников, не было видно. Впрочем, была глухая ночь. Я постояла в темноте одна, потом вошла в вагон. Поезд тронулся.

Чем ближе к Москве, тем чаще делалась проверка документов. Вылавливали тех, кто ехал без пропуска. У нас

в вагоне, под лавкой, прятался мальчик лет 12-ти. Контроль провел женщину, которая ехала в Москву без пропуска с мешком семечек, чтобы продать их на рынке...

В декабре 1943 года на рассвете тусклого сырого дня, я вернулась в Москву.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

У кого-то я читала о Москве:
– Я был готов целовать камни ее мостовой...

Но меня Москва встретила не «матушкой», а мачехой. Наша квартира была занята чужими людьми, вещи разворованы. Жить мне было негде. Я скиталась по знакомым, порой ночевала на работе, пока, наконец, удалось снять комнату. На нее уходила треть зарплаты.

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Мне было пять лет, когда я сказала слово «жид». Мать спросила: от кого ты слышала это слово? – «Маша сказала.»

«– Маша – женщина необразованная, неграмотная, а интеллигентный человек никогда не скажет «жид». Он скажет «еврей». Запомни это на всю жизнь.»

И я запомнила.

К тому же я росла в Сухуме – городе, где жили рядом люди разных национальностей – русские, абхазцы, гру-

зины, мингрельцы, греки, турки, персы. Около города существовали колонии – немецкие и эстонские. По сути это был интернациональный город. Жили в нем и евреи. Я не помню сколько-нибудь заметного проявления антисемитизма. У нас в классе была еврейка – Рива Бадер, все любили ее за легкий жизнерадостный характер. У нас дома собирались люди разных национальностей, а родители были марксистами по убеждениям и, следовательно, интернационалистами. Об антисемитизме говорили с возмущением, вспоминали, что Маркс сам был евреем. С презрением вспоминали «Союз русского народа» и какой-то «Союз Михаила Архангела».

После революции вопрос о национальности как-то потерял свое значение. Помню слова отца: «Как великолепно решили большевики национальный вопрос.»

С оголтелым антисемитизмом мне пришлось столкнуться в Германии в 1914 г. в начале 1-й Мировой войны, а позже – в Ростове–на–Дону, где даже в Университете существовала национальная рознь (студенты казаки из станиц и еврейское население города). В уборных на стенах красовались разные антисемитские лозунги! Особенно проявился этот антисемитизм при власти белогвардейцев.

В Москву я приехала в 1923 году. В нашей студенческой среде никто не регистрировал, кто какой национальности. В двадцатые годы даже существовал закон, каравший за великодержавный шовинизм, в том числе за антисемитизм. Когда в 1943 году я вернулась из эвакуации в

Москву, меня сразу поразил гадкий запах антисемитизма. В Абхазии его не было. Откуда он взялся? Ведь в печати, в речах руководителей, в докладах осуждался еврейский геноцид в фашистской Германии, зверства нацистов в оккупированных областях. Откуда же взялся этот тлетворный дух? Неужели антисемитизм как инфекцию, можно было перебросить через фронт?..

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эти мемуары я писала несколько лет. Трудно писать в таком преклонном возрасте. И чем ближе описываемые события, тем труднее писать о них. Нет дистанции, позволяющей их разглядеть объективно (насколько это вообще возможно).

Но теперь пора поставить точку.

Каждый пишущий предполагает читающего. И мне тоже хочется, чтобы моя рукопись не сгорела в ядерном огне (а мысль об этом часто мешала мне писать!) Мне хочется, чтобы она дождалась, пока в будущем какой-нибудь любопытный читатель заглянул в нее и нашел бы что-нибудь для себя интересное.

Но как узнать, что ему будет интересно! Я писала правдиво, точно и просто. Я старалась из бесчисленного множества событий, встреч, впечатлений, чувств отобрать то, что, по моему мнению, имеет общественный интерес. Но пройдут годы и может быть людей будет интересовать

что-то совсем другое. Например, коммунальные квартиры, в которых я прожила большую часть жизни. Следует думать, что их в конце концов все-таки ликвидируют, и в глазах наших потомков коммунальные квартиры будут выглядеть, как для нас пещеры троглодитов.

Вот этот отбор материала и был для меня самым трудным делом.

Я много видела. Мне довелось быть современницей великих катаклизмов XX века.

Писать о них – не мое дело. Но отблески грозных событий легли и на мою судьбу, которая, как и у большинства моих современников, была отнюдь не легкой.

Оглядываясь еще раз назад, я мысленно обозреваю долгий – почти в век длиной – путь, пройденный мною.

И на прощание хочется все-таки упомянуть о некоторых наблюдениях, которые я сделала к концу жизни.

У меня на глазах произошло разрушение патриархальной семьи. В начале века, как правило, глава семьи работал, жена хозяйничала, дети учились. Семья собиралась вместе к обеду и ужину за общим столом. Это сближало ее, способствовало общению и взаимопониманию, взаимовлиянию.

Теперь быт сильно изменился. Все работают или учатся, все приходят домой в разное время, едят порознь. Исчезло и домашнее музицирование; игра на музыкальных инструментах, хоровое пение или романсы под рояль или гитару. Все это вытеснено радио и, главным образом, телевизором, а они не способствуют общению.

Все это, в числе других причин, ведет к разобщению. Женщина, едва поев, хватается за домашнюю работу. Ей стало труднее жить. /«Неделя как неделя:» Барановской/. А вместе с тем, она твердо стала на ноги, часто уже не скажешь, кто глава семьи. Жена обрела самостоятельность, утвердилась, как личность. Не случайно увеличилось число разводов по инициативе жен, которые не хотят терпеть пьянство и бесчинства мужей. Семьи стали другими, и дети теряют на этом, сколько бы не принимало на себя труда и ответственности общественное воспитание.

Старикам свойственно ругать молодежь. «Вот, в наше время...», «Вот мы в ваши годы...» Всегда ли мы правы? Кто, как не молодежь защитили страну, приняли на себя борьбу с фашизмом, не жалея своих жизней!

И все же я вспоминаю вопрос Е. Г. Кармановой, заданный ею незадолго до смерти:

– А стали ли мы лучше?

Я выросла в среде очень чистых, так называвшихся тогда, «идейных» людей. И мне делается не по себе, когда я вижу недобросовестное отношение к труду, отсутствие чувства долга и ответственности, пренебрежение к дисциплине, «вещизм», мещанство, неизвестно как проникшее в советское общество. Взять хотя бы эти пышные свадьбы с подарками, которые подсчитываются, многочисленные поминки, которые и те стали престижными!

В чем причина?

Я думаю, что произошло нечто вроде «естественного отбора».

В войну 1914 года, а тем более во время революции и в гражданскую войну гибли самые лучшие самые самоотверженные, смелые, благородные. А скольких стубили события конца 30-х годов, кроме того они оставили дурной след в душах, тронутых страхом и трусостью. Потом Великая Отечественная война, которая тоже уносила лучших и в нравственном и в физическом отношениях.

В результате нация все время теряла лучшую свою часть.

Мои деления в области социологии условны и приближительны. И все же мысленно я вижу на своем жизненном пути облик четырех поколений.

Наши родители... Им было трудно. Жили в одних представлениях, а жизнь их опрокинула. Они ждали революцию, а она пришла в другом облике – более жесткой, более сложной и противоречивой. Часть интеллигенции – большая, в том числе и мой отец, разобрались в событиях, приняли Октябрьскую революцию, стали активными строителями нового общества. Другая часть уехала в эмиграцию. Третьи – никуда не уехали, но остались во внутренней эмиграции.

Моему поколению тоже было нелегко разобраться в жизни. Мы, как и родители, представляли себе революцию более романтической, не понимали всей сложности событий. Чего стоил один только вопрос о Брестском мире! Мы ждали мировой революции – а она не пришла! Тем не менее, оглядываясь назад, могу сказать, что мы, мои сверстники

и друзья, не жалели своих сил для работы на новое государство. Для нас не существовало понятие «рабочий день». Мы трудились столько, сколько было надо, сколько требовали обстоятельства. Вспомнить хотя бы наш коллектив в Издательстве Коминтерна – какая это была преданность делу!

Когда я работала в журнале «Общественница», у меня было такое чувство, будто я, должна вытащить журнал из прорыва и я работала часто по ночам и в течение более года без выходных дней, считая это совершенно естественным и нисколько не ставя себе это в заслугу.

На нашу долю пришлось все самое тяжелое, что пережила страна: война 1914 года, гражданская война, разруха, голод, коллективизация, страшные 30-е годы, Великая Отечественная война, послевоенное восстановление разрушенного хозяйства.

Поколению «наших детей» тоже пришлось принять на себя большой жизненный груз, их-то больше всего погибло в войну, больше всего было искалеченных семейств.

Но они выросли более практичными и трезвыми, чем были мы. Они научились приспосабливаться к обстоятельствам, брать жизнь за рога. Они защищали диссертации, добивались высоких ставок, выгодной работы, отдельных квартир. Теперь это поколение уже тоже достигло пенсионного возраста, но и будучи на пенсии, гоняется за заработком.

А вот «наши внуки» родившиеся уже после войны, узнали совсем иную жизнь. Народные бедствия их не

коснулись, они о них знают только понаслышке. Их воспитывают родители, знавшие по чем фунт лиха и считающие, что «нам было тяжело, пусть им будет легко».

Как часто я слышала эти слова. И как много видела этих изнеженных, избалованных детей, которых родители, а особенно бабушки и дедушки, закармливают, наряжают, дарят – маленьких – игрушками, взрослых – кооперативными квартирами, автомобилями или заграничными обновками.

И получилось так, что им стали чуждыми понятия «долг», «обязанность», «дисциплина».

А ведь это – наше будущее. И будущее очень сложное, грозное. Как-то они справятся с тем грузом, который падет на их плечи? Как эти избалованные, эгоистичные существа будут решать труднейшие проблемы, которые обступают нас со всех сторон?

Я этого уже не увижу.

Когда-то, когда я была маленькой, старая моя няня уверяла меня, что после смерти наши души вознесутся на небо, и оттуда будут видеть все, что творится на земле.

Жаль, что это – только нянины сказки. Как мне интересно знать, что будет совершаться без меня на этой беспокойной, но любимой земле!

29 мая 1985 г.

Рафальская Евгения Борисовна

125445 Правобережная д.4, Пансионат № 1,

1-й корпус, 3 этаж, комн.42

Тел. 458-92-24

♦ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Фонд 1329 (Г.А. Лопатин). Опись 2. Дело 15; 16 (Воспоминания Е.Б. Рафальской. Из окна вагона. 1983–1985. В 2-х частях).
- Абхазский архив. XX век. Вып. 1 //Сост.: С.З. Лакоба, Ю.Д. Анчабадзе. М. 2003.
- Абхазский биографический словарь. //Под ред. В.Ш. Авидзба. М. – Сухум. 2015.
- Агумаа А.С. Старый Сухум. Сухум. 2016.
- Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времён до наших дней. Сухум. 2015.
- Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. М. 1975.
- Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми. 1979.
- Евстигнеева А.Л. Из воспоминаний Е.Б. Рафальской о Высшем литературно-художественном институте имени В.Я. Брюсова. Источник: [http:// www. literary.ru/ literary.ru](http://www.literary.ru/literary.ru)
- Лакоба С.З. Абхазия в годы Первой российской революции. Тбилиси. 1985.
- Лакоба С.З. Август Мартин и эстонские материалы о событиях в Абхазии (1917–1921). //Диалог времён. Альманах. Сухум. 2018. № 2. С.173-178.

Лакоба С.З. Боевики Абхазии в революции 1905–1907 годов.

Сухуми. 1984.

Лакоба С.З. «Крылились дни в Сухум-Кале...». Сухуми. 1988.

Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми. 1990.

Медвенский Н. Авианалеты Люфтваффе на Сухум в ходе битвы за Кавказ. 1942–1943гг. // Газ.: Республика Абхазия. 2017. 20 октября.

Пачулия В.М. Абхазия в Великой Отечественной войне (1941–1945). Сухум. 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия

5

1983–1985 гг.

Из окна вагона. Воспоминания

13

Источники и литература

185

Евгения Борисовна
РАФАЛЬСКАЯ

из Окна вагона
вспоминания

Редактор *В. Пейливанова*
Компьютерная верстка *Н. Гунба*
Технический редактор *Н. Гунба*
Художник *А. Лабахуа*

Формат 70x100 1/32. Физ. печ. л. 5,75. Усл. печ. л. 7,475. Тираж 300.
Заказ №5.

 Республика Абхазия,
РУП «Дом печати», г. Сухум, Эшба, 168.

